

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2020

№ 4 (55)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: ЖИЗНЬ НА ФРОНТИРЕ: МИГРАЦИИ И МОБИЛЬНОСТИ В ПРИГРАНИЧЬЕ

- От редактора рубрики 5
- Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю., Шаривхан Ж.** Уехать "куда" или "откуда": условия жизни и миграционные стратегии жителей дальневосточного российско-китайского приграничья .. 7
- Костина Е. Ю., Орлова Н. А.** Социальная мобильность в приграничье: взгляд молодежи 16
- Роговая А. В., Левченко Н. В.** Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодежи из малых городов 23

Круглый стол

- Бурлаков В. А., Владимирова Д. А., Глазкова Е. А., Журбей Е. В., Задворная Е. С., Малахов А. А., Малявин В. В., Самойленко А. Ю., Си Цзюньфэй, Федоренко Д. В., Хоанг Минь Фук.** Современное состояние традиционных культур стран АТР: проблемы их развития и сохранения в условиях глобализации 34

Историческое регионоведение

- Фадеева Е. В.** Обычай избегания в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина: середина XIX – начало XX вв. 45
- Исповедников Д. Ю.** Обзор археографического освещения Гражданской войны на Востоке России 54
- Петрова В. Д.** Якутское радио в годы Великой Отечественной войны: редакция политического вещания 65

Социальные и демографические структуры

- Башкуева Е. Ю., Гунтыпова Э. С.** Иностранная миграция в Республике Бурятия: состояние и проблемы (на примере трудовых мигрантов из ближнего зарубежья) 71
- Старшинова А. В., Платонова Л. А.** Развитие НКО как поставщиков социальных услуг в регионах Дальневосточного округа 83
- Абросимова Е. Е., Филипова А. Г.** Размышления о волонтерстве в видеоблогосфере: возможности участия в принятии социально значимых решений 95

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Бояркина А. В., Печерица В. Ф. Концепция Си Цзиньпина "сообщество единой судьбы человечества" – вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке **104**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Лэй Шуан. Концепция партнерства в современной китайской дипломатии **113**

Севастьянов С. В. Перспективы развития трансграничных отношений Дальнего Востока России в контексте выдвинутых ведущими странами СВА стратегий международного сотрудничества **125**

Золотухин И. Н., Бобыло А. М. Ядерная безопасность в Юго-Восточной Азии: вызовы и направления сотрудничества **137**

НАУКОВЕДЕНИЕ

Латкин А. П., Троценко А. Н. Ожидаемые эффекты реформирования российской аспирантуры в контексте развития отечественной науки **148**

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Богомолов И. К. Рецензия на книгу Sablin I. The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire **158**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

От редколлегии **163**

Москвитин А. Ю. Памяти друга **164**

Редакционная коллегия:

А. Г. Филипова (главный редактор), Я. А. Барбенко, В. А. Бурлаков, А. В. Винокурова, М. Г. Ганопольский, К. В. Григоричев, А. Н. Демьяненко, С. М. Дударёнок, Е. В. Журбей (ответственный редактор), И. Н. Золотухин, В. Н. Караман, А. А. Киреев, В. В. Кожевников, Г. Кристофферсен, А. М. Кузнецов, Ю. В. Латушко, М. М. Лебедева, Д. А. Литошенко, А. Л. Лукин, Ю. А. Наумов, Т. Г. Римская, Н. П. Рыжова, С. В. Севастьянов, Н. В. Хисамутдинова, О. И. Шестак, Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С. Е. Ячин

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: LIFE ON THE FRONTIER: MIGRATION AND MOBILITY IN THE BORDERLAND

- From the editor of the heading 5
- Vinokurova A. V., Ardal'yanova A. YU., SHarivkhan ZH.** Leaving "where" or "from where": living conditions and migration strategies of residents of the Far Eastern Russian-Chinese borderland 7
- Kostina E. Yu., Orlova N. A.** Social mobility in the borderlands: the view of young people 16
- Rogovaya A. V., Levchenko N. V.** Education, employment and leisure as factors of youth migration from small towns 23

ROUND TABLE

- Burlakov V. A., Vladimirova D. A., Glazkova E. A., ZHurbej E. V., Zadvornaya E. S., Malakhov A. A., Malyavin V. V., Samojlenko A. YU., Si TSzyun'fehj, Fedorenko D. V., KHOang Min' Fuk.** The current state of traditional cultures of the Asia-Pacific countries: problems of their development and preservation in the context of globalization 34

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

- Fadeeva E. V.** Avoidance customs in the traditional family of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin: mid-XIX – early XX centuries 45
- Ispovednikov D. Yu.** Review of archaeological coverage of the Civil War in the East of Russia 54
- Petrova V. D.** Yakut radio during the great Patriotic war: political broadcasting 65

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

- Bashkueva E. YU., Guntypova EH. S.** Foreign migration in the Republic of Buryatia: state and problems (on the example of labor migrants from neighboring countries) 71
- Starshinova A. V., Platonova L. A.** Development of NPOs as providers of social services in the regions of the Far Eastern District 83
- Abrosimova E. E., Filipova A. G.** Reflections on Volunteering in the Video Blogosphere: Opportunities for Participation in Social Decision Making 95

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Boyarkina A. V., Pecheritsa V. F.** Xi Jinping's concept of a community with a shared future for mankind – contribution in creative development of Marxism in the 21st century **104**

WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS

- Lei Shuang'**. Partnership concept in modern Chinese diplomacy **113**
- Sevastyanov S. V.** Prospects for the development of transborder relations of the Russian Far East in the context of the strategies of international cooperation put forward by the leading NEA countries **125**
- Zolotukhin I. N., Bobylo A. M.** Nuclear Security in Southeast Asia: Challenges and Areas of Cooperation **137**

STUDY OF SCIENCE

- Latkin A. P., Trotsenko A. N.** The expected effects of reforming Russian postgraduate education in the context of national science development **148**

REVIEWS

- Bogomolov I. K.** Review on Sablin I. The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire **158**

SCIENTIFIC LIFE

- From the Editorial Board **163**
- Moskvitin A. Yu.** In memory of a friend **164**

Editorial board:

A. G. Filipova (Editor-in-chief), Ya. A. Barbenko, V. A. Burlakov, A. V. Vinokurova, M. G. Ganopolskij, K. V. Grigorichev, A. N. Demyanenko, S. M. Dudaryonok, E. V. Zhurbey (Editor), I. N. Zolotukhin, V. N. Karaman, A. A. Kireev, V. V. Kozhevnikov, G. Kristoffersen, A. M. Kuznetsov, Yu. V. Latushko, M. M. Lebedeva, D. A. Litoshenko, A. L. Lukin, Yu. A. Naumov, T. G. Rimsкая, N. P. Ryzhova, S. V. Sevastyanov, N. V. Khisamutdinova, O. I. Shestak, Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S. E. Yachin

---

Founder: State educational institution of the higher education
"Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.
Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Социальные трансформации, происходящие в современном обществе, затрагивают все без исключения сферы человеческой жизнедеятельности. При этом наблюдается специфическая регионализация трансформационных процессов, которые, совмещаясь с геополитическими, экономическими, социокультурными характеристиками, приобретают своеобразие и региональный колорит. Всё это в полной мере относится и к приграничным регионам.

Статус приграничья как некоего форпоста страны не теряет своей значимости, актуализируется потребность в осмыслении происходящих в приграничье процессов миграционной мобильности и их влияния на жизненные стратегии населения приграничных территорий. Соответственно, преодоление трудностей, которые в настоящее время переживают жители приграничья, невозможно без достоверных научных знаний о механизмах жизнедеятельности населения приграничных территорий: каким образом в процессах миграции и мобильности участвуют люди, проживающие в приграничных регионах; какими специфическими характеристиками обладает приграничный регион, служит ли он не только неким форпостом государства, но и мостом для социально-экономического, культурного, научного и прочего обмена? Эти и другие вопросы рассматриваются в тематической рубрике номера.

Авторы представленных статей акцентировали внимание на том, что необходимо обеспечение достойного уровня социально-экономического развития приграничных территорий, включая развитие отраслей социальной инфраструктуры (медицины, образования, социокультурной сферы), повышение качества и в целом стимулирование благоприятных условий для жизни местного населения, в первую очередь, для молодёжи.

Указанные аспекты рассматриваются под разными углами зрения исследователями Дальневосточного федерального университета (Владивосток), Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва), Кокшетауского государственного университета (Казахстан, Кокшетау). В статьях рубрики их авторами используется разнообразный научный инструментарий. Анализ конкретных фактов, источников, различной статистической информации, полевых материалов, результатов количественных и качественных социологических исследований с использованием методов анкетирования, фокус-групп и экспертного опроса позволил комплексно подойти к рассматриваемым проблемам, подтвердить теоретические выводы эмпирическими данными.

Открывает рубрику соавторская статья А.В. Винокуровой, А.Ю. Ардальяновой и Ж. Шаривхана, в которой рассматриваются условия жизни населения дальневосточного российско-китайского приграничья и даётся оценка миграционных стратегий дальневосточников. Авторы отмечают, что в дальневосточных приграничных регионах наблюдается ухудшение различных аспектов повседневной жизнедеятельности людей, что способствует формированию устойчивых миграционных настроений, связанных с намерениями переехать в другой, более благополучный российский регион или в другую страну. Основная стратегия дальневосточников состоит в том, чтобы удерживать имеющиеся ресурсы. Необходимы действенные меры, способствующие созданию благоприятных условий жизни для населения регионов дальневосточного приграничья.

Это важнейшая задача государственной социальной политики на Дальнем Востоке, и власти различных уровней серьёзно озаботились указанной проблемой. В данном направлении принят ряд масштабных законодательных инициатив ("Дальневосточный гектар", "Дальневосточная ипотека" и пр.), но, к сожалению, они не имеют должного эффекта. Поэтому вопрос о том, как "сохранить" и "закрепить" людей на Дальнем Востоке, продолжает оставаться актуальным.

Также следует отметить, что наблюдаемые в регионах дальневосточного приграничья неблагоприятные тенденции социально-экономического развития в значительной степени затрагивают поколение молодых людей, перед которыми стоит комплексная проблема жизненного самоопределения. Это имеет особое значение в отношении студенчества, чей профессиональный и личностный потенциал формируется во многом институтом высшего образования. Данные вопросы анализируют в своей статье Е.Ю. Костина и Н.А. Орлова.

В работе рассмотрена готовность студенческой молодёжи дальневосточного приграничья к различным формам мобильности, в том числе и к смене места текущего места жительства в поисках возможностей для самореализации и удовлетворения своих потребностей на более высоком уровне. Предпринятое авторами исследование показало, что готовность дальневосточной молодёжи покинуть регион, косвенным образом характеризует сложившуюся в нём неблагоприятную экономическую ситуацию. Сложившаяся тенденция приводит к обнищанию человеческого капитала приграничных регионов Дальнего Востока, лишая данную территорию возможности развивать инновационную экономику и обеспечивать высокий уровень качества жизни местному населению.

Завершает рубрику статья А.В. Роговой и Н.В. Левченко, в фокусе внимания которой находятся образование, занятость и досуг молодых людей, проживающих в малых городах. Указанные области жизнедеятельности рассматриваются авторами в качестве основных факторов, способствующих миграционному оттоку молодёжи из малых городов. По итогам проведённого исследования сделан вывод, что сферы образования, трудоустройства, здравоохранения, культуры и досуга имеют значительные ограничения с точки зрения удовлетворения потребностей и реализации интересов молодых людей, проживающих в малых городах. Соответственно, необходимо создание возможностей для минимизации оттока молодёжи и формирования оснований для возвратной миграции.

Таким образом, только при условии заинтересованности государства в сохранении и создании научно-образовательных и культурных центров, новых рабочих мест, транспортной доступности и обеспеченности населения системой здравоохранения можно говорить о благоприятных перспективах, связанных с развитием приграничных территорий.

В целом представленные в тематической рубрике статьи позволяют расширить наши представления о процессах миграции и мобильности в приграничье, жизненных планах, поведенческих стратегиях и ценностных ориентациях населения приграничных регионов.

А. В. Винокурова

УДК 316.4

Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю., Шаривхан Ж.

**Уехать "куда" или "откуда":
условия жизни и миграционные стратегии жителей
дальневосточного российско-китайского приграничья**

Приграничье – это весьма специфичное территориальное образование, поскольку испытывает существенное влияние государственной границы, выполняет особые функции. В качестве эталонных характеристик приграничных регионов следует обозначить, в первую очередь, равномерное заселение и равномерное развитие, нужно не допускать массового оттока населения и запустения территорий. Кроме того, должна осуществляться целенаправленная политика в отношении защиты границы посредством формальных и неформальных социальных структур и институтов, включая организацию дееспособных местных сообществ, воспитание патриотизма и других идейно-нравственных ценностей. Не менее важным является обеспечение достойного уровня социально-экономического развития приграничных территорий, стимулирование благоприятных условий для жизни местного населения.

Мы полагаем, что стремление, а в перспективе и достижение отмеченных характеристик будет свидетельствовать о жизнеспособности приграничных регионов. Таким образом, приграничье должно проектировать "свое" пространство, всячески способствовать объединению людей, а также формировать эффективные жизненные стратегии местных сообществ, включающие в себя фактор присутствия границы. Поскольку на сегодняшний день положение приграничья как некоего форпоста страны всё более и более актуализируется, соответственно, имеется определённая потребность в исследовании социальных процессов, происходящих в приграничных регионах.

Являясь ключевым социально-демографическим процессом, миграция выступает объектом исследования многочисленных теоретико-методологических концепций. В основе данных подходов лежит понимание миграции как феномена, имеющего преимущественно *динамические* свойства, на которые оказывают влияние различные факторы. В то же время, говоря о приграничье как особой территориальной зоне, важно учесть именно *статический* аспект, который гарантирует стабильность развития территории и её неприкосновенность. Большинство же исследований направлены либо на изучение приграничных территорий (в статике), либо миграционные процессы (в динамике). Рассмотрим основные подходы, сложившиеся в настоящее время в практике анализа данных феноменов.

Современные исследования приграничной проблематики базируются на фундаментальной теоретико-методологической базе, сформированной представителями различных наук: философии, социологии, этнографии, демографии, политологии и др., а также на результатах эмпирических исследований. Одним из наиболее популярных в контексте изучения трансгранич-

© Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю., Шаривхан Ж., 2020

ВИНОКУРОВА Анна Викторовна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** vinokurova77@mail.ru

АРДАЛЪЯНОВА Анна Юрьевна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** ardy2004@mail.ru

ШАРИВХАН Жарденбек, Ph.D., старший преподаватель кафедры юриспруденции Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова (г. Кокшетау, Республика Казахстан). **E-mail:** sharivkan@mail.ru

ных взаимодействий является геополитический подход. Он рассматривает изучение границ с точки зрения конкретного географического и политического разделения границ [см. подробнее: 21; 22; 24].

Подход сторонников теории рационального выбора предполагает изучение деятельности бизнес-структур, что делает возможным его применение к анализу приграничного (трансграничного) взаимодействия структур управления, бизнеса, образования и пр. [см. подробнее: 26]. Концепция функционализма в контексте исследования приграничья акцентирует внимание на изучении типов и способов сотрудничества, формировании трансграничных регионов, предпочтений политических элит [см. подробнее: 25].

Между тем многообразие попыток анализа приграничных процессов в междисциплинарном исследовательском поле не раскрывают значения и роли условий жизни, а вместе с тем и миграционных настроений жителей приграничных регионов.

Отмеченные нами теоретико-методологические подходы так или иначе делали попытку анализа приграничных территорий, но при этом не ответили на главный для нас вопрос – какую роль во всех перечисленных процессах играют условия жизни и миграционные настроения "приграничников", каким образом в них участвуют люди, проживающие в приграничных регионах? Анализ феномена миграции в приграничье предполагается осуществлять с опорой на следующие, сложившиеся в исследовательской практике направления изучения миграционных процессов. Одно из них связано с теоретическим осмыслением понятий "миграция" и "миграционные процессы", классификацией основных миграционных потоков, исследованием траекторий движений мигрантов и трансформаций общества под влиянием миграции. В отечественной научной литературе это направление отражено в трудах таких учёных, как Ж.А. Зайончковская, И.В. Ивахнюк, Л.Л. Рыбаковский и др. [см., напр.: 4; 6; 12]. Ещё одно направление посвящено проблемам формирования и реализации миграционной политики в России. Существенный вклад в его развитие внесли И.Б. Бритвина, Е.В. Шевцова, Н.А. Ткачева и др. [см. подробнее, напр.: 3; 16; 23].

В целом отметим повышение научного и практико-ориентированного интереса в контексте изучения социального потенциала, экономического и демографического развития приграничных территорий [см. подробнее, например: 7; 2; 1; 10; 17; 8; 13].

Основной целевой установкой нашего авторского исследования является комплексный анализ условий жизни жителей дальневосточного российско-китайского приграничья с последующей оценкой их миграционных стратегий. Для достижения поставленной цели мы опирались на вторичный социологический анализ (в том числе с использованием статистических данных) и количественные методы (анкетирование). В рамках реализации проекта "Жизнь на фронтире: миграции и мобильности в приграничье" в приграничных населённых пунктах Приморского и Хабаровского краёв, Амурской области и Забайкалья нами был проведён анкетный опрос. В связи со сложившейся эпидемиологической обстановкой было принято решение проводить заочное анкетирование. Вопросы анкеты были размещены в Google-форме. Ссылка была разослана потенциальным респондентам. Общий объём выборочной совокупности составил 442 человека (N=442). Выборка – целевая, квотная (в качестве котируемых признаков были выбраны пол и возраст), также число респондентов в выборочной совокупности в конкретном регионе определялось пропорционально доле населения с заданными социально-демографическими характеристиками в генеральной совокупности. Основные характеристики выборки в соответствии с квотами можно представить следующим образом: мужчины (203 чел.), женщины (239 чел.); лица в возрасте 18–24 лет (48 чел.), 25–34 лет (99 чел.), 35–59 лет (202 чел.), 60 лет и старше (93 чел.); жители Приморского края (163 чел.), жители Хабаровского края (114 чел.), жители Амурской области (67 чел.), жители Забайкальского края (98 чел.). Метод построения выборки – комбинированный с использованием методов "доступных случаев", "снежного кома", "типичных представителей". Сбор полевых материалов осуществлялся в летний период 2020 года. Исследование носило разведывательный характер, по предварительным итогам мы имеем данные пилотного характера.

Таблица 1. Среднегодовая численность населения дальневосточных регионов российско-китайского приграничья

Регион	Численность населения (чел.)				
	2015	2016	2017	2018	2019
Амурская область	807 800	803 700	800 100	795 800	791 619
Еврейская автономная область	167 300	165 200	163 100	161 000	159 109
Забайкальский край	1 085 200	1 081 100	1 075 900	1 069 300	1 062 742
Приморский край	1 931 100	1 926 100	1 918 100	1 907 900	1 899 293
Хабаровский край	1 336 500	1 333 900	1 330 800	1 324 900	1 318 558

Источник: составлено авторами на основе [9; 11].

В данном контексте следует обратить внимание и на тот факт, что современные процессы социально-демографической и социально-экономической направленности характеризуются динамичным развитием сопредельных с Россией государств Северо-Восточной Азии, в первую очередь, Китая. При этом дальневосточные регионы российско-китайского приграничья, являясь зоной контакта в пространственной интеграции, обладают рядом специфических особенностей. Для Приморья, Хабаровского края, Амурской области, Еврейской автономной области, Забайкалья, так же как и для многих других регионов Дальнего Востока, характерны не совсем благоприятные социальные тенденции, связанные с ухудшением различных аспектов повседневной жизнедеятельности. Продолжается падение уровня жизни населения в целом, а именно: повышаются цены на промышленные и продовольственные товары, сохраняется высокая степень закрепитованности, увеличиваются тарифы на услуги жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), снижаются реальные доходы, растёт число бедных и т.п. Наблюдается и плохое состояние социальной инфраструктуры в регионах дальневосточного приграничья – существенно ограничен доступ хоть к какой-то медицинской помощи, к услугам различных образовательных учреждений (дошкольных, школьных, учреждений дополнительного образования) и пр. Обостряются проблемы в сфере труда и занятости, повсеместное распространение получает дополнительная занятость (наличие у многих людей, помимо основной, работы по совместительству) и отходничество как источник побочного (а зачастую и основного) заработка. Жители приграничья используют разнообразные возможности для занятий личным подсобным хозяйством, охотой, рыбалкой, сбором дикоросов и т.п., что также служит формой самообеспечения и некоторого дохода.

Следовательно, отмеченные негативные тренды отрицательно воздействуют на все стороны социальной жизнедеятельности населения дальневосточного приграничья, и, соответственно, самым неблагоприятным образом отражаются на социально-экономическом и демографическом развитии.

Одним из простых и понятных показателей для самой общей оценки социального благополучия/неблагополучия является демографическая ситуация (см. табл. 1).

Сведения таблицы 1 показывают, что за последние пять лет число дальневосточников, проживающих в регионах российско-китайского приграничья, уменьшилось практически на 100 тыс. чел. Сокращение численности населения происходит как за счёт естественной убыли, так и за счёт миграционного оттока. Поэтому вопрос о том, как "закрепить" и "сохранить" людей на Дальнем Востоке, продолжает оставаться актуальным, не теряет своей значимости. В последние годы власти всех уровней серьёзно озаботились этой проблемой. Принят ряд конкретных шагов, направленных на развитие человеческого капитала, экономики, социальной сферы и управления, реализуемых в пилотном варианте в Дальневосточном федеральном округе (ДФО). В настоящее время на это нацелен ряд масштабных законодательных инициатив

Таблица 2. Среднедушевые доходы населения дальневосточных регионов российско-китайского приграничья

Регион	Доходы населения (в месяц; рублей)					Место, занимаемое в РФ
	2015	2016	2017	2018	2019	
Амурская область	28 240	27 976	29 213	30 937	32 799	22
Еврейская автономная область	23 759	23 069	23 679	24 696	26 099	52
Забайкальский край	22 014	22 080	22 714	23 992	25 625	57
Приморский край	31 071	31 265	32 269	34 619	36 489	15
Хабаровский край	35 460	36 565	37 098	39 084	41 337	13

Источник: составлено авторами на основе [11; 14].

[см. подробнее: 18; 19; 20]. К сожалению, эти меры не возымели должного эффекта, сокращение численности постоянного населения в регионах дальневосточного российско-китайского приграничья продолжается.

Помимо численности населения ещё одним показателем, существенно влияющим на уровень и качество жизни населения, являются среднедушевые доходы и среднемесячная заработная плата (см. табл. 2 и табл. 3).

Данные, представленные в таблицах 2 и 3, показывают увеличение среднедушевых доходов населения и среднемесячной заработной платы во всех рассматриваемых нами территориальных образованиях. Но, несмотря на наблюдаемый рост данных социально-экономических показателей, сокращается оборот розничной торговли по крупным и средним предприятиям, снижается объём предоставляемых платных услуг. Другими словами, реальные доходы населения уменьшаются, что выступает одним из индикаторов социального неблагополучия. Анализ динамики количества хозяйствующих субъектов показывает, что предпринимательская активность в дальневосточных регионах российско-китайского приграничья также сокращается. В 2018 году в рассматриваемых нами территориальных образованиях число предприятий и организаций снизилось к уровню 2017 года в среднем на 4,6% **[см. подробнее: 11]**.

Официальные статистические данные подтверждаются и результатами предпринятого нами социологического исследования, которое также показало, что одной из главных проблем дальневосточных приграничных регионов является бедность. Так, при ответе на вопрос: "Как Вы оцениваете регион, в котором Вы живёте, по сравнению с другими регионами России?", большинство наших респондентов (46,7%) выбрали вариант "скорее неблагополучный, слаборазвитый"; 16,4% указали на то, что регион их проживания "бедный, депрессивный, слаборазвитый". Положительную оценку социально-экономического состояния региона дали около трети опрошенных: 26,5% отметили вариант ответа "скорее благополучный, развитый" и 8,5% – "социально и экономически благополучный, развитый". При этом наши респонденты дополнили свои ответы такими высказываниями: "регион не развит социально" (житель Забайкальского края), "очень дорогой регион" (жительница Хабаровского края), "развит хорошо в плане заводов, предприятий и всего такого, но вот жить людям трудно" (житель Приморского края), "потенциал у региона есть, но власти это не используют" (житель Амурской области).

Наблюдаемые неблагоприятные тенденции в сфере регионального социально-экономического развития обуславливают заметные изменения в социальном самочувствии дальневосточников. В своём исследовании мы зафиксировали негативные сдвиги в социальном самочувствии жителей российско-китайского приграничья, для значительной части респондентов характерен высокий уровень тревожности в связи с неопределёнными жизненными перспективами. Стресс, вызываемый бедностью, снижением доходов и отсут-

Таблица 3. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в дальневосточных регионах российско-китайского приграничья

Регион	Зарботная плата (в месяц; рублей)					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (оперативные данные)
Амурская область	31 803	33 029	39 636	43 156	48 057	52 226
Еврейская автономная область	29 868	32 091	34 599	39 797	41 528	47 352
Забайкальский край	30 421	32 710	36 153	40 728	44 399	44 608
Приморский край	33 218	36 413	38 196	42 026	45 372	50 598
Хабаровский край	37 464	42 476	43 461	46 583	48 887	50 706

Источник: составлено авторами на основе [15].

ствием возможностей для их повышения усилился настолько, что более половины опрошенных (51,4%) выразили желание сменить место жительства.

Из потенциальных мигрантов 5,4% планируют переехать в другой населённый пункт своего региона, здесь, конечно же, предпочтение отдаётся региональным столицам. У 12% респондентов в планах переезд в другой регион России, основными центрами притяжения выступают направления, которые условно можно обозначить, как: "Центр" (Москва и прилегающие территории Центрального федерального округа), "Запад" (Санкт-Петербург, Калининград) и "Юг" (Краснодарский край, Черноморское побережье). Ещё 8,7% опрошенных отметили, что хотели бы переехать в другую страну, чаще других вариантов для эмиграции называли США, развитые страны Западной Европы (Норвегия, Швейцария, Ирландия, Германия, Швеция), государства АТР (Вьетнам, Таиланд, Южная Корея, Япония, Китай, Новая Зеландия).

Очень примечательным фактом является значительный процент (25,3%) тех, кто ещё не решил куда, но хочет уехать. Другими словами, на первый план выступает стратегия не "куда", а "откуда" уехать. Мы разделяем мнение, согласно которому основными факторами, формирующими негативные миграционные настроения жителей Дальнего Востока, выступают: дороговизна жизни, низкий уровень развития инфраструктуры, низкий уровень доходов, неблагоприятный климат, некомфортность среды, недостаточные возможности для образования детей, отсутствие возможностей для самореализации, отсутствие возможностей для приобретения жилья [5].

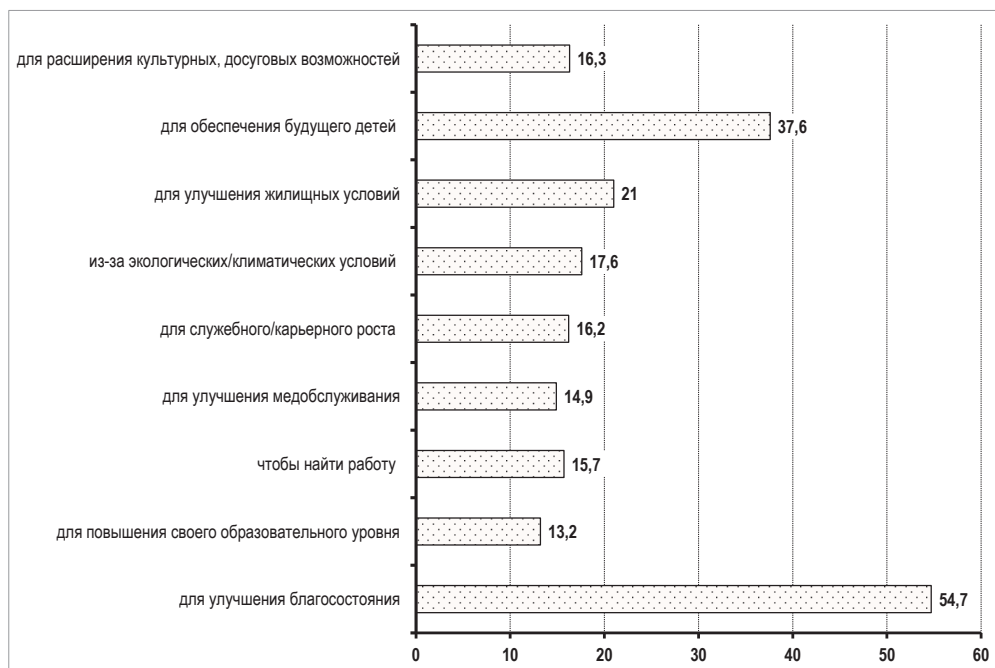
В ходе проведённого исследования мы также выявили, что основными причинами, по которым жители дальневосточного приграничья планируют сменить место жительства, выступают следующие (см. рис. 1).

Таким образом, в основе миграционных намерений жителей дальневосточного приграничья лежат экономические, материальные, образовательные, медико-социальные и социокультурные составляющие. Суждения наших респондентов ещё раз подтверждают, что по большинству показателей качества жизни Дальний Восток имеет существенное отставание от среднероссийского уровня.

Хотя новые экономические реалии (распространение вторичной занятости, свободной занятости (фриланса), дауншифтинга, снижение уровня социальной защиты большей части индивидуальных предпринимателей, представителей малого и среднего бизнеса и т.п.) создают и новые мотивации поведения населения в профессионально-трудовой сфере. Однако результаты проведённого нами исследования показывают, что, несмотря на то, что они получили сравнительно широкое распространение, для большей части респондентов определяющими в работе являются другие факторы: сложность переезда в другую местность, даже если там есть работа; высокая степень зависимости от администрации и работодателей при крайней слабости профсо-

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: "По каким причинам Вы планируете сменить место жительства?" (в % от числа опрошенных)*

* Сумма больше 100%, так как допускался выбор нескольких вариантов ответа.

Источник: составлено авторами на основе данных [6; 14].

юзов и т.д. В этих условиях большинство людей вынуждено ценить любую имеющуюся у них работу.

Данное положение подтверждается результатами ответов на вопрос касательно степени удовлетворённости своей работой. При ответе на этот вопрос респондентам было предложено выбрать один из вариантов по 10–балльной шкале, где значение "1" соответствует оценке "совершенно не удовлетворён", "10" – "полностью удовлетворён". Распределение ответов показало, что на практике требования жителей дальневосточного приграничья к работе весьма умеренны. Около половины опрошенных (56,9%) оценили свою работу положительно (6 баллов и выше), причем 7,6% указали, что она их полностью удовлетворяет (дали оценку 10 баллов), а ещё 25,3% респондентов выбрали оценки 4 и 5 баллов, т.е. значения, максимально приближённые к средним. Учитывая современные реалии, в том числе и ситуацию с продолжающимся распространением коронавирусной инфекции, трудно представить, что у столь значительной части опрошенных работа действительно отвечает всем их запросам. Вероятнее, что на преобладании положительных оценок сказались страх потерять имеющуюся работу, которая позволяет обеспечивать себя и семью. Иными словами, эти данные следует квалифицировать как ещё одно подтверждение того, что на сегодняшний день среди жизненных ориентиров населения дальневосточного приграничья особое место занимает материальное благосостояние. Основная стратегия дальневосточников состоит в том, чтобы удержать имеющиеся ресурсы.

В целом можно заключить, что на сегодняшний день, дальневосточные регионы российско-китайского приграничья испытывают целый ряд трудностей, связанных с проблемами физического и духовного воспроизводства населения, наличия социальной напряженности, негативными оценками социального самочувствия, усилением миграционных настроений. Акценты в формировании и реализации эффективной социальной политики должны быть однозначно смещены. Жители Дальнего Востока ждут действенных мер,

способствующих их собственному закреплению и созданию благоприятных условий жизни для коренных дальневосточников.

Литература

1. Бережная Л.Ю. Факторы социально-экономического развития приграничных регионов // Вопросы региональной экономики. 2019. № 4 (41). С. 3–7.
2. Бийжанова Э.К. Социальная политика региональной власти: развитие социокультурного потенциала приграничья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Психология. Педагогика. 2018. Т. 4 (70). С. 3–9.
3. Бритвина И.Б. Миграция и эффективность массовой коммуникации. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. 166 с.
4. Зайончковская Ж.А. Методология и методы изучения миграционных процессов. М.: Центр миграционных исследований, 2007. 370 с.
5. За первое полугодие 2019 года Дальний Восток покинули 6,8 тыс. человек [Электронный ресурс] // MagadanMedia: [региональное подразделение медиахолдинга PrimaMedia]. URL: <https://magadanmedia.ru/news/877527/> (дата обращения: 11.11.2020).
6. Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51.
7. Киреев А.А. Модель пограничной политики на российском Дальнем Востоке: факторы и механизмы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3 (42). С. 74–85.
8. Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О. Социальное благополучие в оценках жителей дальневосточного региона // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 72–85.
9. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 года и в среднем за 2019 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 31.10.2020).
10. Попкова Л.И. Теория и практика приграничных исследований // Геополитика и экодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). № 1. С. 243–250.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели 2019 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 10.11.2020).
12. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.
13. Спирина А.С., Максимова С.Г. Состояние безопасности и доверия в приграничных регионах России: по результатам социологического исследования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2020. № 2. С. 53–62.
14. Среднедушевые доходы населения, оперативные данные по субъектам Российской Федерации (новая методология) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.10.2020).
15. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 08.11.2020).
16. Ткачева Н.А., Белоножко М.Л. Миграционная политика и безопасность личности, общества и государства. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2013. 236 с.
17. Троянская М.А., Тюрина Ю.Г. Приграничные территории: понятие, развитие и значение для национальной экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16. № 3 (384). С. 431–448.
18. Федеральный закон "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации" от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 24.10.2020).
19. Федеральный закон "О свободном порте Владивосток" от 13 июля 2015 года № 212-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 24.10.2020).
20. Федеральный закон "Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 01 мая 2016 года № 119-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 24.10.2020).

21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
22. Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 250 с.
23. Шевцова Е.В. Миграционная политика. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. 140 с.
24. Chauprade A. Chronique du choc des civilizations. Paris: Chronique Dargaud Editions, 2013. 271 p.
25. Lahteenmaki K. Cooperation of the European Border Regions // Changing European Security Landscape / Ed. by Clive Archer and Olli-Pekka Jalonen. Tampere Peace Research Institute. 1995. Research Report. № 63. P. 270–271.
26. Roberts P.W., Lloyd M.G. Regional Development Agencies in England: New Strategic Regional Planning Issues? // Regional Studies. Journal of the Regional Studies Association. 2000. Vol. 34. № 1. P. 75–80.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Berezhnaya L.YU. Faktory sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya prigranichnykh regionov // Voprosy regional'noj ehkonomiki. 2019. № 4 (41). S. 3–7.
2. Bijzhanova E.H.K. Sotsial'naya politika regional'noj vlasti: razvitie sotsiokul'turnogo potentsiala prigranich'ya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2018. T. 4 (70). S. 3–9.
3. Britvina I.B. Migratsiya i effektivnost' massovoj kommunikatsii. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2014. 166 s.
4. Zajonchkovskaya ZH.A. Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov. M.: TSentr migratsionnykh issledovanij, 2007. 370 s.
5. Za pervoe polugodie 2019 goda Dal'nij Vostok pokinuli 6,8 tys. chelovek [EHlektronnyj resurs] // MagadanMedia: [regional'noe podrazdelenie mediakholdinga PrimaMedia]. URL: <https://magadanmedia.ru/news/877527/> (data obrashheniya: 11.11.2020).
6. Ivakhnyuk I.V. Razvitie migratsionnoj teorii v usloviyakh globalizatsii // Vek globalizatsii. 2015. № 1. S. 36–51.
7. Kireev A.A. Model' pograničnoj politiki na rossijskom Dal'nem Vostoke: faktory i mekhanizmy // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2017. № 3 (42). S. 74–85.
8. Kostina E.YU., Orlova N.A., Panfilova A.O. Sotsial'noe blagopoluchie v otsenkakh zhitelej dal'nevostochnogo regiona // Vestnik Instituta sotsiologii. 2020. T. 11. № 1. S. 72–85.
9. Otsenka chislennosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2020 goda i v srednem za 2019 [EHlektronnyj resurs] // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: [vweb-sajt]. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (data obrashheniya: 31.10.2020).
10. Popkova L.I. Teoriya i praktika prigranichnykh issledovanij // Geopolitika i ehkogeodinamika regionov. 2019. T. 5 (15). № 1. S. 243–250.
11. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli 2019 [EHlektronnyj resurs] // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: [vweb-sajt]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (data obrashheniya: 10.11.2020).
12. Rybakovskij L.L. Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika. M.: Nauka, 1987. 199 s.
13. Spirina A.S., Maksimova S.G. Sostoyanie bezopasnosti i doveriya v prigranichnykh regionakh Rossii: po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Sotsiologiya. EHkonomika. Politika. 2020. № 2. S. 53–62.
14. Srednedushevye dokhody naseleniya, operativnye dannye po sub'ektam Rossijskoj Federatsii (novaya metodologiya) [EHlektronnyj resurs] // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: [vweb-sajt]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13397> (data obrashheniya: 25.10.2020).
15. Srednemesyachnaya nominal'naya nachislennaya zarabotnaya plata rabotnikov po polnomu krugu organizatsij po sub'ektam Rossijskoj Federatsii [EHlektronnyj resurs] // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: [vweb-sajt]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (data obrashheniya: 08.11.2020).
16. Tkacheva N.A., Belonozhko M.L. Migratsionnaya politika i bezopasnost' lichnosti, obshchestva i gosudarstva. Tyumen': Izd-vo TyumGNGU, 2013. 236 s.
17. Troyanskaya M.A., Tyurina YU.G. Prigranichnye territorii: ponyatie, razvitie i znachenie dlya natsional'noj ehkonomiki // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2020. T. 16. № 3 (384). S. 431–448.
18. Federal'nyj zakon "O territoriyakh operezhayushhego sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya v Rossijskoj Federatsii" ot 29 dekabrya 2014 goda № 473-FZ [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: [vweb-sajt]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (data obrashheniya: 24.10.2020).
19. Federal'nyj zakon "O svobodnom porte Vladivostok" ot 13 iyulya 2015 goda № 212-FZ [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: [vweb-sajt]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (data obrashheniya: 24.10.2020).

20. Federal'nyj zakon "Ob osobennostyakh predostavleniya grazhdanam zemel'nykh uchastkov, nakhodyashhikhsya v gosudarstvennoj ili munitsipal'noj sobstvennosti i raspolozhennykh na territoriyakh sub'ektov Rossijskoj Federatsii, vkhodyashhikh v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga, i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii" ot 01 maya 2016 goda № 119-FZ [Elektronnyj resurs] // KonsultantPlyus: [web-sajt]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (data obrashheniya: 24.10.2020).

21. KHantington S. Stolknovenie tsivilizatsij. M.: AST, 2003. 603 s.

22. KHauskhofer K. O geopolitike: raboty raznykh let. M.: Mysl', 2001. 250 s.

23. SHevtsova E.V. Migratsionnaya politika. Novosibirsk: Izd-vo SibAGS, 2015. 140 s.

24. Chauprade A. Chronique du choc des civilizations. Paris: Chronique Dargaud Editions, 2013. 271 p.

25. Lahteenmaki K. Cooperation of the European Border Regions // Changing European Security Landscape / Ed. by Clive Archer and Olli-Pekka Jalonen. Tampere Peace Research Institute. 1995. Research Report. № 63. P. 270–271.

26. Roberts P.W., Lloyd M.G. Regional Development Agencies in England: New Strategic Regional Planning Issues? // Regional Studies. Journal of the Regional Studies Association. 2000. Vol. 34. № 1. P. 75–80.

Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю., Шаривхан Ж. Уехать "куда" или "откуда": условия жизни и миграционные стратегии жителей дальневосточного российско-китайского приграничья.

Для дальневосточных регионов российско-китайского приграничья на сегодняшний день значимы некоторые, не совсем благоприятные социальные тенденции, связанные с ухудшением различных аспектов повседневной жизни людей, включая плохое состояние социальной инфраструктуры, наличие больших трудностей в сфере труда и занятости, снижение реальных доходов населения и пр. В своём исследовании мы опирались на вторичный социологический анализ (в том числе с использованием статистических данных) и количественные методы (анкетный опрос). В целом выявленные проблемы и тренды существенно влияют на физическое и духовное воспроизводство населения. Их следует учитывать в качестве факторов, воздействующих на социальное условия жизни и миграционные стратегии жителей Дальнего Востока, что является принципиально важным для планирования региональной социальной политики.

Ключевые слова: *Дальний Восток, приграничные регионы, региональное развитие, уровень и качество жизни, социальное благополучие, миграционные стратегии*

Vinokurova A. V., Ardal'yanova A. YU., SHarivkhan ZH. Leaving "where" or "from where": living conditions and migration strategies of residents of the Far Eastern Russian-Chinese borderland.

For the Far Eastern regions of the Russian-Chinese border to date, some important, not very favorable social trends associated with the deterioration of various aspects of the daily lives of people, including the poor state of social infrastructure, presence of major difficulties in the field of labor and employment, reduced real incomes, etc. In our research, we relied on secondary sociological analysis (including statistical data) and quantitative methods (questionnaire survey). In general, the identified problems and trends significantly affect the physical and spiritual reproduction of the population. They should be taken into account as factors that affect the social well-being and migration strategies of residents of the Far East, which is fundamentally important for planning regional social policy.

Key words: *Far East, border regions, regional development, level and quality of life, social well-being, migration strategies*

Для цитирования: Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю., Шаривхан Ж. Уехать "куда" или "откуда": условия жизни и миграционные стратегии жителей дальневосточного российско-китайского приграничья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 7–15. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/7-15

For citation: Vinokurova A. V., Ardal'yanova A. YU., SHarivkhan ZH. Leaving "where" or "from where": living conditions and migration strategies of residents of the Far Eastern Russian-Chinese borderland // Oikumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 7–15. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/7-15

УДК 316.44

Костина Е. Ю., Орлова Н. А.

Социальная мобильность в приграничье: взгляд молодежи

Традиционно под социальной мобильностью в социологии было принято понимать перемещение отдельных лиц или групп в рамках занимаемых ими социальных позиций, чаще всего подразумевая смену занимаемых социальных страт, рост благосостояния и социальных статусов. Социальная мобильность, по мнению П. Сорокина, это "любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую" [14, с. 292]. Такое движение к успеху обеспечивается разными способами, через получение образования, усердный труд, наличие особых способностей, таланта, использование социальных связей и т.д., но всегда подразумевает наличие социальной активности индивида.

Мобильность – это доминантная модальность социального бытия, атрибутивный признак практически всех современных социальных практик [8, с. 37]. Понятие "мобильность" уходит от чисто социологической трактовки "мобильность–адаптивность–успешность", предполагающей переход из социальной страты в другую, к осознанию масштабности и скорости изменений и трансформаций, характерных для современного общества, как технологическое ускорение всех социальных коммуникаций и действий [9]. Что предполагает наличие установки личности на изменения с помощью современных технологий и способности к ускоренной коммуникационной интеракции. Э. Берджес указывает, что "мобильность естественным образом включает в себе изменение, новый опыт, стимуляцию" [3, с. 30] и сама выступает маркером социальных трансформаций.

Социально активная личность или актор, то есть человек принимающий решения самостоятельно и действующий согласно собственным решениям, потребностям и ценностям, – это основа современной социальной мобильности в любом ее проявлении. Актор, по мнению А. Турена, это человек действующий, который придает общественную форму значимым для него ориентациям [15], это индивид, обладающий активным восприятием мира, также мировоззрением, сконструированным под структурным давлением [4]. Э. Гидденс уточняет, что социальный агент – это деятель, социально-активная личность, главным качеством которой является рефлексивность [5].

Мобильность во многом выступает атрибутом эпохи глобализации и информационного общества. Дж. Урри также отмечает, что мобильность в современном обществе связана не столько с перемещением от одной социальной позиции к другой вверх или вниз, а больше с горизонтальными перемещениями, соединяющими движения индивидов и групп в единую социальную сеть, создающую сетевой капитал, путем укрепления социальных связей [16]. Вся социальная жизнь происходит через взаимосвязанные пересекающиеся процессы, включающие в себя различные типы движения. Мобильность, по его мнению, может подорвать социетальные границы, делая их проницаемыми и делая социальное мобильным. В данном разрезе особое значение приобретает

© Костина Е. Ю., Орлова Н. А., 2020

КОСТИНА Елена Юрьевна, канд. социол. наук, директор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** kostinaeu2000@mail.ru

ОРЛОВА Надежда Александровна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** nadinorlo@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31491.

социальная активность молодежи, которая всегда выступает источником изменений и инноваций, так как ее деятельность ориентирована на будущее, на преобразование существующей социальной реальности.

Молодежь традиционно рассматривается как наиболее социально активная возрастная группа, которая занимает основное место в общественном воспроизводстве культурных, социальных, политических, экономических и общественных практик. Присущая молодежи склонность к инновациям и готовность к изменениям порождает амбивалентное отношение к этой демографической группе, когда, с одной стороны, "на молодежь смотрят с надеждой, с другой – с тревогой и завистью" [11, с. 67]. В обществе всегда было понимание, что именно молодые люди являются носителями особых социальных функций, которые не может взять на себя никакая иная социальная группа. Ведь молодежь не просто "наследует" достигнутый уровень и структуру развития общества, но и формирует уже сейчас его будущий вид, такой странный симбиоз преемственности, воспроизводства и трансформации. Присущая молодежи инновационность определяет ее особое "предназначение" выступать пионерами общественных преобразований.

Лев Гудков из "Левада-центра" убежден, что сегодняшняя молодежь отличается в целом невысокими запросами, в основном прагматическими, – хочет большую зарплату, быструю карьеру, ориентирована на определенный уровень потребления, к сожалению, она также ориентирована на высокий уровень потребления вне зависимости от того, как это происходит и какими средствами обеспечивается [7]. Российская молодежь отличается, по мнению Н.Л. Антоновой, практичностью, самостоятельностью и высокой мобильностью [2, с. 277]. Получение образования, выбор места работы, смены места жительства – всё это молодые люди выбирают исходя из имеющихся у них жизненных планов и целей, потребностей и интересов.

Основные впады на концепция эндогенного роста П. Ромера и Р. Лукаса, которая формализует связь между механизмами экономического роста и процессами получения и накопления нового знания, материализуемого затем в технологических нововведениях, необходимо обратить внимание на то, что ключевым фактором роста экономики любого региона выступает привлечение знаний и человеческого капитала, то есть людей как носителей данного знания, навыков и опыта. Человеческий капитал – это совокупность всех приоритетных знаний, умений, навыков, опыта и здоровья, которые человек использует в своей профессиональной деятельности. Сегодня сложно представить, что в современной экономике можно быть нужным и востребованным без специального образования, так как работы для выполнения, которых не требуется специальное обучение или механизмируют, или отдадут на откуп трудовым мигрантам.

Работающие в настоящее время люди вынуждены постоянно повышать профессиональную квалификацию и овладевать новыми профессиональными умениями и навыками, что диктуется требованиями современного рынка труда и экономики. Известно, что современные прогнозы в области профессий, которые будут востребованы в экономике в ближайшее время, говорят о том, что современные студенты будут вынуждены за время своей карьеры сменить до трех профессий, причем речь в данном вопросе идет не об очередном повышении квалификации, а о кардинальной смене сферы деятельности. Также расширяется требование к базовым умениям и навыкам, которыми должны владеть специалисты будущего, так, например, считается, что владение английским языком и навыками программирования станет обязательным для многих напрямую не связанных с этим профессий.

Традиционная, к сожалению, ситуация исхода трудоспособного населения с регионов Сибири и Дальнего Востока за более качественной и устроенной жизнью в европейские регионы РФ и за рубеж, подрывает экономический и социальный потенциал данного региона. Причем при острой необходимости ухода в данных регионах от сырьевого типа промышленности возникает потребность не столько в людях/кадрах, сколько речь идет о человеческом капитале, который сможет развивать инновационную высокотехнологическую промышленность. А данную проблему не решить просто разовыми инвестициями или выплатой "подъемных" приезжающим из других регионов, на что нацелено ряд государственных программ, ориентированных на привлечение

и закрепление населения на Дальнем Востоке [17]. По мнению И.П. Глазыриной и Л.М. Фалейчик, "когда ставится задача сохранения человеческого капитала, речь идет о споре на качество жизни и предложении этого качества в условиях конкретной территории" [6, с. 7].

Территории Дальнего Востока России имеют наземную границу с Китаем, а также водную с Южной Кореей, Японией, США и Канадой, все эти страны имеют современную промышленность инновационного типа, а также обеспечивают более высокое качество жизни своему населению. И если не стремиться к развитию такого же типа производства на данной части российской территории, то избежать превращения ее в сырьевой придаток азиатских стран станет невозможным. А так как сырьевая экономика всегда менее требовательна к качеству человеческого капитала, то в регион если и будет приезжать на заработки, то это будут люди, чьи навыки будут недостаточно для изменения сложившейся ситуации. Только путем привлечения и закрепления в регионе достаточного по количеству и качеству человеческого капитала можно изменить структуру и модернизировать региональную экономику. И надо отметить, что государство понимает, что именно молодежь должна стать основой данного инновационного капитала. Так, в Распоряжение Правительства РФ "Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года" указывается: "стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь" [12].

Осуществить анализ вопросов, обозначенных в рамках очерченной тематики, позволяют результаты, полученные авторами в ходе проведенного в ноябре-декабре 2019 г. эмпирического исследования, которое было направлено на изучение формирования профессиональных намерений студентов на различных этапах профессиональной подготовки и их миграционных стратегий¹.

Поскольку человеческий капитал включает в себя совокупность всех приоритетных знаний, умений, навыков, которые формируются в процессе получения образования, становления молодого специалиста, немаловажным является вопрос, как изначально происходит выбор будущей профессии. Так, результаты опроса показали, что основными параметрами такого выбора для респондентов явились "любовь к профессии" (34,2%) и "способности к данному виду профессиональной деятельности" (31,6%). Часть студентов предпочли дать свои ответы на заданный вопрос, из них преобладали следующие: "интерес", "желание", "по результатам ЕГЭ", "куда прошел". В целом полученные данные показывают, что при выборе студенты в меньшей степени были ориентированы на высокие доходы, коммерческие успехи (4,8%), а скорее основывались на согласовании своих представлений о будущей сфере деятельности и оценках своих способностей и возможностей реализоваться в данной сфере. В контексте исследования данной проблемы, на наш взгляд, немаловажно было выяснить, какие цели в жизни современная молодежь ставит перед собой, как бы они хотели прожить свою жизнь; ведь поставленные цели определяют жизненные стратегии, инструменты их достижения, в том числе и процессы мобильности и возможности социального перемещения личности в будущем. Наиболее часто респонденты выбирали следующие позиции: "добиться высокого уровня благополучия" (37,2%) и "жить спокойно, работая и заботясь о своей семье", менее всего – "жить беззаботно, не особо задумываясь о будущем". То есть респонденты указывают на наличие высокого качества жизни в месте постоянного проживания, то есть созданных в обществе условий, позволяющих не просто удовлетворять свои потребности и интересы, а создающих условия для эффективной жизнедеятельности во всех сферах.

При ответе на вопрос "Как бы Вы оценили возможности для профессиональной и творческой самореализации, предоставляемые сегодня молодым людям в Приморском крае?" 9,9% респондентов выбрали вариант – "отлично, сегодня есть все возможности для полноценного, комплексного развития

¹ Объект исследования – студенты 1 и 4 курса всех направлений обучения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета. Тип выборки – сплошная. Выборочную совокупность составили 374 респондента

молодых людей"; 34,8% – "хорошо, молодые люди имеют возможность получить хороший уровень образования, творчески самореализоваться"; 41,4% – "удовлетворительно, некоторые возможности предоставлены, однако они являются недостаточными"; 12,6% – "плохо, возможности очень ограничены"; 1,6% – "крайне плохо, никаких возможностей для получения качественного образования и творческой самореализации на сегодняшний день у молодежи нет". При этом существуют некоторые различия в ответах на данный вопрос у студентов 1 и 4 курса. Так, первокурсники более положительно оценивают возможности профессиональной и творческой реализации в крае (выбирая чаще позиции "отлично" и "хорошо" и реже "плохо") по сравнению с четверокурсниками. Это можно объяснить тем, что студенты первого курса стоят в начале этапа вхождения в профессию, а те студенты, которые находятся "на выходе", строят свои предположения исходя из полученного опыта на практиках и во время подработок во время учебы. При этом значимых различий при выборе ответа "удовлетворительно" не наблюдается. В целом можно сделать вывод, что более половины студентов считают, что реализация их потенциала на территории края в той или иной степени ограничена. Также можно прогнозировать, что данные показатели будут увеличиваться по мере вхождения первокурсников в профессию.

Возможность трудоустройства является одним из показателей для оценки условий, сложившихся на рынке труда для самореализации молодежи. Так, 46,8% респондентов считают, что сегодня найти работу "скорее трудно", 11% – "очень трудно", 18,7% – "скорее легко", 3,2% – "очень легко", 20,3% – затруднились ответить на данный вопрос. Опрошенные назвали следующие препятствия для получения работы (наиболее часто встречаемые ответы): "отсутствие опыта" (47,3%), "отсутствие связей" (17,6%), "отсутствие рабочих мест" (16%). Таким образом, полученные результаты показывают присутствие пессимистических настроений среди молодежи в вопросах трудоустройства.

Мнения респондентов о характеристиках представителей молодого поколения, которые уезжают из Приморья разделились. Большинство (65,2%) считают, что край покидают "наиболее активные, инициативные молодые люди". И лишь 34,2% полагают, что "уезжают из Приморского края только те, кто не смог найти себе применения". Таким образом, у части опрошенных студентов сформирована установка – именно энергичные, деятельные, нацеленные на результат склонны покидать край. Такая установка может привести к выработке определенных паттернов поведения, направленных на стратегию смены места жительства, в целях реализации своих знаний, умений и навыков в более комфортных условиях, в более приветливой адаптивной среде, что негативно может отразиться на тенденциях развития региона.

Ответы на вопрос, касающийся миграционных ориентаций и установок респондентов, показали их высокий уровень готовности переехать из Приморья. 78,3% опрошенных хотели бы покинуть край. Выразили желание переехать в другой регион Дальнего Востока 6,5%, в другой регион Российской Федерации — 50,2%, в другую страну – 43,3% (при этом если студенты 4 курса склонны выбирать для переезда другие регионы РФ, то студенты 1 курса зарубежье). Полученные результаты подтверждают тезис о молодежи как достаточно мобильной социальной группе, которая не воспринимает смену места жительства как нечто катастрофическое, фатальное, а, наоборот, расценивает это как возможность удовлетворить свои личные и семейные потребности (36,9% респондентов выбрали именно данную позицию, объясняя свое желание покинуть Приморский край). К сожалению, стоит согласиться, что "мы наблюдаем территориальную мобильность от периферии ... к центру" [11, с. 19], осуществляя такое перемещение, молодежь надеется усилить свой социальный капитал, обогатиться новыми социальными связями, обеспечить себе более высокий и стабильный доход. По мнению Е.М. Авраамовой, только 10% молодых людей обладают всей совокупностью ресурсов, которые обеспечивают устойчивую занятость молодежи, таких как качественное профессиональное образование, успешность предпринятия или организации, где работает молодой человек, и совокупный социальный капитал, которым он обладает [1, с. 130]. Следовательно, до 90% всей современной российской молодежи может быть заинтересовано в поиске лучшего места работы и жительства. Сложившаяся ситуация с оттоком трудоспособного населения из одних регионов

в другие приводит к дисбалансу рабочей силы между ними и не позволяет некоторым из них достойно развиваться. Стремление и готовность молодежи покинуть регион косвенным образом характеризует сложившуюся в нем экономическую ситуацию и возможности местного рынка труда удовлетворить запросы молодых.

Кроме этого, достаточно высокий процент желающих в перспективе переехать из Приморского края можно объяснить региональными особенностями, а именно, территориальными, социально-экономическими и т.д. В частности, связанными с тем, что, как было показано выше, ожидания и оценки молодежи условий для возможности их профессиональной и творческой реализации в целом ограничены, а также с тем, что жители приграничных регионов в более значительной степени вовлечены в трудовую, образовательную миграцию. С другой стороны, полученные данные не означают, что все ответившие на данный вопрос положительно, в перспективе реализуют свое желание. Стоит отметить, что намеренье сменить место жительства вовсе не означает обязательную миграцию в ближайшем будущем. Л.Л. Рыбаковский, разводя понятия миграция и мобильность, указывает на то, что миграция определяет факт свершившегося переселения человека, а мобильность – это подвижность и готовность населения к перемещению [13, с. 90]. Таким образом, мобильность выступает первой стадией миграционного процесса, также показатели мобильности будут выше, чем миграция, так как социальные барьеры различного характера могут препятствовать желаемому движению населения. Такая потенциальная мобильность, то есть ориентация на смену места жительства, выступает, на наш взгляд, индикатором социального и экономического развития регионов. Тем не менее то, что только каждый пятый готов остаться в крае, является достаточно тревожным индикатором. Утечка из региона человеческого капитала, в частности, замена людей с высшим образованием на мигрантов с невысоким образовательным цензом, определяет конкурентоспособность региона и перспективы его дальнейшего развития. Привлечение и сохранение человеческого капитала, как было показано выше, является ключевым фактором развития любого региона.

В вопросах мобильности очень важна позиция молодежи, так как принимаемые и реализуемые ей миграционные намерения приводят к накоплению/оскудению человеческого потенциала региона, без которого невозможно стабильное экономическое и социальное развитие региона. Особенно чувствительны данные процессы для приграничных регионов, для которых важно сохранение территорий, культуры на форпостах своей страны. Ключевое значение приобретает социальная активность молодежи как основного ресурса развития территорий, повышения его конкурентоспособности. Особое внимание, на наш взгляд, заслуживает ситуация, которая складывается с мобильностью и миграционными намерениями молодежи на Дальнем Востоке России, особой зоне геостратегических интересов страны.

Таким образом, для успешного развития приграничных регионов важно обеспечить транспарентный механизм социальной и трудовой мобильности, основанной на получении качественного образования, только так можно будет обеспечить рост человеческого потенциала и экономики региона, закрепление молодежи на данных территориях. Также необходимо обеспечить рост качества жизни в регионе, так как только таким образом можно повернуть процессы миграции образованной молодежи вспять. Это должно стать стратегической целью всех государственных программ и проектов на Дальнем Востоке, ведь это не просто отдаленные территории, окраина страны, это регион где у России есть экономические и геополитические цели, которых необходимо достичь.

Литература

1. Авраамова Е. М. Тенденции занятости российской молодежи в регионах // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 130–134. DOI: 10.31857/S013216250001969-8
2. Антонова Н.Л. Потенциальная территориальная мобильность молодежи: факторы, барьеры, стратегии // Вестник Удмуртского университета. Социология, политология, международные отношения. 2019. Том 3. № 3. С. 277–282.
3. Бёрджесс Э.У. Рост города: Введение в исследовательский проект. // Чикагская социология: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв. ред. Ефременко Д.В. М., 2015. 430 с.
4. Бурдьё П. Социология социального пространства. / пер. с франц.; отв.ред. перевода Н.А. Шматков. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
5. Гидденс Э. Устроенное общество: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект. 2003. 525 с.
6. Глазырина И.П., Фалейчик Л.М. Восточное приграничье России: проблема сохранения человеческого капитала // ЭКО. 2014. № 11. С. 5–19.
7. Гудков Л. Молоды в стране не хватает воздуха // Независимая газета, 2016 от 01.03.2016. URL: https://www.ng.ru/ng_politics/2016-03-01/9_young.html (дата обращения: 01.09.2020).
8. Евстифеева Е.А., Филиппченкова С.И. Личностное конструирование в практиках мобильности // Вестник ТвГУ. Серия "Философия". 2018. № 4. С. 36–45.
9. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. 2016. 564 с.
10. Омельченко Е., Сабирова Г., Крупец Я. Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. № 10. С. 9–25.
11. Омельченко Е.Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследования социальной политики. 2005. Т. 3, № 1. С. 59–86.
12. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р "Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года" [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70813498/> (дата обращения: 01.09.2020).
13. Рыбаковский Л.Л. Предыстория возникновения теории трех стадий миграционного процесса // Уровень жизни населения регионов. 2018. № 2. С. 86–94.
14. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
15. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
16. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
17. Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ "Об особенностях предоставлении гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 01.09.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Avraamova E. M. Tendentsii zanyatosti rossijskoj molodezhi v regionakh // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. № 9. S. 130–134. DOI: 10.31857/S013216250001969-8
2. Antonova N.L. Potentsial'naya territorial'naya mobil'nost' molodezhi: faktory, bar'ery, strategii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya, politologiya, mezh-dunarodnye otnosheniya. 2019. Tom 3. № 3. S. 277–282.
3. Byordzhesc E.H.U. Rost goroda: Vvedenie v issledovatel'skij proekt. // CHikag-skaya sotsiologiya: Sb. perevodov / RAN. INION. TSentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. sotsiologii i sotsial. psikhologii; Sost. i per. Nikolaev V.G.; Otv. red. Efremenko D.V. M., 2015. 430 s.
4. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. / per. s frants.; otv.red. perevoda N.A. SHmatkov. M.: Institut ehksperimental'noj sotsiologii; SPb.: Aletejya, 2007. 288 s.
5. Giddens E.H. Ustroennoe obshhestvo: Ocherk teorii strukturatsii. M.: Akademicheskij proekt. 2003. 525 s.
6. Glazyrina I.P., Falejchik L.M. Vostochnoe prigranich'e Rossii: problema sokhraneniya chelovecheskogo kapitala // ENKO. 2014. № 11. S. 5–19.
7. Gudkov L. Molody v strane ne khvataet vozdukh // Nezavisimaya gazeta, 2016 ot 01.03.2016. URL: https://www.ng.ru/ng_politics/2016-03-01/9_young.html (data obrasheniya: 01.09.2020).

8. Evstifeeva E.A., Filippchenkova S.I. Lichnostnoe konstruirovaniye v praktikakh mobil'nosti // Vestnik TvGU. Seriya "Filosofiya". 2018. № 4. S. 36–45.
9. Kastel's M. Vlast' kommunikatsii. M.: Izd. Dom Vysshej shkoly ehkonomiki. 2016. 564 s.
10. Omel'chenko E., Sabirova G., Krupets YA. Sotsial'naya mobil'nost' molodezhi v fokuse trojnoj refleksii // INTERaktsiya. INTERv'yu. INTERpretatsiya. 2015. № 10. S. 9–25.
11. Omel'chenko E.L. Molodezhnyj aktivizm v Rossii i global'nye transformatsii ego smysla // ZHurnal issledovaniya sotsial'noj politiki. 2005. T. 3. № 1. S. 59–86.
12. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 29.11.2014 N 2403-r "Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda" [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://base.garant.ru/70813498/> (data obrashheniya: 01.09.2020).
13. Rybakovskij L.L. Predystoriya vozniknoveniya teorii trekh stadij migratsionnogo protsessa // Uroven' zhizni naseleniya regionov. 2018. № 2. S. 86–94.
14. Sorokin P. A. Chelovek. TSivilizatsiya. Obshhestvo. M.: Politizdat, 1992. 543 s.
15. Turen A. Vozvrashhenie cheloveka dejstvuyushhego. Ocherk sotsiologii. M.: Nauchnyj mir, 1998. 204 s.
16. Urri Dzh. Mobil'nosti. M.: Praxis, 2012. 576 s.
17. Federal'nyj zakon ot 1 maya 2016 g. № 119-FZ "Ob osobennostyakh predstavlenii grazhdanam zemel'nykh uchastkov, nakhodyashhikhsya v gosudarstvennoj ili munitsipal'noj sobstvennosti i raspolozhennykh na territoriyakh sub"ektov Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga, i o vnesenie izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii". [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (data obrashheniya: 01.09.2020).

Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социальная мобильность в приграничье: взгляд молодежи.

В статье рассмотрена готовность современной студенческой молодежи приграничья к различным формам мобильности, в том числе и к смене места текущего места жительства в поисках возможности для самореализации и удовлетворения своих потребностей на более высоком уровне. На материалах социологического исследования, проведенного авторами в 2020 году, показано, что четверо из пяти молодых людей рассматривают возможность миграции из Приморского края. Сложившаяся тенденция приводит к обнищанию человеческого капитала Дальнего Востока России, лишая данную территорию возможности развивать инновационную экономику и обеспечивать высокий уровень качества жизни местному населению.

Ключевые слова: социальная мобильность, трудовая мобильность, миграция, модернизация, практики мобильности, студенческая молодежь, модели поведения

Kostina E. Yu., Orlova N. A. Social mobility in the borderlands: the view of young people.

The article looks at the readiness of modern borderline students for various forms of mobility, including changing their current place of residence in search of opportunities for self-realisation and satisfaction of their needs at a higher level. A sociological study conducted by the authors in 2020 shows that four out of five young people are considering migration from the Primorsky Region. This trend is impoverishing human capital in Russia's Far East, depriving the area of the opportunity to develop an innovative economy and ensure a high quality of life for the local population.

Key words: social mobility, labor mobility, migration, modernization, mobility practices, student youth, behavior patterns

---

Для цитирования: Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социальная мобильность в приграничье: взгляд молодежи // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 16–22. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/16-22

For citation: Kostina E. Yu., Orlova N. A. Social mobility in the borderlands: the view of young people // Oikumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 16–22. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/16-22

УДК 314.72

Роговая А. В., Левченко Н. В.

Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодёжи из малых городов

71% всех городов России – это малые города (на 2020 г. их численность составляет 794 из 1117). Однако нынешняя ситуация в малых городах характеризуется неблагоприятными показателями социально-экономической и социально-демографической сферы, чрезвычайно ограниченными возможностями развития и занятости молодёжи. Происходящие на региональном и локальном уровнях социально-экономические проблемы, связанные с образованием, трудоустройством, здравоохранением, культурным развитием, воплощаются в самые разнообразные следствия в форме усиливающейся мобильности, перемещений, миграционных настроений, особенно молодого поколения. Наблюдаемый отток молодёжи в региональные центры, крупные города значительно уменьшает человеческий и социальный потенциал малого города, сужает перспективы развития. Возможности выбора более качественных условий проживания, образования и трудоустройства служит источником мобильности молодёжи различных регионов. Причём, как отмечает О.В. Аксёнова, "данная проблема характерна для многих российских сёл и малых городов. В мегаполисах больше возможностей работы, заработка, больше различных кружков и секций для детей, есть больницы в шаговой доступности, а не в соседнем селе или вовсе региональном центре и т. п.". [1, с. 47].

Проблемам молодёжной миграции уделяется много внимания в научной литературе. Многолетние социологические исследования о проблемах жизненных планов молодёжи, досуга, формирования мировоззрения, молодёжного предпринимательства, демографическим и миграционным вопросам, концептуальному оформлению молодёжной политики представлены в монографии М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги [2]. Кроме того, ряд исследователей молодёжную миграцию связывают в первую очередь с получением образования и трудоустройством [8; 9], а также наличием культурно-досугового пространства [4].

Научное исследование, проведенное сотрудниками ФНИСЦ РАН в рамках темы "Регионы в социальном пространстве России: центростремительные и центробежные тенденции" в 2019 году, ставило одной из своих целей разобраться в причинах оттока молодого поколения, условиях существования молодёжи малых городов, их участии и активности в жизни родного города. С этой целью изучались социально-экономические, культурные ресурсы малых городов, наличие инфраструктуры, оказывающие благоприятное воздействие на жизнь молодёжи. Полевая часть исследования проходила в 21 малых городах (шесть из которых моногорода)¹. Причём в каждом макрорегионе отбор

¹ В исследование вошли города Лихославль и Кимры (Тверская область), Сокол и Красавино (Вологодская область), Аксай и Миллерово (Ростовская область), Изобильный и Новоалександровск (Ставропольский край), Балахна и Заволжье (Нижегородская область), Среднеуральск и Ирбит (Свердловская область), Шелехов и Зима (Иркутская область), Большой Камень и Спасск-Дальний (Приморский край), Красный (Смоленская область), Лиман и Харабали (Астраханская область), Суоярви и Костомукша (Республика Карелия).

© Роговая А. В., Левченко Н. В., 2020

РОГОВАЯ Анастасия Владимировна, канд. социол. наук, старший научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Москва). E-mail: av_rogovaya@mail.ru

ЛЕВЧЕНКО Наталья Валерьевна, научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Москва). E-mail: natalya_levchenk@mail.ru

проводился таким образом, чтобы один малый город входил в состав агломерации, а другой являлся локализованным. Были проведены глубинные экспертные интервью по анкете с 96 экспертами – представителями муниципальной власти, бизнеса, НКО, ассоциаций и профсоюзов, молодёжных объединений, а также 32 фокус-группы (по 8–12 человек в каждой) с представителями бизнес-сообществ и гражданского общества.

К числу главных причин миграции молодёжи из малых городов эксперты относят необходимость получения образования, возможность более перспективного трудоустройства и достойного уровня заработной платы, отсутствие инфраструктуры, низкий уровень досуга и невозможность профессиональной реализации на сформированном рынке труда, а также неблагоприятная экологическая обстановка. Кроме того, существенное влияние оказывает информация, которую молодёжь получает из интернета. Там прослеживаются чёткие установки на успешную и комфортную жизнь, потребительское поведение и на жизнь в большом городе. Таким образом, к основным видам миграционных процессов молодёжи можно отнести: образовательную, трудовую и экономическую миграцию. Приведенные причины оттока молодёжи подтверждаются результатами российских исследований, на основе которых изучалась зависимость миграции от социально-экономических факторов на уровне отдельных муниципальных образований [6].

Поскольку по итогам проведенного научного исследования сферы образования, трудоустройства, здравоохранения, культуры и досуга имеют значительные ограничения с точки зрения удовлетворения потребностей и реализации интересов молодёжи, авторами были выделены основные виды миграций молодежи из малых городов: образовательная, трудовая и связанная с отсутствием досуга, условий для самореализации/саморазвития.

Образовательная миграция

Большую роль в перераспределении молодого населения между городами разных типов играет образовательная миграция. Значимый приток молодёжи в межрегиональной миграции имеют крупнейшие столичные города, притягивающие учебных мигрантов со всей страны или концентрирующих их в пределах отдельных макрорегионов (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Томск, Хабаровск, Воронеж и др.) [5, с. 48]. Современные исследователи отмечают, что миграция молодёжи тесно связана с возможностью получения доступных и разнообразных образовательных услуг [10]. Одной из причин такой миграции в крупные города и другие агломерации является недостаток или отсутствие учреждений средне-специального и высшего образования в малых городах. Как показывают различные исследования, для молодёжи образование – это абсолютная ценность, способствующая её социально-культурному развитию. Кроме того, молодёжь стремится получить бюджетное средне-специальное и высшее образование, рассматривая его в качестве инвестиций в будущее профессиональное развитие. В этом случае региональные центры предоставляют на порядок больше возможностей, связанных с реализацией образовательных и профессиональных стратегий. В этой связи важным для молодого человека является возможность получения должного и качественного образования или его повышения на местном уровне.

Однако в малых городах, где проводились исследования, практически нет вузов или их филиалов. Поскольку решение вопросов образования в малом городе находится в сфере региональной ответственности, соответственно, местная власть зачастую не имеет возможности поддерживать филиалы государственных вузов, поэтому даже в тех городах, где были ссузы и филиалы вузов, многие из них были закрыты.

При этом следует отметить, различную специфику малых городов в зависимости от их территориального расположения, точнее удаленности от регионального центра. В городах-агломерациях, находящихся недалеко от регионального центра, в большинстве случаев есть средне-специальные учебные заведения или вузы и их филиалы. Даже если и отсутствуют учебные заведения, то молодёжь свободно ездит в центр, чтобы получить образование. Допустим, у выпускника школы в г. Большой Камень Приморского края, где только один вуз – филиал Дальневосточного федерального университета, или

моногорода Красавино, где нет ни одного вуза, а до ближайшей Вологды – 475 км. И как отмечают участники фокус-группы, в городе Красавино, с одной стороны, есть хорошие условия для обучения детей дошкольного и школьного возраста, с другой стороны, нет возможности продолжать обучение: *"учиться негде, высшее образование, даже специальное у нас не получишь, только школа..."* (участник фокус-группы 1 – далее УФГ). Участники опроса указали, что ранее в городе находилось профессиональное училище, однако в дальнейшем его закрыли: *"был комбинат, соответственно сразу же было профессиональное училище, которое готовило вот эти кадры, и молодёжь была здесь, они учились ... очень много народу было и приток был молодёжи тоже, из соседних регионов приезжали", "сейчас профессионального образования здесь нет, но многие хотели бы вернуться после учебных заведений... поэтому проблема большая"* (УФГ1).

Сложнее обстановка в локализованных малых городах, где зачастую закрылись как филиалы высших учебных заведений, так и техникумы, колледжи. К примеру, в локализованном городе Ирбит Свердловской области после окончания школы молодёжь может продолжить учебу только в средне-специальных учебных заведениях. Как отмечает эксперт: *"У нас раньше были филиалы двух вузов это УПИ и Государственный институт коммерции и права. Сейчас эти филиалы не работают. Ну и конечно в средне-специальных учебных заведениях возможности тоже ограничены, потому что спектр специальностей там не такой большой"* (Э1). Как отмечает представитель бизнеса, *"в своё время, когда работал завод... было всё задействовано... два техникума работали, чтобы ковать свои кадры. Потом в последствии сделали филиал Тюменского института, готовили специалистов для завода. Когда всё это развалилось, всё это стало невостребовано"* (УФГ2).

Причем молодёжь из таких локализованных городов, уезжая в другие города для получения высшего образования, как правило, не возвращается обратно.

По мнению экспертов, в малом городе, находящемся далеко от регионального центра, обязательно нужны средне-специальные заведения или филиал вуза: *"нам нужен технический университет, и он у нас был, его закрыли ... у нас было, по-моему, пять специальностей: айтиники, мотор, технология машиностроения, в общем технологии, конструкторы... и у нас все выпускники были трудоустроены до окончания вуза!"* (Э2).

Ситуация в малых городах-агломерациях несколько лучше за счёт наличия учебных заведений среднего и высшего образования, что является хорошим показателем инфраструктуры. Но, даже имея возможность получить образование в родном городе, молодёжь всё равно стремится в региональный центр или любой другой крупный город. Как отмечают эксперты г. Балахны Нижегородской области, молодёжь как раньше из деревень бежала в город, так сейчас из малых городов молодые люди тянутся в областной центр. *"Тем более, что сам факт того, что Балахна находится в 30 минутах езды, конечно же, она утягивает молодёжь отсюда"* (Э3).

Так, в г. Шелехов Иркутской области есть и техникум, и колледж, и филиал Иркутского техникума архитектуры и строительства, но, поскольку рядом Иркутск, молодёжь продолжает учебу там или в другом крупном городе, как Ангарск, Усолье, где также есть филиалы высших учебных заведений. С одной стороны, близость малого города к областному центру даёт преимущества, потому что те молодые люди, которые заканчивают школу, поступая в вузы, могут оставаться жить дома и спокойно ездить. С другой стороны, таким образом теряется активная молодёжь, которая большую часть времени проводит в центре и в дальнейшем там же устраивается на работу. Такая маятниковая миграция характерна для городов-агломераций.

В городе-агломерации Сокол Вологодской области есть педагогический колледж и техникум, но, по мнению экспертов, необходим филиал вуза. *"У нас есть хорошие преподаватели, где можно на базе колледжа... сделать филиал пединститута, и дети будут оставаться, по крайней мере, с учителями, проблему мы решим. Также самое на базе техникума. ... База есть. Даже есть общежития, где люди будут жить"* (Э4).

Помимо желания самой молодёжи покинуть малый город, многие родители не хотят, чтобы их дети жили здесь и стараются отправить своих детей в центр или другой крупный город, чтобы они смогли получить образование и в дальнейшем остаться там. Семьи готовы оказывать весомую поддержку своим детям для переезда в крупный город.

Таким образом, в малых городах преимущественно остаются лишь те, кто плохо учился – двоечники и троечники, в большинстве своем это дети из неблагополучных семей. Именно они поступают в местные колледжи и техникумы, либо не продолжают обучение. Возвращается молодёжь в малые города после окончания учебы, если только есть наличие хорошего рабочего места, или в связи с неудачным опытом обустройства в крупном городе.

Молодёжь, которая имеет способности в учебе, после окончания высшего заведения старается остаться в крупном городе или региональном центре. Это большая проблема на уровне муниципалитетов, поскольку тех специалистов, которые вернулись и работают после окончания вуза в малых городах достаточно мало.

Хотя, как эксперты отмечают, система школьного образования в малых городах достаточно хорошо развита, *"очень много ребят с золотыми медалями заканчивают школу, поступают в высшее учебное заведение, но не возвращаются обратно из-за низкой инфраструктуры, из-за того, что с жильём проблемы"* (Э5).

Кроме вышеперечисленного существует и общая проблема, связанная с образованием, – это установка на получение высшего образования. В связи с чем дети неохотно идут учиться в техникумы и колледжи, не считая данное образование престижным. *"Человека пытаются захватить в институт, он получает образование институтское, считает себя супер-инженером, но в итоге без опыта работы он никому не нужен и он с большим трудом и желанием потом идёт работать слесарем, хотя ему намного проще было бы отучиться в техникуме"* (Э6). Данная установка также способствует ликвидации техникумов в малых городах: *"у нас в середине года закрылся филиал Петрозаводского колледжа технологии и предпринимательства, т.к. в течение трёх лет был набор. У нас должны были обучаться 150 студентов, а поступали только 50"* (Э7).

Процессы миграции молодёжи приводят к негативным последствиям и существенно влияют на развитие малого города. И если в ходе исследований "Роль структур гражданского общества в социальных процессах современной России" в 2013–2015 гг. мы часто сталкивались с тем, что не все выпускники стремились покинуть свой малый город, многие хотели вернуться в свой город после обучения: *"у нас всегда есть работа для выпускников-инженеров, у нас требуются ветеринары, механизаторы, в результате процентов 70–80 учащихся возвращаются обратно"* (Э8). То в последующие годы ситуация значительно ухудшилась. Как показало исследование, в большинстве случаев молодёжь не возвращается в "родной регион" для того, чтобы реализовать полученные знания или профессиональные навыки.

Трудовая миграция

Занятость молодёжи после окончания учёбы – это один из актуальных вопросов на сегодняшний день. Отсутствие реальной возможности трудоустройства в родном городе – серьёзный фундамент для устойчивого оттока молодёжи из малых городов. Как следует из материалов экспертных интервью и фокус-групп, многие ориентированы на выезд из города в целях трудоустройства, получения достойной заработной платы.

Ограниченные возможности рынка труда и ресурсной базы малых городов России заставляют молодёжь уезжать в региональный центр. Это видно по статистике: идёт большой отток молодёжи из муниципальных образований в силу отсутствия возможности трудоустройства после получения профессионального среднего или высшего образования.

По мнению экспертов, причины этому разные: во-первых, низкий уровень социальной сферы, во-вторых, оптимизация предприятий и производства и, в-третьих, низкая заработная плата.

Немного лучше обстоит ситуация в городах с градообразующими и другими крупными предприятиями. Так, помимо рабочих мест, предполагается, что у них есть возможность уделять внимание социальной сфере. Таким образом, некоторые крупные предприятия могут оказывать влияние на миграционные настроения молодёжи, занимаясь социальной политикой в отношении своего персонала. Однако на сегодняшний день всё меньшее внимание уделяется данному вопросу. Так, например, ранее Заволжский моторный завод много сил вкладывал в развитие сферы образования и здравоохранения, культуры и спорта. Между тем ситуация изменилась: *"проблема не только нашего города касается, а всех моногородов – это взаимный конфликт интересов между градообразующим предприятием и городом. Поэтому они не заинтересованы совершенно в настоящем серьезно работать, например, с человеческим капиталом, то есть с молодёжью"* (Э9).

Градообразующие предприятия, заводы – это самая крупная точка опоры для малых городов. С одной стороны, существование только градообразующего и отсутствие других промышленных предприятий означает полную зависимость городского населения от такого предприятия [7, с. 161]. С другой – наличие крупного производства не всегда удерживает молодёжь, многие всё равно стремятся переехать в более крупный город или областной центр. В то же время в город с крупным производством легче вернуться, так как есть возможность найти работу. К примеру, Заволжье Нижегородской области – технический, промышленный город, и, как отмечают эксперты, часть молодых людей возвращаются обратно: *"мы не охватываем всех работой, но многие же возвращаются. Они не приживаются в больших городах, не могут платить за квартиры, создаётся семья – нет детских садов"* (Э2).

Иная ситуация обстоит в малых городах, где нет крупных производств и предприятий. В связи с тем, что развитие города в большей мере зависит от их наличия, по мнению экспертов, для того чтобы молодёжь приезжала и оставалась в родном малом городе, необходимо думать о том, чтобы в таких городах были предприятия регионального или федерального значения. Например, в городе Зима Иркутской области нет градообразующего предприятия, это в основном частный сектор, где весомый процент населения составляют неблагополучные семьи, а перспективы трудоустройства молодёжи есть только на железной дороге или в ближайшем городе Саянске. *"И если мы говорим про рабочие специальности – ничего больше нет... Большое предприятие наше РЖД, кроме того "Байкал-Форест" – тоже большое предприятие, но тем не менее, молодёжь не трудоустроена"* (Э10).

Большинство малых городов, удаленных от центра экономической активности, не могут предоставить достаточную альтернативу занятости молодёжи. Поэтому для городов, находящихся далеко от регионального центра, характерен маятниковый метод миграции, а также вахтовая миграция. Как отмечают эксперты г. Красавино, половина трудоспособного населения города, в том числе молодёжи, работают вахтовым методом, уезжая на 2–4 месяца за пределы города.

Кроме того, региональный центр остается значительно привлекательным. Так, например, г. Ирбит Свердловской области, по мнению экспертов, по отношению к другим муниципалитетам более интересен и самодостаточен, есть крупные заводы, какие-то инвестиции, но молодое поколение всё равно предпочитает уезжать в Екатеринбург и Тюмень. В г. Шелехов Иркутской области есть условия трудоустройства на заводе, но, по мнению экспертов, там *"очень малый процент работает именно на заводах"* (УФГЗ), *"имея в городе два крупных завода, молодёжь все равно уезжает в Иркутск и зачастую там оседает"* (Э11), молодёжь уезжает в центр либо в Новосибирск, либо в Красноярск.

Возникла и другая проблема, если согласно указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 "О мероприятиях по реализации государственной социальной политики" существенно подняты зарплату бюджетникам: врачам, учителям, – то простые профессии, которые участвуют в производстве (токарь, сварщик и др.), оказались на другом уровне – как низкооплачиваемые *"Молодёжь у нас считает, что они после институтов и на станок не пойдут, поэтому с меньшим желанием идут на станок"* (Э6). Так, на сегодняшний день

из-за такого перекоса г. Ирбит Свердловской области испытывает кадровый голод рабочих профессий.

Также одной из причин нехватки сотрудников на предприятиях в малых городах является установка молодёжи – *"получать много денег не напрягаясь"*, которую диктует интернет-сообщество, что в свою очередь порождает специфическую форму безработицы. Отмечено, что некоторые жители малых городов и посёлков предпочитают одноразовые услуги, позволяющие какое-то время прожить на заработанные деньги. [1, с. 47–48]. И, несмотря на кадровый голод в г. Ирбит, по статистике показатели коэффициента безработицы там выше среднего. *"Либо та зарплата, которая есть, может быть их не устраивает. Они ищут где лучше" (Э12)*. Как отмечает представитель бизнеса г. Зима Иркутской области, в городе есть работа, в центре занятости много вакансий, однако молодёжь там не хочет работать, *"потому что проще быть домушниками ... нету стремления больше зарабатывать... Парикмахеры – никто не пошел нигуда. Двадцать два человека выпустилось на повара... в школах нету повара..." (УФГ4)*.

Таким образом, по данным исследования, можно отметить, что миграция молодёжи может проходить следующие этапы:

Первый этап – семья живёт в малом городе, ребёнок учится там в школе до 9-го класса, далее, если есть возможность, там же он получает среднее образование, если нет, то переезжает либо вся семья, либо отправляют ребёнка на обучение.

Второй этап – если в населённом пункте нет вузов или средне-специальных учебных заведений, то, соответственно, молодой человек с целью дальнейшего обучения вынужден переезжать в областной центр или другой город. Третий этап – переезд после окончания вуза в связи с поиском работы.

Так, если нет рабочих мест по той специальности, которую молодой человек получил, то он вынужден либо устраиваться на работу не по профилю, либо уехать из города. Как правило, места локации – крупные города, областные центры, Москва, Санкт-Петербург.

Как показало исследование, в том случае, когда малый город обладает трудовым, инвестиционным, энергетическим и природным потенциалом для него всё равно характерен отток молодёжи.

Таким образом, существует несколько причин трудовой миграции молодёжи:

1. Нет перспектив для развития. По мнению участников фокус-группы г. Сокол Вологодской области, молодёжь здесь не задерживается, потому что они не видят перспективы. С другой стороны, представитель бизнеса г. Сокола отмечает, что работы много: *"Я готов набрать, молодёжь не хотят работать, им надо большие зарплаты. А у нас другая проблема – они не хотят руками работать" (УФГ5)*.

2. Молодые люди не хотят идти на производство, *"хотят работать где-то дома или на машинах кататься, вот это у всех" (Э2)*.

3. Ограниченность направлений профессиональной деятельности для молодёжи.

4. Низкий уровень заработной платы. В г. Зима Иркутской области из-за низкооплачиваемых рабочих мест молодёжь уезжает на вахту в другой город, *"там живут какое-то определенное время, ... приезжают потом, соответственно привозят деньги, до выпивки начинают..." (УФГ6)*. Вследствие этого в городе много неблагополучных семей: *"уровень жизни в Зиме оставляет желать лучшего... все молодые едут в Иркутск, Красноярск" (УФГ7)*. Для г. Заволжье Нижегородской области характерна челночная миграция, когда молодёжь из города уезжает за более высокими зарплатами в Городец и Балахну, а в Заволжье приезжают работать с соседних муниципальных образований. *"То есть сюда приток, будем говорить, неквалифицированной рабочей силы и челночная миграция квалифицированных специалистов" (Э13)*.

5. Требование опыта при устройстве на работу. Как отмечает эксперт из г. Ирбит Свердловской области, *"промышленное производство у нас оно наполнено теми кадрами, которые уже с многолетним стажем, опытные люди, молодёжи устроиться нигуда" (Э5)*.

Эксперты опять же вспоминали, что раньше была поддержка молодому специалисту, были подъёмные, жильё и работа. По мнению одного из экспертов, *"есть проблемы, когда молодым специалистам и приезжим специалистам выдавали служебное жильё с возможностью приватизации через семь лет, что являлось очень важным фактором для выбора места работы... но в итоге им говорили, что не можете её приватизировать. Кто потом захочет сюда ехать?"* (Э14).

Необходимо отметить и другие социально-экономические проблемы малых городов в России: высокая зависимость в экономическом плане от регионального бюджета, невыгодные конкурентные позиции в сравнении со средними и крупными городами в привлечении квалифицированных кадров и инвестиционного капитала, низкий уровень развития здравоохранения и образования, недостаточно развитая социально-культурная сфера и низкий уровень развития инфраструктурных объектов.

Досуг

Важным фактором миграции молодого поколения является отсутствие разнообразного досуга, а также слабо развитая культурная и развлекательная сфера молодёжи. По мнению экспертов, чтобы удержать молодого специалиста в малом городе, недостаточно повысить зарплату, необходимо также наличие развитой инфраструктуры, мест для развлечения детей, проведения личного досуга и т.п.

Как показало исследование, в малых городах активно ведётся работа по формированию досуга для молодёжи. При этом властные структуры в основном уделяют внимание организации досуга в сфере спорта в связи с проведением федеральных, региональных программ, направленных на развитие физической культуры и спорта. По мнению экспертов, наиболее активно принимают участие в жизни родного города школьники и студенты, но когда они заканчивают вуз, то работать в основном уезжают в центр, поэтому малый город теряет основную активную молодёжь.

Поэтому в процессах регулирования оттока молодёжи важно ориентироваться на её потребности и мотивации, важно организовывать досуг для самореализации активной молодёжи и удержанию ее в малом городе. Если молодые люди будут востребованы, получат перспективы самореализации в сегодняшней сложной жизни, то будет дан дополнительный импульс социально-экономическому развитию малого города, а молодёжь обретёт жизненные надежды – это и есть основной способ преодоления негативных явлений в молодёжной среде.

На основе создания культурно-досугового пространства в процессе взаимодействия среднего, высшего и дополнительного образования формируется культура досуга молодёжи [3, с. 55]. По данным исследования, в малых городах хорошо развиты образовательные учреждения дополнительного образования. К примеру, в Ирбит Свердловской области, по словам экспертов, очень хорошие спортивная и музыкальная школы. *"У нас молодёжь очень способная. В областных конкурсах занимают и побеждают первые места... у нас проводится ежегодно школа бизнеса, и молодёжь предоставляет такие бизнес-проекты, которые не каждый предприниматель сможет написать"* (УФГ8). В школах г. Шелехов Иркутской области открываются профильные классы: *"в свое время был даже класс РУСАЛов, класс ИркАЗа, где дети получали знания, умения, и потом дальше шли по этому же направлению в металлургии, например. Сейчас тоже открываются разного рода классы, даже тот же класс МВД"* (Э11). При этом, как отмечают участники фокус-группы г. Зима и г. Кимры, нет материально-технической базы для работы дополнительных кружков и секций.

Но в большинстве случаев, несмотря на все усилия, прилагаемые в этой сфере, уровень обеспечения культурного досуга противоречит потребностям и интересам молодого поколения: *"мы создавали, всю жизнь работали ради того, ... чтобы наши дети, по крайней мере, как мы гордились, как старшее поколение, этим городом. К сожалению, такой уверенности сегодня нет... потому что у нас перспектив нет"* (УФГ9)

В отличие от крупных городов и областных центров, в малых городах, особенно локализованных, нет такого разнообразия культурной жизни для молодого поколения в силу отсутствия должного финансирования. Конечно, в районных центрах сохранились дома культуры, библиотеки и учреждения дополнительного образования, но, как правило, все они держатся благодаря сотрудникам-энтузиастам.

Как отмечает представитель молодёжной организации г. Заволжье Нижегородской области, не хватает досуга в сфере культуры: *"... у нас вообще ничего нет, абсолютно. ...если говорим досуг, есть платные кружки, но помимо этого для молодёжи, которые не ходят на кружки, то нечем заняться... В сравнении с Городцом, в котором все мероприятия районного масштаба, проходят феерверки, хороводы, шикарно, у нас бюджета на это нет... У нас люди на праздники перестали ходить, потому что у нас скукота"* (УФГ10). Даже отсутствие кинотеатра в г. Аксай, по мнению эксперта, *"это молодёжная проблема. Это действительно проблема, потому что некуда девать себя вечерами"* (УФГ11).

Кроме того, молодёжь в малых городах старается принимать участие в общественных объединениях. Проблема в том, по мнению экспертов, что активным развитием молодёжи занимаются не молодежные организации, не администрация в рамках молодёжной политики, а отдельные активисты.

Хотя, по мнению экспертов, потенциал у молодёжи из малых городов есть значительный. *"У нас очень талантливая молодёжь. Замечательные школьники, медалистов очень много, тех, у кого высокие баллы за экзамены. И возможность получения дополнительного образования у нас замечательная в городе есть. ... Здесь у нас как бы есть возможности. В городе нужно над этим работать..."* (Э12).

Выводы

Отток молодёжи как проблема признается всеми экспертами. С одной стороны, миграция молодого поколения способствует приобретению знаний, умений, трудовых навыков, увеличению доходов и платежеспособности этого слоя населения. С другой стороны, активная молодёжь не возвращается в родной город и не инвестирует приобретенные ресурсы в развитие малого города. Как показало исследование, складываются устойчивые направления миграции молодёжи: в малые города приезжают молодые люди из ближайших сел и деревень, а молодёжь из малых городов старается переехать в региональный центр, столицы или близлежащий крупный город. Кроме того, сложились реальные миграционные связи между городами, поселениями. Например, жители малых городов ездят на работу в соседние города (например, из Кимр и Лихославль в Тверь и Москву) или живут в сельской местности, а работать едут в малый город. Молодежь, по мнению экспертов, конечно, уезжает, но, уехав в другие города, она возвращается, не потому что ей хочется сюда вернуться, а потому что в большом городе людям, не имеющих каких-то определенных возможностей, труднее зацепиться.

По мнению большинства экспертов, опорными для России должны оставаться малые города, поскольку именно в таких маленьких городах воспитываются дети, они берут модель, образ жизни, поведения от своих родителей и едут в крупные города строить большую политику, заводы и фабрики, *"то есть всё – то даст малый город – то мы увидим в нашем будущем поколении"* (Э15).

Таким образом, для молодёжи должна быть создана комфортная среда для проживания. Для того чтобы молодые люди оставались на своей малой родине и способствовали ее развитию, необходимо создание условий для экономического, социального и культурного развития города. Как указывают эксперты, государство должно взять на себя ответственность за трудоустройство молодых людей.

По мнению экспертов, нужны инвестиции на любые производства, поскольку трудоустройство возникает именно из инвесторов, все взаимосвязано. Государственная политика управления развитием малых городов в регионах должна концентрироваться на следующем:

во-первых, обеспечить доступ молодёжи к среднему и высшему профессиональному образованию;

во-вторых, способствовать развитию инфраструктуры для воспроизводства качественного кадрового потенциала развития города, восстановлению, сохранению и развитию городских предприятий;

в-третьих, обеспечить перевод налогов в местный бюджет, поскольку, по мнению экспертов, весь развал города пошел с определенного момента, когда поменялось налоговое законодательство, когда пошел отток денег, *"задыхаются те же самые школы, медицина, образование"*;

в-четвертых, способствовать сохранению и развитию "своей уникальности" малых городов.

Необходимо учитывать и отдаленность населённого пункта от областного центра, и изношенность инфраструктуры.

Малые города нуждаются в другой модели экономики страны. Тем городам, которые не имеют градообразующие или крупные предприятия, необходимо поддерживать самостоятельные рынки сбыта, генерировать самостоятельные рабочие места в виде малого, среднего бизнеса. Малым городам-агломерациям же необходимо обеспечить развитие предприятий, увеличить количество рабочих мест, поднять заработную плату. По данным исследования, малым городам необходимо также выстраивать связи с большими близлежащими городами, развивать инфраструктуру удобной для доступности, что даст новый виток для их развития.

Если говорить о влиянии государства в социальном направлении, здесь требуется изменения, дальнейшие действия в сфере школьного, дополнительного и дошкольного образования детей.

Кроме того, необходимо изменить отношение молодёжи к перспективе жизни в малом городе. Сейчас считается не престижным оставаться в малом городе, четко прослеживается влияние идеологии развития, ориентированной на большой город, часто не помогает даже предоставленное жильё и деньги. [1, с. 49].

Таким образом, только при условии заинтересованности государства в развитии малых городов с научно-образовательными и культурными центрами, транспортной доступностью и обеспеченностью населения системой здравоохранения, созданием рабочих мест и не в угоду корпоративным предприятиям, а для развития территорий страны, можно говорить о благоприятных перспективах.

Список информантов

Э1 Мужчина; муниципальное управление; общественный помощник Уполномоченного; г. Ирбит;

Э2 Женщина; муниципальное управление; глава администрации; г. Заволжье;

Э3 Мужчина; муниципальное управление; депутат; г. Балахна

Э4 Мужчина; муниципальное управление; руководитель администрации; г. Сокол;

Э5 Женщина; муниципальное управление; заместитель главы администрации; г. Ирбит;

Э6 Мужчина; бизнес; г. Балахна;

Э7 Женщина; муниципальное управление; глава Суоярвского городского поселения;

Э8 Мужчина; муниципальное управление; глава муниципального образования "Краснинский район" Смоленской области; Э9 Женщина; СМИ; журналист; г. Заволжье;

Э10 Мужчина; гражданское общество; председатель городского совета ветеранов; г. Зима;

Э11 Женщина; гражданское общество; директор Благотворительного фонда местного сообщества имени Григория Шелехова; г. Шелехов;

Э12 Женщина; муниципальное управление; депутат; г. Ирбит;

Э13 Мужчина; муниципальное управление; глава МСУ, г. Заволжье;

Э14 Мужчина; бизнес; г. Зима;

Э15 Женщина; СМИ; директор информационного центра; г. Зима УФГ1
 Женщина; бизнес; г. Красавино;
 УФГ2 Мужчина; бизнес; г. Ирбит; УФГ3 Мужчина; бизнес; г. Шелехов;
 УФГ4 Женщина; бизнес; г. Зима; УФГ5 Мужчина; бизнес; г. Сокол;
 УФГ6 Женщина; гражданское общество; г. Зима; УФГ7 Мужчина; граж-
 данское общество; г. Зима;
 УФГ8 Женщина; бизнес; г. Ирбит; УФГ9 Мужчина; бизнес; г. Шелехов;
 УФГ10 Женщина; гражданское общество; молодежная организация;
 г. Заволжье;
 УФГ11 Женщина; бизнес; г. Аксай.

Литература

1. Аксёнова О.В. Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актор, никто // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 37–53.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
3. Еманова С.В., Хомутникова Е.А. Дополнительное образование детей и взрослых как фактор формирования досуговой культуры студенческой молодёжи // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 55–56.
4. Zubok Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография / Ю.А. Zubok, В.И. Чупров. М.: Норма, 2020. 304 с.
5. Маркин В.В., Малышев М.Л., Землянский Д.Ю. Малые города России: комплексный мониторинг развития. Часть 1. // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. С. 46–55.
6. Мкртчян Н.В. Миграция молодёжи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1 (137). С. 225–242.
7. Пахомова О.А. Агломерации как инструмент решения проблем миграции молодёжи // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики. Сборник научных статей XV Международной научно-практической конференции молодых учёных. Ответственный редактор Ю.Г. Лаврикова. 2017. С. 160–163.
8. Российская молодежь в динамике десятилетий. Статистические материалы и результаты исследований: [монография] / [Д.Л. Константиновский, Г.А. Чередниченко и др.]. М.: ИС РАН, 2017. 190 с. С. 54–77.
9. Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126.
10. Федорова А.В., Хорольцева Е.Б. Межрегиональная миграция молодёжи в условиях реализации стратегии развития Саратовской области // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 1. С. 73–82.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aksyonova O.V. Sub'ekt sotsial'nogo dejstviya v sovremennom razvitii Rossii: agent, aktor, nikto // Vestnik Instituta sotsiologii. 2020. T. 11. № 2. С. 37–53.
2. Gorshkov M.K., SHeregi F.EH. Molodezh' Rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnikh issledovanij: [monografiya] / M.K. Gorshkov, F.EH. SHeregi. M.: FNISTS RAN, 2020. 688 s.
3. Emanova S.V., KHomutnikova E.A. Dopolnitel'noe obrazovanie detej i vzroslykh kak faktor formirovaniya dosugovoj kul'tury studencheskoj molodyozhi // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2018. № 6 (73). S. 55–56.
4. Zubok YU.A., SHuprov V.I. Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti: monografiya / YU.A. Zubok, V.I. SHuprov. M.: Norma, 2020. 304 s.
5. Markin V.V., Malyshev M.L., Zemlyanskij D.YU. Malye goroda Rossii: kompleksnyj monitoring razvitiya. CHast' 1. // Monitoring pravoprimeneniya. 2019. № 4. S. 46–55.
6. Mkrтчyan N.V. Migratsiya molodyozhi iz malykh gorodov Rossii // Monitoring obshhestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2017. № 1 (137). S. 225–242.
7. Pakhomova O.A. Aglomeratsii kak instrument resheniya problem migratsii molodyozhi // Razvitie territorial'nykh sotsial'no-ehkonomicheskikh sistem: voprosy teorii i praktiki. Sbornik nauchnykh statej XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchyonykh. Otvetstvennyj redaktor YU.G. Lavrikova. 2017. S. 160–163.

8. Rossijskaya molodezh' v dinamike desyatiletij. Statisticheskie materialy i rezul'taty issledovanij: [monografiya] / [D.L. Konstantinovskij, G.A. SCherednichenko i dr.]. M.: IS RAN, 2017. 190 s. S. 54–77.
9. Ryazantsev S.V. Sovremennaya migratsionnaya politika Rossii: problemy i podkhody k sovershenstvovaniyu // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 9. С. 117–126.
10. Fedorova A.V., KHorol'tseva E.B. Mezhhregional'naya migratsiya molodyozhi v usloviyakh realizatsii strategii razvitiya Saratovskoj oblasti//Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2020. Т. 20. № 1. S. 73–82.

Роговая А. В., Левченко Н. В. Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодёжи из малых городов.

В малых городах регионов России одной из острых проблем является отток молодёжи в региональные центры и крупные города. В статье использованы результаты экспертного интервью и опроса фокус-групп в 21 российских малых городах. Проведен сравнительный анализ сложившейся ситуации, связанной с миграционными процессами в малых городах-агломерациях и в локализованных городах, расположенных на большом расстоянии от региональных центров. В ходе исследования были рассмотрены основные виды миграций молодёжи из малых городов: образовательная, трудовая и связанная с отсутствием досуга, выделены этапы трудовой миграции. Рассмотрены основные причины и направления оттока молодого поколения. В работе анализируются возможности и препятствия возвратной миграции, а также пути минимизации оттока молодёжи.

Ключевые слова: образовательная миграция, трудовая миграция, досуг, молодёжь, малый город

Rogovaya A. V., Levchenko N. V. Education, employment and leisure as factors of youth migration from small towns.

An urgent problem in small towns of Russian is the outflow of youth to regional centers and large cities. The article uses the results of an expert survey and focus groups in 21 Russian small towns. A comparative analysis of the migration processes situation related to in small agglomeration towns and in localized towns located at a great distance from regional centers is carried out. The study examined the main types of youth migration from small towns: educational, labor and related to lack of leisure. The main reasons and directions of the outflow of youth are considered. The article analyzes the possibilities and obstacles of return migration and minimize ways the outflow of youth.

Key words: educational migration, labor migration, leisure, youth, small town

---

Для цитирования: Роговая А. В., Левченко Н. В. Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодёжи из малых городов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 23–33. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/23-33

For citation: Rogovaya A. V., Levchenko N. V. Education, employment and leisure as factors of youth migration from small towns // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 23–33. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/23-33

УДК 930.85

*Бурлаков В. А., Владимирова Д. А., Глазкова Е. А.,
Журбей Е. В., Задворная Е. С., Малахов А. А.,
Малявин В. В., Самойленко А. Ю., Си Цзюньфэй,
Федоренко Д. В., Хоанг Минь Фук.*

Современное состояние традиционных культур стран АТР: проблемы их развития и сохранения в условиях глобализации

Круглый стол "Современное состояние традиционных культур стран АТР: проблемы их развития и сохранения в условиях глобализации" был проведен в апреле нынешнего года в онлайн-режиме, поскольку сложившаяся эпидемиологическая обстановка не позволила провести мероприятие в очном формате. Представители академического и вузовского сообщества обсудили различные проблемы традиционных культур стран АТР в условиях глобализации.

Журбей Е. В.: Уважаемые коллеги и гости! Приветствую вас на нашем круглом столе. Темой нашего предстоящего обсуждения является проблема развития и сохранения традиционных культур стран АТР в условиях нарастающей глобализации. Мы исходим из того, что глобализация – это явление, которое влияет не только на традиционные культуры, но и повседневную жизнь народов АТР. Для подавляющего большинства стран АТР глобализация является результатом деколонизации, когда многие страны мира сразу после Второй мировой войны боролись за свое собственное самосознание, а когда им это удалось, они пришли друг к другу для взаимного сотрудничества. Усили-

© Бурлаков В. А., Владимирова Д. А., Глазкова Е. А., Журбей Е. В., Задворная Е. С., Малахов А. А., Малявин В. В., Самойленко А. Ю., Си Цзюньфэй, Федоренко Д. В., Хоанг Минь Фук., 2020

БУРЛАКОВ Виктор Алексеевич, канд. полит. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** burlakov.va@dvfu.ru

ВЛАДИМИРОВА Диана Альбертовна, канд. ист. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** vladimirova.da@dvfu.ru

ГЛАЗКОВА Елена Александровна, ст. преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** glazkova.ea@dvfu.ru

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** zhurbey.ev@dvfu.ru

ЗАДВОРНАЯ Елена Сергеевна, канд. культурологии, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** zadvornaia.es@dvfu.ru

МАЛАХОВ Антон Андреевич, магистрант Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** kenny.trem@gmail.com

МАЛЯВИН Владимир Вячеславович, д-р ист. наук, профессор-исследователь департамента зарубежного регионоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (*г. Москва*); профессор Тамканского университета (*г. Тайбей, Тайвань*). **E-mail:** vmalyavin@hse.ru

САМОЙЛЕНКО Петр Юрьевич, канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** samoylenko.pyu@dvfu.ru

СИ Цзюньфэй, магистрант Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** si.tc@students.dvfu.ru

ФЕДОРЕНКО Денис Валерьевич, магистрант Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** den200197@yandex.ru

ХОАНГ МИНЬ ФУК, д-р искусствоведения, профессор Колледжа художественного и декоративного искусства провинции Донгнай (*г. Бьенхоа, Вьетнам*). **E-mail:** hoangminhphuc@gmail.com

вающееся взаимодействие между народами – торговля, инвестиции, туризм, СМИ, электронные средства связи вообще – порождает общую современную мировую культуру, мир превращается в глобальную деревню. Положения, ценности, знание и культура людей в современном обществе значительно отличаются от того, что имело место в традиционном обществе. Как первая подвергшаяся модернизации цивилизация, Запад занимает ведущую роль в обретении культуры современности. В этой связи нас будет интересовать то, что происходит с традиционными культурами стран АТР. Первым вопросом, который я предлагаю обсудить, будет следующий. Что такое традиционная культура? Каковы ее наиболее существенные отличия от современной культуры?

Малявин В. В.: Само понятие "традиционная культура", несмотря на его популярность, неоднозначно и противоречиво. Традиция далеко не совпадает с культурой. Предмет традиции – неформализуемая и необъективируемая актуальность существования: то, что извечно передается в потоке времени и поэтому ничему не тождественно. В этом качестве она выступает условием или возможностью всякого опыта и знания. В эпоху глобализации, когда резко обостряется соперничество между мировыми цивилизациями за обладание, так сказать, высшей разумностью, традиция становится очень важным фактором идеологической и политической борьбы. Лозунг (обманчивый, как все лозунги) сегодняшнего дня – вперед к традиции! Что касается культуры, то ее материал – типизированные, они же стилизованные, нормативные и поэтому непреходящие во времени формы коммуникации, которые являются плодом попыток опознания традиции. Эти формы можно соотнести с предметностью восприятия и умозрения, и тогда они служат рациональному знанию, становятся элементами науки, технологии, идеологической системы. Постепенное вызревание такой отвлеченной рациональности определяет принятый на Западе смысл истории, но, как уже было сказано, не умаляет значимости традиции. Поиск оптимального баланса традиции, культуры и ищущей основание в самой себе рациональности – метапроблема человеческой истории. Главное отличие культуры традиционной от современной (модернистской) состоит в том, что первая ориентируется на преемственность и, следовательно, совместность отдельных моментов существования или индивидуальных "я", а вторая – на рациональность субъекта в настоящем. В этом смысле модернистская культура – спутница капиталистического потребления.

Журбей Е. В.: Корректно ли говорить о разделении культуры на традиционную и современную? Насколько правомерно это противопоставление?

Задворная Е. С.: Даже в научной литературе зафиксировано множество определений, в которых удивительным образом переплетаются совершенно разные термины: традиционная, архаическая, аграрная, крестьянская, дописьменная, фольклорная, доиндустриальная и даже повседневная культура, – т.е. присутствует некий научный синкретизм в отношении данного понятия. Однако традиционная культура (с точки зрения её специфики и отличия от других форм культуры) обеспечивает в системе современной культуры воспроизводство элементов культуры прошлого посредством такого механизма, как традиция (фольклорно-мифологические комплексы). Предполагается что функционирование традиционной культуры не связано с институциональным обеспечением и деятельностью власти. В таком случае возникает вопрос – городской фольклор относится к традиционной культуре или нет, ведь с точки зрения механизма формирования – это устная традиция, формирующая представление о локальном мире. Ответ на этот вопрос лежит в плоскости анализа взаимодействия современной и традиционной культуры, когда современность оценивается и наделяется смыслом исключительно по отношению к культурным образцам прошлого. Т.е. основными характеристиками традиционной культуры выступает ценностное наполнение и механизм социальной трансмиссии культурного текста прошлого. В таком контексте даже культура современного общества, элитарная или городская, может быть традиционной.

Владимирова Д. А.: У разных народов, в разных цивилизациях звучит свой особенный культурный код, который закладывается на протяжении длительного времени. Этот культурный код, с одной стороны, обнаруживается сразу при первом столкновении с "другой" культурой, с другой – считывание

его представляет определенные трудности. Можно обозначить, что "другое", "несвойственное нам" и есть репрезентация традиционной культуры того или иного народа. В странах Восточной Азии, также как и в странах Южной Азии, есть свой "водораздел" между культурными ареалами. Для Индии – это Инд как граница западного и южно-азиатского культурного ареала, В Китае хребет Циньлин, разделяющий культурные ареалы севера и юга. Говоря о впитывании тенденций современной культуры, необходимо принимать во внимание этот "водораздел". Процесс интеграции в современное культурное глобализационное пространство, на мой взгляд, идёт с обязательным продвижением "своих" ценностей некой толикой традиций. На этом фоне особенно хочется отметить Индию, которую отличает от стран Восточной Азии две характеристики: сохранность преемственности древних времен и сохранение общности. Индия, пожалуй, представлена традиционной культурой.

Что отличает традиции от современной культуры? Вопрос, на который можно ответить просто: традиции претерпевают трансформации в соответствии с требованиями времени. Китайцы традиционно собираются на праздник Встречи весны всей семьей, традиции традиционно выставляются на стол всё, что ассоциируется с благопожеланиями, с другой стороны, пьют шампанское, готовят индейку и идут в рестораны, ночные клубы. Традиции более сохранены в сельской местности.

Хоанг Минь Фук: Традиционная культура, с ее красотой и ценностями, становится все более размытой в эпоху цифровых технологий и глобализации. Понятие "традиция" происходит от латинского "Tradio" и восходит к глаголу "Tradere (traditus)", означающему "передать", "уступить", "распространять". Поэтому в простейшем смысле этого слова традиция – это социальное наследие, передаваемое из поколения в поколение. Согласно закону развития, новые более прогрессивные явления заменяют устаревшие явления. Под традициями понимаются обычаи, привычки, национальный жизненный уклад, образ жизни, личностное поведение, поведение сообщества людей, сохраненные и передаваемые через поколения или через целые исторические периоды. Традиция – это также процесс обновления, принятия, реформирования и борьбы ... с положительным или отрицательным влиянием, а также оставляющий прогрессивные либо регрессивные последствия в различных социально-культурных плоскостях. Таким образом, рассматривая каждый отдельный элемент традиционной культуры определенной нации, мы должны учитывать общественную обстановку, процесс его формирования и развития, а также выявить путь сохранения, популяризации и устранения архаизмов рассматриваемого элемента традиционной культуры. Таким образом, традиция охватывает все сферы общества, но больше всего фокусируется на материальной и духовной культуре. В борьбе за выживание определенной нации как этнической общности, смысл традиции сводится к накопленным ценностям, существующим во взаимосвязи с настоящим и будущим.

Современная культура формируется в Новое время. В каждой стране свои исторические периоды. Во Вьетнаме современная история начинается с начала XX века и до настоящего времени, таким образом культура, сформированная до этого времени, называется традиционной культурой, а современная культура – это не что-то новое, а логическое продолжение процесса формирования и развития традиционной культуры. Традиционная культура универсальна, она проникает во все жизненные сферы сообщества и передается из поколения в поколение в процессе социализации. Культура является продуктом человека, связанным с изменениями социальной реальности и имеющим исторический характер. В традиционной культуре есть элементы присущие как прошлому, так и настоящему, в то время как для современной культуры исторические ценности либо ценности прошлых поколений не имеют такого значения, так как не соответствуют современным общественным реалиям, также остаются некоторые культурные традиции, которые актуальны как для прошлого, так и для настоящего, но требуют подгонки под современные тенденции.

Для Вьетнама традиционная культура – это не только культура, созданная вьетнамцами, но и впитавшая в себя элементы других этнических групп. Эти элементы других культур переплелись, аккумуляровались и впитались

во вьетнамскую традиционную систему и продолжают оказывать влияние на процесс трансформации и развития традиционной культуры Вьетнама.

Журбей Е. В.: Как вы определяете сущность процесса глобализации? Как связаны глобализация и модернизация?

Малявин В. В.: На Западе глобализацию принято описывать в категориях единого мирового рынка и информационного пространства. Сегодня мы знаем, что техническая доступность для всех коммуникации и обмена еще не создает глобальный мир. Китайские идеологи выдвинули лозунг "новой глобализации", которая основывается на принципах гармонии, синергии и "единении сердец" всех жителей планеты. Становится все более очевидным, что глобализация не может привести к единому для всего мира формальному порядку. Складываются, по сути, две глобальные системы, которые можно соотнести с евро-американским и евро-азиатским ареалами. Первая основана на принципе самоидентичности и логике тождества, вторая – на принципе соотношенности с иным, так сказать, "самоинаковости", которая предполагает свободную совместность людей. Эти системы не антагонистичны, но и не прозрачны друг для друга и могут сосуществовать на основе отношений подобных симбиозу. России, возможно, уготовлена роль третьего, "асистемного" члена этой системы.

Задворная Е. С.: Глобализация и модернизация – два процесса развития – не всегда связаны. Так, модернизация – это изменения в культуре, связанные с формированием общества и экономики модерна, в котором важнейшими направлениями были индустриализация, развитие науки и техники. Долгое время модернизация была синонимом развития, а глобализация рассматривалась только с точки зрения глобальных проблем или экспансии европейской культуры. Важно понимать, что глобализация – это формирование культурной компетентности, выходящей за рамки локальных сообществ. Например, распространение локальной культурной специфики в виде кебаба, гамбургера, суши или увлечение молодежными субкультурами Японии или Великобритании – тоже проявление процесса глобализации.

Самойленко П. Ю.: В современных условиях глобализация представляет собой сложный многомерный процесс, связанный с распространением во всех государствах гуманитарных западных ценностей, экономических моделей, перемещении производства из развитых экономик в периферийные страны, а также с формированием устойчивых социальных моделей поведения универсального характера. Процесс модернизации на практике связан с глобализацией частично и характерен в большей степени для государств полупериферии, то есть активно развивающихся экономик, которые стремятся создавать модели хозяйствования, основанные на точной промышленности и производстве, и экономике услуг, и соответствующим образом формируются формировать человеческий капитал в рамках местного населения, формируя ценности как работников, так и потребителей. Де факто глобализация и модернизация сегодня – не столько некие универсальные модели, сколько тенденции развития, характерные для мира, но имеющие свою специфику в зависимости от региона мира, этно-социальных и экономических особенностей конкретного государства. Соответственно, основные факторы влияния – информационное (цифровое) общество и экономика услуг.

Журбей Е. В.: В чем состоят основные культурные эффекты глобализации?

Задворная Е. С.: Поскольку глобализация – это распространение культурных явлений, взаимодействие пространств и контекстов культуры, то последствием является процесс трансформации и создания новых культурных форм. В рамках этого процесса некоторые формы могут исчезнуть или возникнуть новые, другие – трансформироваться. Так трансформировалось представление о мире у населения Киевской Руси после принятия христианства, изменилось искусство европейских государств после Всемирных выставок и популяризации японизма. Так и в настоящее время претерпевает изменения визуальная культура под воздействием стиля аниме, меняются вкусовые пристрастия в связи с популяризацией туристических продуктов. Не всегда воздействие глобализации является прямым следствием использования каналов массовой коммуникации, но всегда – с массовизацией. Например, популярность арабского кебаба или китайской лапши связаны с уличной культурой

питания. Для глобализации данной формы культуры не нужно было знание языка, обращение к инструментам телевидения и кинематографа. Можно ли говорить об утрате идентичности в связи с заменой некоторых форм культуры в случае глобального распространения новых? Замещение культурных форм возможно только в случае их неактуальности и невозможности общества сформировать творческий ответ в рамках межкультурного взаимодействия. Так, например, произошло со словами "менеджер" или "парламент" в русском языке.

Владимирова Д. А.: Глобализационные процессы далеко не новое явление. Достаточно вспомнить формирование древних царств и поглощение ими "примитивных племен", а это V–IV тысячелетие до н.э., царства – гегемоны древнего Китая, которые подвергали "окультуриванию" соседние народы и племена. Ни одна из культур не существовала изолированно, все культуры живут и развиваются в диалоге друг с другом. И в этом диалоге, как отметил в свое время М.М. Бахтин, культура приближается к пониманию себя самой, диалог дает уникальную возможность взглянуть на себя глазами иной культуры, тем самым обогащая свою собственную культуру и преодолевая некую односторонность.

Журбей Е. В.: Какие страны (общества) АТР наиболее вовлечены в процесс глобализации? В каких странах (обществах) АТР традиционные культуры подверглись наиболее глубокой модернизации? Насколько тесно связаны процессы глобализации и культурной модернизации обществ АТР?

Малявин В. В.: Конечно, степень вовлеченности в глобализацию может быть разной не только в разных странах, но и в разных областях одной страны. Это скорее вопрос экономики и техники коммуникации. Но из сказанного выше ясно, что противопоставление традиции и модернизации скорее мешает видеть историческую реальность. На самом деле мы имеем две формы модернизации: модерн и постмодерн – и два типа глобализации: "атлантическую" и "азиатскую". В АТР мы как раз наблюдаем сложное переплетение этих форм и типов. Япония и в меньшей степени – или в других проявлениях – Южная Корея, Тайвань, Гонконг представляют как раз западную – национальную и либеральную по характеру – модель глобализации, тогда как Китай – это столп глобализации евразийского типа, соответствующей информационной цивилизации постмодерна или, если угодно, позднего модерна. Интересно, что по своей геополитической конфигурации собственно бассейн Тихого океана имеет много общего с регионом Большой Евразии. Долгое время Япония была своеобразным ретранслятором "евроатлантической" глобальности на Дальнем Востоке. Современное положение свидетельствует, что Китай и его глобальность евразийского типа имеют больше потенциалов для будущего развития.

Владимирова Д. А.: Абсолютно все страны вовлечены в процесс глобализации. Наиболее вяло процесс протекает в КНДР, что объясняется закрытостью страны. Однако активные экономические контакты с Китаем не проходят бесследно. Специальные экономические зоны (например, Син'ьиджу) являются проводниками глобализации. Ещё несколько лет назад можно было отметить Японию как страну, чья культура подверглась наиболее глубокой модернизации. Сегодня уже можно говорить о растущих темпах культурной глобализации в Южной Корее. Разработаны специальные программы для детей, людей старшего поколения, которые учат вхождению в новое культурное глобализационное пространство (включая изучение английского языка, определенный стиль поведения, умение наладить коммуникацию с представителями иной культуры и т.д.). И сам процесс глобализации, и культурная модернизация неразрывно связаны с развитием технологий. Благодаря технологиям формируется новая реальность, независимая от территориальных границ, что ведет также к усилению локоглобализации. Несмотря на то, что процесс глобализации получает зачастую отрицательную оценку, остановить его уже невозможно. Мы не осознаем пока, что являемся свидетелями зарождения новой миросистемы, которая, по всей вероятности, подвергнет пересмотру ценности не только западного мира.

Задворная Е. С.: Какие страны способствуют распространению своих национальных форм культуры – ведут активную деятельность в глобализации своей культуры? КНР, Япония и Южная Корея сформировали культур-

ную политику в отношении "экспорта" культуры за рубеж. Популяризируются кухня, мода, музыка, кино и анимация, детские товары. Воздействие ведется в отношении всех возрастных групп – существуют программы финансирования и продвижения. Примечательно, что в США не существует институционализированной культурной политики в отношении национальной культуры и ее популяризации за рубежом. Массовое распространение получают товары брендов, где основой целесообразности становится не идеологическая функция культуры (как в случае со странами Восточной Азии), а монетаризация товара.

Бурлаков В. А.: Глобализация в современном мире развивается по модели И. Валлерстайна "центр – полупериферия – периферия". При этом каждый элемент миросистемы также глубоко структурирован, и, скажем, в рамках полупериферии можно выделить и страны, которые вплотную приблизились к странам центра, и страны, которые подпадают под классическое определение полупериферийных, и страны, которые балансируют у границы с периферией. Страны Восточной и Юго-Восточной Азии в рамках данной модели принадлежат либо к периферии, либо к полупериферии. Даже Японию, страну, обладающую мощной экономикой и развитой политической системой демократического типа, нельзя в полной мере отождествить со странами центра. Страна несвободна в определении своей экономической политики и полностью зависит от США в вопросах взаимодействия с другими государствами. В силу этого никто не рассматривает Японию даже региональным лидером, отводя ей роль верного американского союзника.

Принадлежность к полупериферии предполагает формирование соответствующего типа капиталистических отношений, основными чертами которых является экспортно-ориентированная экономика, базирующаяся на эксплуатации дешевых трудовых ресурсов страны. Политической базой в данном случае является или достаточно жесткий авторитарный режим (например, КНР, Таиланд, Малайзия, Вьетнам и т.п.), или просто жесткий режим, допускающий элементы демократической конкуренции элитных группировок (как, например, в Японии, Южной Корее или Тайване). Культурная модернизация в данном случае предполагает интенсивное заимствование новых культурных образов, очень часто с минимальной их адаптацией к местным условиям. Образы "традиционной культуры" актуализируются, главным образом, для формирования общенациональной идеологии или для создания "культурного продукта", который можно реализовать на мировом рынке.

Страны периферии (такие, как Камбоджа, Лаос и (можно спорить) Индонезия и Филиппины) затрагиваются процессами модернизации только сегментарно, а потому характеризуются высокой степенью социальной дифференциации. Новые культурные образы осваиваются только той частью населения страны, которая в той или иной степени взаимодействует со сферами, затронутыми глобализацией. Часто в городах этих стран можно наблюдать вполне современный уровень культурного развития, тогда как поездка в деревню становится своеобразным путешествием в прошлое. Политические режимы этих стран отличаются значительной степенью неустойчивости и очень часто эксплуатируют "традиционные культурные коды", такие как религия или сельская община.

Журбей Е. В.: Отмечаете ли вы проявления глокализации (защитного (закрытого) регионализма, национализма) в АТР? Какими социокультурными проблемами (рисками) они могут быть обусловлены?

Самойленко П. Ю.: Да, полагаю, что тенденции глокализации в рамках АТР объективно существуют, и объясняются целым рядом причин – прежде всего этническими, культурными, а также экономическими и государственно-административными особенностями, спецификой традиционного азиатского менталитета. Ярким примером являются такие государства региона, как Китай и Республика Корея, которые, с одной стороны, активно заимствуют западные экономические модели и гуманитарные ценности, а с другой стороны, стремятся сохранять свои уникальные этнические и культурные доминанты и активно культивируют на их базе национальный менталитет и национальное массовое сознание, органично сочетающее традиционные и западные ценности. Эти процессы могут как управляться централизованно "сверху" и быть ориентированы на внутреннее сплочение нации (как дела-

ется в Республике Корея), так и носить характер инициативы со стороны отдельных национальных групп или части населения (яркий пример – набирающее обороты движение "неомаоизма" во внутренней политике Китайской народной республики). Основные социокультурные риски (проблемы) в этом случае – утрата ярких национальных особенностей и эффективных моделей поведения местного населения, что сегодня ярко видно на примере Японии, где молодежь все в большей степени начинает руководствоваться западными ценностями, а не традиционными.

Бурлаков В. А.: Практически для всех стран Восточной и Юго-Восточной Азии весьма характерно проявление различных форм национализма. Причем данное явление следует рассматривать не как реакцию на глобализацию, а как следствие глобализации. Иными словами, национализм был привнесен в страны Азии извне.

Первоначально национализм имел форму движения, направленного на освобождение от колониального господства и построения национального государства. Сегодня национализм – очень удобная идеологическая система, которая, во-первых, позволяет легитимировать господство национальной элиты; во-вторых, сплотить нацию вокруг властного центра (что является жизненно необходимым в условиях усиления эксплуатации); и, в-третьих, перенаправить вектор недовольства населения на внешние силы, тем самым обезопасив положение собственной деловой элиты.

Все формы современного национализма, в том числе и те, что господствуют в рассматриваемых странах, в той или иной степени восходят к корпоративизму Б. Муссолини, повторяя его основную конструкцию: сплочение нации вокруг традиционных ценностей. В этом и кроются основные социокультурные риски, так как национальные элиты стремятся актуализировать те традиционные мифы, которые подтверждают превосходство своей нации над другими. Древняя, богатейшая и весьма запутанная история восточной части Евразийского континента дает для этого массу поводов. Так, в Северной и Южной Корее (правда, по-разному) культивируют идею историчности Тангуна, основателя государства Древний Чосон. Данная концепция имеет явную антияпонскую направленность, так как "доказывает" происхождение японцев от древних корейцев. Антикитайский характер имеет концепция о том, что расположенное на территории Маньчжурии государство Бохай было населено в основном когурезцами, хотя правящая элита была мохэской. Другим примером является камбоджийско-тайский пограничный конфликт в районе индуистского храмового комплекса Преа Вихеар. Храм является одним из немногих сохранившихся символов Кхмерской империи, а потому интерес к нему со стороны Камбоджи имеет не только экономический, но и идеологический характер. Исторические корни находят и для обоснования антикитайских настроений во Вьетнаме, которые становятся причинами периодических китайских погромов. Естественно, что подобные настроения не способствуют установлению доверительных отношений между государствами региона. Более того, общая тенденция такова, что противоречия на основе "традиционных культурных ценностей" будут только нарастать.

Журбей Е. В.: Каково соотношение ценностей индивидуализма и коллективизма в культурах современных обществ АТР?

Владимирова Д. А.: Человек как личность, как индивидуальная единица выходит на первый план и в восточных культурах. Собственно формирование индивидуализма началось как только традиционное восточное общество стало перемещаться в города. Процесс протекал медленно, почти незаметно для постороннего наблюдателя. Сегодня мы видим окрепшие тенденции к индивидуализму в Японии, Республике Корея и КНР. Коллективистское пока ещё превалирует, но и тенденцию к индивидуальному проявлению (и это уже не является чем-то постыдным) не повернуть вспять.

Бурлаков В. А.: Часто индивидуализм и коллективизм определяют как родовые признаки соответственно западной и восточной культур, тем самым противопоставление друг другу, и делается вывод об их принципиальной несхожести и, следовательно, невозможности использования достижений друг друга. Подобные мысли высказываются как западными, так и восточными авторами. Однако историческая реальность намного сложнее предложенных схем. Различные формы коллективизма были присущи и ев-

ропейской цивилизации на разных этапах ее развития. Переход к ярко выраженному индивидуализму наметился только в период развития капиталистических отношений. Не стоит абсолютизировать коллективизм и в странах восточной части Евразии. Да, действительно, коллективная форма общежития здесь превалировала. Но связано это было, прежде всего, со слабостью централизованного государства и специфическими способами сельскохозяйственной деятельности. Кроме того, переход к капитализму здесь происходил позднее, и реальной потребности в обособлении индивида от общины не было. Однако роль индивида не отрицалась и не принижалась.

С развитием капиталистических отношений мы отчетливо наблюдаем тенденцию, когда роль общины вообще и совместных форм общежития в частности падает, а роль конкретного человека возрастает. При изменении социально-экономических условий, которые вызывают институциональную деформацию социума, это становится неизбежным.

Эту тенденцию мы можем наблюдать в ряде стран Восточной Азии, таких, например, как Япония, Южная Корея, Тайвань и в меньшей степени Китай. Наиболее интересен пример Японии, где индивидуалистские тенденции проявляются в наибольшей степени. Хотя здесь имеет место искусственное культивирование коллективистских ценностей (в частности, в трудовых коллективах), никаких экономических оснований для совместной жизни нет. А потому общество заметно индивидуализируется.

Общей особенностью стран указанного региона является то, что история развития капиталистических отношений здесь имеет небольшую продолжительность, а потому явления общественной жизни, свойственные данным отношениям, пока еще недостаточно четко выражены.

Глазкова Е. А.: Рассматривая взаимосвязь между религией и культурой и соотношение религиозных и секулярных ценностей, необходимо учитывать не только теоретические, но и практические аспекты, потому что данный вопрос напрямую связан с культурной идентичностью в условиях мировой глобализации, возрастающей международной интеграцией и усилением роли международных отношений. В связи с качественным изменением политической, экономической ситуации в мире, вместе с тем меняется общественное сознание населения и его религиозность. С возрастающей ролью секулярных ценностей, значимость религии, как правило, снижается, и важным фактором удержания позиций религиозного сознания в том числе выступают культура и традиции. Что касается стран АТР, то не смотря на усиливающуюся тенденцию общественной модернизации, благодаря устойчивым позициям традиционных культурных ценностей, религия по-прежнему занимает значимый пласт в жизни людей, особенно это касается СРВ, где основу духовной жизни населения составляет культ предков.

Малахов А. А.: Если мы возьмем Японию, то с древности японцы являются коллективистами. В период Эдо (1602—1860 гг.), людям было необходимо сотрудничать, чтобы выжить. Тогда жители одной деревни объединялись, создавая единый коллектив, и совместными усилиями возводили рис, что является неотъемлемой частью японского рациона питания. Именно таким образом начал зарождаться коллективизм в Японии. В эпоху Мейдзи (1868—1945) по-прежнему сохранялся коллективизм, однако в связи с проникновением западных наук, законов и культур в японцах понемногу начал проявляться индивидуализм. Это больше касалось тех, кто учился за границей, учёных, общественных деятелей, пионеров наук и искусств. С окончания Второй мировой войны и до 90-х годов (1945—1990), соотношение ценностей превалировало в сторону коллективизма, так как в это время лишь единство японского народа помогло стране подняться из послевоенных руин. Результатом стал экономический бум, однако впоследствии преобладание коллективизма привело к застою в экономике и другим немаловажным проблемам, с которыми японское общество борется и по сей день. На современном этапе развития японское общество претерпевает серьезные изменения: от полностью коллективного сознания прошлых лет японцы все чаще и чаще становятся индивидуалистами, опираясь на ценности и идеи современного западного общества.

Журбей Е. В.: Насколько характерны для современных обществ АТР культурная толерантность и интолерантность?

Глазкова Е. А.: Глобализация – это явление, связанное с увеличением различного рода процессов и действий, которые способствуют взаимозависимости, а также экономической, политической, культурной интеграции среди стран по всему миру. Соответственно, глобализация стирает национальные границы, сокращает разрыв во всех сферах жизни общества. Эти изменения в обществе вызваны растущими связями и обменов между странами, организациями или отдельными лицами в культурной, экономической, коммерческой деятельности. Культура и религия также не выходят за рамки этого процесса и обладают полным спектром как положительных, так и отрицательных последствий, вызванных глобализацией, что отражает неизбежную и объективную тенденцию все более интернационализированного развития и культурной толерантности. Религиозная и культурная толерантность в первую очередь понимается как процесс перехода от национализма, который понимается в межгосударственном смысле, к транснационализму. Кроме того, религиозные и культурные потоки больше не ограничиваются одним регионом. Глобализация расширила пространство для влияния и распространения культурных и религиозных элементов (доктрины, канонического права, духовной практики ...) по всему миру с целью их утверждения в разнообразии человеческих культур. Одним из примеров культурной и религиозной толерантности, можно рассматривать официальное признание Святым Престолом алтаря предков у вьетнамских католиков. Такая уступка со стороны Римско-католической церкви не только позволила значительно увеличить число вьетнамских католиков, но и смягчить отношение коммунистической партии к католическим организациям, ведущим свою деятельность на территории СРВ.

Федорченко Д. В.: Проиллюстрирую ваш вопрос на примере Японии. Из-за того, что Япония была закрытой страной около трёх столетий, она развивалась самобытно, была централизована целиком и полностью на себе. Поэтому другие культуры стали настолько далеки и не понятны, что вызывали больше отторжения, чем интерес. Поэтому их сложно было назвать толерантными. В эпоху Мейдзи также сохранялась интолерантность, однако японцы охотно перенимали знания и умения в разных отраслях от иностранцев. После Второй мировой войны и до 1952 года, японцы находились в страхе перед американцами, вследствие чего им приходилось принимать все изменения и нововведения, в том числе и культурные. Поэтому в то время вновь набирает обороты и ранее присутствующая линия ксенофобного отношения к иностранцам в стране. По окончании оккупации, подобные настроения немного стихли, однако представители других стран навсегда вошли в категорию людей, к которым нужно относиться с осторожностью. Что, в свою очередь, не мешает японской культуре перенимать и модифицировать под свои реалии идеи других стран и т.д. На данный момент, современное японское общество нельзя назвать интолерантным, так как японцы достаточно терпимо относятся к более современным институтам семьи и брака, культурным особенностям, но наряду с этим японская черта характера "аимаи" до сих пор присуща японцам, что делает невозможным понять их настоящее мнение относительно различных культурных аспектов.

Си Цзюньфэй: Несмотря на принятую в 1995 году Декларацию принципов терпимости ООН, провозгласившую всемирный консенсус по толерантности, уровень ее в отдельных странах значительно разнится и зависит от множества факторов. На сегодняшний день все страны АТР, являющиеся членами ООН, провозглашают приверженность к толерантности на государственном уровне. Стремление к продвижению толерантности в современном мире продиктовано объективными мировыми тенденциями к диалогу культур и взаимному сотрудничеству на международной арене. Однако это вовсе не означает, что интолерантность на бытовом уровне также была искоренена. В этом ключе можно вспомнить традиционную претенциозность китайцев на превосходство китайской культуры над "варварами" и "Ханьский шовинизм", до сих пор имеющий место быть в современном Китае. Поэтому, несмотря на всеобщую тенденцию в странах АТР на стремление к толерантности и диалогу культур, в некоторых обществах стран АТР все еще существует бытовая интолерантность.

Журбей Е. В.: Какое стимулирующее или тормозящее влияние культурные ценности стран АТР оказывают на процессы азиатско-тихоокеанской регионализации?

Самойленко П. Ю.: В большей степени на сегодняшний день справедливо говорить о том, что культурные ценности стран АТР имеют некое уравновешивающее воздействие на процессы азиатско-тихоокеанской регионализации. Дело в том, что страны региона в подавляющем большинстве представляют собой общества с традиционной культурой, которая оказывает определенное "амортизирующее" воздействие по отношению к новым ценностям, которые формируются в рамках процессов глобализации. В целом можно также отметить, что культурные ценности современных государств Тихоокеанской Азии при этом обладают определенной пластичностью для того, чтобы частично заимствовать паттерны и составляющие западных ценностей. Это достаточно очевидно по таким примерам, как растущая популярность западных брендов товаров массового потребления в ведущих экономиках региона, а также использование универсальных коммуникативных методов, принятых в западной практике – речь прежде всего о рекламе и сетевых массовых коммуникациях, где принципы продвижения многих товаров и услуг используются по аналогии с западными практиками, но незначительно адаптируются в языковом или этно-культурном плане.

Хоанг Минь Фук: С момента окончания холодной войны до настоящего времени глобализация и регионализация стали объективной тенденцией развития и привлекают внимание ученых и политиков к АТР. Согласно традиционному пониманию, термин "регион" часто определяется географическим положением, этнической принадлежностью и цветом кожи. В международных отношениях "регионализм" – это проявление общего самосознания в идентичности и совместных целях в сочетании с созданием и внедрением институтов, которые выражают определенную идентичность и формируют коллективные действия в географическом районе. Однако, в современных реалиях тенденции глобализации и экономической регионализации, страны и территориальные единицы в различных регионах и субрегионах мира все активнее расширяют свое всестороннее сотрудничество во многих областях. В настоящее время регионализм доминирует во многих феноменах государственной и международной действительности, не только регулируя национальные интересы и внешнюю политику стран, но и влияя на многие тенденции в международных отношениях. Возрастающее влияние взаимозависимости, регионализации, сотрудничества и региональной интеграции интенсифицируется ролью регионализма, который становится характерной чертой современного мира. Таким образом, понятие термина "регион" расширяется за счет включения географических, экономических, политических и социальных факторов и может меняться в зависимости от точки зрения субъектов, принимающих участие в процессе регионального взаимодействия. АТР упоминается с начала двадцатого века, но только в конце 1980-х годов, после учреждения АТЭС, входит в научно-экономический терминологический лексикон. В узком смысле АТР также является Азиатско-Тихоокеанским экономическим регионом, включающим страны и территории Восточной Азии (включая Северо-Восточную Азию и Юго-Восточную Азию).

АТР очень важен с точки зрения политики, экономики, культуры, мировой безопасности. На Вьетнаме, как на одной из стран АТР, сказывается влияние различных проблем и процессов, происходящих в регионе. Это влияние дает определенные положительные возможности, но и создает ряд негативных проблем. В культурной сфере Вьетнам и другие страны региона имеют следующие характерные особенности: (1) различие идеологий и их влияние на политические и социальные режимы в странах региона; (2) изменение общественных ценностей и утверждение индивидуальной роли культурной идентичности, в частности, и в восточной культуре, в целом; (3) развитие духовных потребностей и привнесение разнообразия в культурную и духовную жизнь, сочетание традиционного культурного образования с культурной модернизацией; (4) увеличивающееся влияние культуры распространяется на экономическое, государственное и социальное управление. Учитывая вышеперечисленные особенности, Вьетнам инвестирует в устойчивое культурное развитие, что является одним из важных факторов экономического разви-

тия, сохранения национальной культурной идентичности и движущей силой стимулирующей творческие способности населения.

Бурлаков В. А., Владимирова Д. А., Глазкова Е. А., Журбей Е. В., Задворная Е. С., Малахов А. А., Малявин В. В., Самойленко А. Ю., Си Цзюньфэй, Федоренко Д. В., Хоанг Минь Фук. Современное состояние традиционных культур стран АТР: проблемы их развития и сохранения в условиях глобализации.

Burlakov V. A., Vladimirova D. A., Glazkova E. A., ZHurbej E. V., Zadvornaya E. S., Malakhov A. A., Malyavin V. V., Samojlenko A. YU., Si TSzyun'fehj, Fedorenko D. V., KHoang Min' Fuk. The current state of traditional cultures of the Asia-Pacific countries: problems of their development and preservation in the context of globalization.

Для цитирования: Бурлаков В. А., Владимирова Д. А., Глазкова Е. А., Журбей Е. В., Задворная Е. С., Малахов А. А., Малявин В. В., Самойленко А. Ю., Си Цзюньфэй, Федоренко Д. В., Хоанг Минь Фук. Современное состояние традиционных культур стран АТР: проблемы их развития и сохранения в условиях глобализации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 34–44. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/34-44

For citation: Burlakov V. A., Vladimirova D. A., Glazkova E. A., ZHurbej E. V., Zadvornaya E. S., Malakhov A. A., Malyavin V. V., Samojlenko A. YU., Si TSzyun'fehj, Fedorenko D. V., KHoang Min' Fuk. The current state of traditional cultures of the Asia-Pacific countries: problems of their development and preservation in the context of globalization // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 34–44. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/34-44

Обычаи избегания в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина: середина XIX – начало XX вв.

Заявленная в статье проблема представляется актуальной с точки зрения современной демографической ситуации и поиска путей её улучшения, когда люди обращаются к своим истокам с целью понять, как их предки существовали раньше, с помощью чего им удавалось сохранить крепкую и дружную семью. Помимо этого, данное исследование представляет собой комплексный сравнительно-сопоставительный анализ указанной проблемы практически между всеми родственными категориями традиционной семьи коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина.

Воспитание детей у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина (удэгейцев, нанайцев, тазов, ульчей, нивхов, орочей, негидальцев, эвенков, уйльта (другие этнонимы: "ороки", "ульта", "орочоны") обуславливалось в первую очередь тем, что мужчины в родовом обществе были главенствующим и постоянным элементом рода, а женщины – подчинённым и переменным. Девочек с раннего детства приучали к тому, что они "чужеродки" и после замужества уйдут в другой род; это накладывало отпечаток на взаимоотношения внутри семьи. Воспитание братьев и сестёр преследовало одну цель – отдалить их друг от друга, разобщить. Их приучали к тому, что они будут жить отдельно, поэтому надо стесняться друг друга и не привыкать друг к другу. Детей при помощи запретов приучали к издревле установившемуся разделению труда между полами. Мальчикам запрещалось играть с орудиями труда женщин, а девочкам – с орудиями труда мужчин, из-за опасности потери этими предметами промысловых и хозяйственных свойств [7, с. 29; 18, с. 171]. По половому признаку строго различалась даже посуда. Например, в тазике, в котором негидальцы и нивхи купали мальчика, запрещалось стирать девичьи и женские вещи, иначе мальчик станет трусливым и слабым, как женщина (**Рукопись Фадеевой Е.В. Из архива автора**). В родовом обществе имелись специальные термины, характеризующие отношения между близкими родственниками со стороны отца, препятствующие их близкому общению (например, нивх. "ланьнт" – стесняться, избегать друг друга). Этим обычаем взаимного избегания охватывались отношения между братьями и сёстрами, между старшими братьями и жёнами младших братьев, между свёкром и невестками [20, с. 356; 8, с. 265]. Брат с сестрой (как правило, старшей) не могли разговаривать, шутить, играть друг с другом, смотреть друг на друга. При встрече вне дома они обходили один другого на расстоянии. Нивхи считали разговор с младшими сёстрами равносильным половому общению с ними. Брату категорически запрещалось близко подходить к сестре, класть голову ей на колени для туалета головы, поскольку поиск головных вшей являлся важным элементом социальных, можно даже сказать, интимных отношений, которые были возможны только либо между родителями и детьми, либо между супругами. Помимо этого, ему было запрещено курить вместе с ней одну трубку, есть одновременно с сестрой с одного столика, называть её по имени [8, с. 67]; (**Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 131**). Брат к сестре мог обратиться либо косвенно, как к третьему лицу, либо на "Вы". При встрече на улице сестра отворачивалась от брата в сторону и уступала ему дорогу. Старшие братья, заметив младших сестер, предупреждали девочек о своем присутствии покашливанием [14, с. 219]. У нанайцев сестра не имела права называть старшего брата по имени, как и младший брат старшую сестру

(Архив МАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 53). В остальном отношения между младшей сестрой и старшим братом строго не регламентировались; у орочей сестра участвовала в общей трапезе с братом (Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 79)¹. У ороков влияние церкви сказывалось на большей свободе девушек в детском возрасте. Исчезающая старая прежняя классификация родства всё меньше стояла помехой к тому, чтобы девочки лет 8–10 свободно играли со своими родными и двоюродными (со стороны отца) братьями. Но ещё в начале XX в. брат с сестрой избегали разговора, что некогда было обязательным правилом. После долгих лет разлуки родная сестра не имела права поцеловать брата в виде приветствия. Мужчины с мужчинами и женщины с женщинами в таких случаях целовались, равным образом и родители с детьми. В обычных случаях жизни поцелуй имел место только по отношению к детям [13, с. 21–22].

Несмотря на суровые регламентации отношений братьев и сестер между собой у ороков имелись предания о случаях кровосмешения. Так, еще в XVII в. орок по имени Тудаська имел сношения со своей сестрой. Когда люди убедились в этом, то все от них отступились и выгнали их из дому, принуждая жить одним по лесам. Предполагают, что они вскоре погибли. Подобное изгнание из своей среды и оставление людей на верную гибель было, очевидно, наказанием за грехи, неподдающиеся искуплению [13, с. 23]. Таким образом, обычаи избегания отделяли братьев от сестёр в роде и устанавливали определённые нормы поведения между ними.

Обычай избегания распространялся и на сестёр. Так, у нанайцев считалось, что в доме своего отца две замужние сестры не должны есть за одним столиком и из одной посуды (Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 65. Л. 36)².

У народов Нижнего Амура, младший брат не только имел супружеские права на жену своего старшего брата (в отсутствие последнего), но и мог с ней свободно общаться, шутить, курить из одной трубки, есть вместе с ней. Мужчина вне своего рода имел право на половое общение с сёстрами своей жены, а также с сёстрами жён всех своих старших (но не младших) братьев. Старшему брату с женой младшего всё это, за исключением делового разговора, было запрещено. При этом говорящий обращался к запретному лицу в третьем лице и говорил "в пространство". Существование запретов позволяло предотвратить половое общение в запрещённых степенях, ссоры из ревности в случаях дозволенного общения.

По тому, как мужчины и женщины общались между собой, можно было определить степень родства между ними. Чем суше и строже были эти отношения, тем ближе было их родство. Мужчина, впервые встретившись с женщиной, сначала выяснял её родословную и, в случае попадания её в запрещённые для него категории женщин, знакомство тут же прекращал. У орочей шутки позволялись только с женщинами из рода матери и возбранялись с женщинами из рода отца. С женщинами из одного с ними рода мужчины никогда не заигрывали и не шутили, тогда как с "дозволенными" женщинами они вели себя достаточно фривольно (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 49, 131). Женщины-нанайки с дозволенными мужчинами вели себя свободно: смеялись, отвечали на их любезности. Женщины никогда сами не навязывались мужчине, но, если мужчина просил их о благосклонности, то ему никогда не отказывали, но денег и подарков никогда за это не брали. Женщина могла сама заигрывать с понравившимся ей мужчиной (Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 80. Л. 4). У нанайцев замужним женщинам не разрешалось смотреть на чужих мужчин и разговаривать с ними [10, с. 164, 182–183]; (Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 80. Л. 3). У нивхов мужчины и женщины из одного рода не могли разговаривать, шутить, и смотреть друг на друга [20, с. 188].

Избегания между будущими супругами начинались только с момента сватовства: жених не виделся с невестой во время сватовства, помолвки, переговоров о калыме. У нанайцев невеста при встрече с женихом избегала его, а в случаях появления последнего в доме её отца пряталась от него [19, с. 10–11;

¹ Архив ОИАК – Архив Общества изучения Амурского края.

² Архив МАЭ РАН – Архив Музея антропологии и этнографии РАН.

10, с. 150]. Ещё до помолвки, во время третьего визита семьи жениха, невеста пряталась одетая во всё лучшее в чужих фанзах. Вообще в брачных церемониях невеста играла пассивную роль, с момента просватывания она обычно ограничивалась общением близких подруг и женской родни, занимаясь приготовлением приданого. Тем не менее избегания между женихом и невестой не мешали их тайным свиданиям [6, с. 170–171, 196]. Во время свадебного пира в доме невесты жених с невестой вели себя скромно: сидели рядом, ели из одной чашки, курили одну трубку, но не разговаривали друг с другом и даже не оставались наедине [20, с. 282]. На другой день молодожёны уже без стеснения разговаривали между собой и с людьми, вместе ходили в гости и называли друг друга мужем и женой [16, с. 137]. Половая близость между женихом и невестой до свадьбы запрещалась – при нарушении запрета могли наказать духи. Интимные отношения между ними были возможны лишь после окончания двух – трёхдневного торжества, когда жених приводил невесту к себе домой [1, с. 201]. Невеста также "скрывалась" не только от жениха, но и от его родителей, братьев, сестёр и других родственников. Так, например, у тазов, свекровь, главная хозяйка дома, во время свадебного пира ела отдельно за низеньким столиком на кане, тогда как молодая жена садилась за общий стол, сама себе наливала и ела. Затем помогала по хозяйству: мыла посуду, убирала со стола, подметала пол. Приблизительно неделю она не работала на огороде, но выполняла мелкую домашнюю работу. Помимо этого, во время свадебного ритуала замужняя женщина *чюй чим проа*, на правах старшей, советовала новобрачной слушаться во всем свекровь, которая будет играть большую роль в её последующей жизни, не забывать, что дом, в который она вошла, чужой. Невеста всё это должна была выслушивать молча [5, с. 264, 265].

К членам семьи невестка относилась согласно установленным обычаям: с младшими она держалась как старшая: называла их по личным именам, распоряжалась ими и шутила с ними; со старшими мужчинами она вела себя сдержанно, не называла их по именам, не глядела на них. Невестка никогда не называла по имени ни свекровь, ни старших сестёр мужа, даже в их отсутствие, а также и после их смерти. С ними она могла вести только деловые разговоры, то есть, выслушивать их советы и приказания, тогда как психологическое общение исключалось [20, с. 188]. Невестка не могла показать свёкру с голыми ногами и непокрытой головой, не могла сидеть, повернувшись к свёкру спиной. Она лишь отвечала на вопросы шёпотом или кивком головы, либо через младших членов семьи. Лишь с появлением ребёнка невестка становилась более самостоятельной в рамках семьи [20, с. 189; 6, с. 174–180]; (Рукопись Фадеевой Е.В. Из архива автора). От неё требовалось уважение, особенно к матери мужа [20, с. 188]. Дружественные и нестеснённые отношения устанавливались между невесткой и младшими представителями семьи мужа женского пола, которым тем не менее запрещалось называть её имя (Архив МАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 50); [6, с. 183–184]. Свобода отношений со старшими родственницами мужа объясняется совместным ведением хозяйства, номенклатурой родства, по которой они считались сёстрами. Женщине нельзя было целовать в щеки мужа, отца, мать и всех родственников старше себя. Однако, под влиянием русских, молодожены, не стесняясь посторонних, могли целоваться, а муж мог взять жену на руки, чего раньше делать было нельзя [17, с. 193–194].

Определённые правила общения существовали и в поведении женщин между собой, которое зависело от возраста и положения в семье и роде. Так, если женщина принадлежала к числу старших, то она пользовалась авторитетом, говорила и отдавала распоряжения. Если она относилась к разряду младших, то говорила тихим голосом, не глядя на старшего собеседника. Но на совместном чаепитии они разговаривали как равные: шутили между собой, иногда пели. В зависимости от личности женщины различалось и её поведение. Многие из них были очень ласковыми и женственными; другие – склонными к сплетням и болтовне; третьи – нахальными и грубыми (Архив МАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 198, 204–205). Для дочери слово матери было законом. При посторонних мужчинах нанайские девушки особого стыда не испытывали, но при чужих женщинах часто испытывали смущение (Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 80. Л. 1). Зять в период от помолвки до свадьбы

избегал старших родственников жены. Мужчина не мог вести прямой разговор с матерью своей жены и с родителями своего тестя, когда того не было дома [9, с. 232]. Избегание тестя со стороны зятя объясняли обычаем мнимого похищения, поскольку в этом случае он не являлся братом матери. По этой же причине нивх свою невесту, взятую не из рода его матери, называл термином **СОХ**, означающую запретную в половом отношении категорию [20, с. 48]. С младшей сестрой жены, согласно нормам группового брака, он мог разговаривать, шутить и иметь половые отношения.

Таким образом, запреты отражали ограниченные отношения между восходящими и нисходящими линиями родства в традиционном обществе, касающиеся как женщин, так и мужчин.

В семье между супругами также существовали определённые ограничения, призванные подчеркнуть превалирующее положение мужчин. Мужчина называл свою жену её личным именем, тогда как жена использовала термины "муж", "хозяин", а после рождения ребёнка – отец такого-то ребёнка (Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 4. Д. 32. Л. 5). Жена не смела разговаривать с мужем при старших родственниках или в присутствии посторонних мужчин (в первые годы замужества), не могла открыто проявлять своё внимание и заботу о муже, не могла есть с мужчинами за одним столом. Стоит отметить, что старые обычаи в традиции приема пищи женщинами после мужчин проявлялись вплоть до середины прошлого века, и теперь это иногда имеет место в семьях пожилых супругов [15, с. 112]. Муж не мог носить жену на руках по стойбищу, в противном случае о нем, надсмехаясь, говорили: "Вот так охотник, женщина на нем верхом едет. Какой это охотник?". Мужчину, носящего в дом воду, колющего дрова, при наличии в доме здоровой жены, называли бабой и считали уронившим честь охотника. Также считалось грехом сильно любить жену, любоваться ею, бояться отойти от нее. По этому поводу даже существовала примета, что, если муж с женой сильно льнули друг к другу, они, тем самым, предугадывали скорую разлуку, возможно, даже смерть одного из супругов [17, с. 149, 187–188]. У ороков муж с женой никогда не целовались при других или днем; считая, как, впрочем, все народы на Востоке, что ласка эта слишком интимная и потому должна быть укрыта от ненужных свидетелей [13, с. 21–22]. Подобные ограничения связывают с тем, что молодые долгое время жили вместе со старшими родственниками мужа, что и накладывало отпечаток на их взаимоотношения.

Прощание с женами перед уходом на промысел проходило коротко: один охотник, например, требовал от старшей жены беречь молодую жену, второй прижимал к груди заплаканное лицо своей беременной жены. Провожать охотников, как и встречать, надо было с радостными улыбками и приподнятым настроением. Женщина встречала мужа на берегу реки, ухватив за нос оморочку, подтягивала ее на песок. Затем она, вместе с детьми, заносила в дом мясо, шкуры, охотничье снаряжение. Встреча проходила сдержанно, жена при этом не задавала мужу никаких вопросов, так как на это у них не было права, и немедленно начинать готовить ему еду. Однако многие из них по лицам охотников, по их поведению точно определяли, сопутствовала ли их мужьям удача или обходила стороной [17, с. 221, 193, 161, 291]. Ряд запретов для женщин в доме охотника существовал до 1970-х годов. Женщины по-прежнему не должны были перешагивать через орудия охоты; жена охотника не должна была класть свою одежду на одежду мужа и т.д. [3, с. 90]. На улице женщина всегда шла позади мужа, не смея забегать вперед. В целом же супруги практически никогда не вмешивались в дела друг друга.

Если в доме появлялся гость, то роль женщины сводилась лишь к приготовлению угощения, чаще ей не разрешалось даже находиться в доме. Найка, при появлении посторонних мужчин, поворачивалась лицом к стене или забивалась в дальний угол фанзы, либо опускала не только глаза, но и голову. Если пришедший садился близко к женщине, она тут же переходила на другое место. Отвечала женщина только на самые необходимые вопросы, не поднимая при этом на собеседника глаз [10, с. 170].

Нельзя было женщинам и петь в присутствии мужчин, тогда как последние делали это совершенно свободно. Если кто-то из мужчин случайно становился свидетелем женского пения, сразу же поднимал ругань, и дело

зачастую заканчивалось избиением певуны. И.А. Лопатин видел причину такого ограничения в излишней фривольности содержания женских песен, в которых женщины описывали своих страстных возлюбленных, при этом все вещи назывались своими именами и со всеми подробностями. Тем не менее женщины часто пели, оставаясь наедине дома или уходя в лес за дровами, выражая через песни свою тоску по свободе, непринуждённой любви и неподневольных ласках, которых они были лишены в обычной жизни [10, с. 345]. Однако современные негидалки считают, что петь постоянно нельзя (**Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 599. Т. 2. Л. 223**)³.

Мужчины и женщины старались не касаться орудий труда друг друга, чтобы те не потеряли свои промысловые качества. Нанайским женщинам категорически запрещалось надевать мужскую обувь, иначе у мужчин, якобы, ослабеют колени, мышцы, и они не смогут нормально ходить [12, с. 55].

Женская кровь всегда представлялась вещью могущественной и опасной, из-за чего вся жизнь женщины распадалась как бы на три периода: деторождение; период менструации и период, когда менструация прошла, и женщина лишь частично находилась под запретом. В связи с этим ей приходилось постоянно выполнять различные запреты, которые варьировались в зависимости от того, в каком положении она находилась в данный момент. Такие физиологические особенности организма женщины также накладывали свой отпечаток на её модель поведения.

Так, всем женщинам запрещалось садиться под "помещением" для духов, на почетное место в жилище – "*малу*"; ей не позволялось ездить на лошадах или оленях, а также быть собственницей этих животных, так как они иногда выступали посредниками между людьми и духами. Эти запреты имели магическую окраску, поскольку были связаны с представлениями о разных духах, вселяющихся в мужчин и женщин.

На менструирующих женщин налагались табу, касающиеся охоты и рыбной ловли, для того, чтобы не спугнуть запахом крови чуткого зверя и не отвести удачу от охотника. Помимо этого, им запрещалось сидеть на ещё не вполне обработанной шкуре, употреблять в пищу мясо тигра и медведя, и т.д. Менструирующим женщинам, также как и роженицам, запрещалось мыться в реке или мыть там грязное бельё. За такой грех бог Ендури мог сурово покарать грешницу, как это случилось, например, с героиней нанайского сказания Хорари – Елбуси – Хани, которой Ендури через дракона Мудура рассёк голову [19, с. 4]. У удгейцев женщины во время месячных, как и во время родов, находились в отдельном шалаше, чтобы кровь не попала на мужчину или его орудия труда (**Рукопись Фадеевой Е.В. Из архива автора**). У нанайцев менструирующие женщины не смели и близко подходить к амбару, где хранилось продовольствие, а по углам стояли сундуки с охотничьим снаряжением и одеждой, которые мужчины надевали только в тайге, чтобы к ним не прикасались женские руки. Самой плохой приметой у них считалось, если "грязная" женщина поднималась в амбар, под которым в это время оказывался охотник; последнего, в этом случае, будут преследовать неудачи на промысле, поскольку ку звери не будут допускать его близко к себе [17, с. 68, 149].

Беременные женщины, а также роженицы, еще не прошедшие после родов обряда очищения, не могли присутствовать при каком-либо жертвоприношении или шаманском обряде; нельзя было им вступать и в половые сношения ни со своим мужем, ни с другими мужчинами. Помимо этого, чтобы уберечь от стресса, беременных и рожениц не пускали на похороны. Так, по представлениям, например, нанайцев, беременность женщины негативно влияла на охотничью удачу. Отрицательное поле, которым, якобы, обладали женщины в этот период, могло опосредованно – через вещи – оказать воздействие на результаты промысла. Поэтому беременной женщине запрещалось шить одежду и обувь для охотника, особенно отправляющегося на соболя. Если же по какой-либо причине орудия и снаряжение оказывались в помещении, где произошли роды, то считалось, что они прикоснулись к крови. В этом случае рукавицы, чулки, обувь, одежду следовало поменять, иначе охотник не встретит в лесу зверей. Горинские нанайцы были уверены, что в этом случае

³ Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН – Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

неудачи будут преследовать человека целый год. Шаманкам, находящимся "в положении" или в периоде менструации, запрещалось общаться с какими-либо духами, а, следовательно, – шаманить. Этот запрет для последней соблюдался все 9 месяцев [2, с. 47; 4, с. 98].

Все эти запреты были направлены на то, чтобы нейтрализовать чуждых для рода мужа духов жены. Женщина в течение всей своей жизни оставалась под покровительством её собственных духов. Благодаря этому замужняя женщина во многих случаях подвергалась табу. Недружелюбное отношение к женщине на самом деле означало лишь то, что для мужчин она находилась в состоянии табу. Вступая в семью мужа, женщина приносила с собой своих собственных духов, которые могли явиться источником всевозможных осложнений для родственников мужа. И если получалось, что духи жены оказывались виновными в каких-либо затруднениях последних, то жене приходилось особенно усердно соблюдать все наложенные на неё запреты и правила (Архив МАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 214. Л. 38, 40, 42). Таким образом, люди избегали женщину не вследствие её подчиненного положения, а для того, чтобы уйти от зловредной деятельности её духов.

Отец, согласно обычаям избегания, практически не принимал никакого участия в раннем воспитании детей. Однако с 8–10 лет мальчики переходили под его опеку, отдаляясь тем самым от матери и сестёр; тогда как девочки до своего замужества продолжали находиться под присмотром женщин. В дальнейшем отцу запрещалось вести весёлые разговоры и шутить с дочерьми. С ними, как говорили нивхи, можно было только сердчать и вести серьёзные разговоры. Запретов на общение с матерью для сыновей, а тем более дочерей не было [16, с. 138; 20, с. 187]. Однако современные негидальцы, например, считают, что руки ребёнку целовать нельзя – всё трогать будет; ноги ребёнку целовать нельзя – душа обидится (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 599. Т. 2. Л. 222–223).

Интересно отметить, что обычаи избегания между целым рядом близких родственников приводили к тому, что представители малых народов при встречах и расставаниях не здоровались и не прощались.

Вышеизложенный материал позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, ограничения устанавливались преимущественно для женщины в её отношениях к родственникам мужа, и в меньшей степени для мужчины в отношениях к родственникам жены. Во-вторых, ограничения для жены в отношениях к родственникам мужа были существеннее и строже, чем к родственницам, распространяясь в первом случае на больший круг лиц, что вполне объяснимо при той роли, которую играли в семье мужчины и женщины. В-третьих, ограничения, прежде всего, прилагались к старшим родственникам мужа или жены, коими являлись мужчины. Поэтому как муж, так и жена должны были одинаково придерживаться особых правил поведения, преимущественно по отношению к мужским родственникам друг друга; из женских же почти исключительно только по отношению к наиболее почётным, – к теще и свекрови [11, с. 38]. В-четвёртых, запреты на общение распространялись главным образом на отношения между старшими родственниками и младшими (например, старший брат и младшая сестра, отец и дочь, свёкор и невестка).

По мнению Л.Я. Штернберга, запреты и избегания семейно-брачного порядка были направлены на реализацию установленных половых норм: одни из них на то, чтобы ослабить до последней степени инстинкт ревности, другие – чтобы избежать полового общения между лицами запретных друг другу в брачном отношении категорий. Запреты 1-го ряда – это запреты между лицами одного пола, принадлежавшими к одному классу по групповому браку, в частности, между родными братьями и сёстрами. Запреты второго ряда распространялись на всех лиц другого пола, не принадлежавших к категории потенциальных жён или мужей, в частности, на своих сестёр, сестёр отца и т.п. [21, с. 95–98]. У нивхов, в силу одностороннего кузенного брака и брачной регламентации, понятия свойства совпадало с понятием когнатного родства, поэтому каждой женщине запрещалось разговаривать с отцом её невестки, так как зачастую этот мужчина являлся её братом, а братья и сёстры у нивхов принадлежали к запретным категориям. Точно также мужчина не мог разговаривать с матерью своего зятя, так как эта женщина, согласно брач-

ной регламентации, приходилась ему сестрой. Позднее возникли запреты и избегания, связанные не непосредственно с браком, а скорее, уже с семьёй. Таковы, например, обычаи, не позволяющие отцу проявлять заботу о своём сыне при посторонних, а также называть своего ребёнка по имени [6, с. 166].

Характерно, что избегания между женихом и невестой, а впоследствии и между супругами носили более или менее условный характер, они как бы демонстрировались и усиленно подчёркивались перед окружающими, тогда как сами отношения между супругами были окружены тайной [6, с. 170–173]. Наиболее строгими и многочисленными были запреты и избегания между невесткой и свёкром, которые обычно носили пожизненный характер. Следует отметить, что запреты в отношении свекрови по своей строгости и значимости были почти равнозначны запретам по отношению к свёкру. Разница заключалась лишь в том, что запреты по отношению к отцу мужа носили более продолжительный характер и касались различных интимных сторон (нельзя было видеть голые ноги, непокрытую голову и т.д.), что можно объяснить различием полов. В отношении младшей родни мужа (независимо от пола) ограничения были не очень значительными и касались, главным образом, запрета на произнесение имени друг друга. Зять, в свою очередь, своим молчанием показывал глубокое почтение и уважение к родственникам жены. После того, как тесть одаривал его, запреты избегания снимались [6, с. 189]. Отсутствие обычаев избегания между матерью и сыном у нивхов Л.Я. Штернберг объяснял инстинктивным отвращением к половой близости между ними; а между зятем и тещей тем фактом, что "невестка обычно переходила в дом свёкра и постоянно с ним встречалась, тогда как зять уводил жену к себе и редко виделся со своей тещей, потому и их отношения не требовали специального ограничения" [21, с. 97]. Наличие запрета на отношения между зятем и тещей служит косвенным указанием на пережиток материнского рода и матрилокального поселения, когда мужчина-чужак попадал в род жены [6, с. 235–236].

Литература

1. Березницкий С.В. Влияние верований и обрядов на формирование культуры традиционного общества коренных народов Приамурья и Сахалина // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 201–203.
2. Гаер Е.А. Древние бытовые обряды нанайцев. Хабаровск: Книжное издательство, 1991. 142 с.
3. Гурвич И.С. О современном состоянии традиционных религиозных верований малых народов Севера и пути их преодоления // Вопросы преодоления пережитков прошлого и становление новых обычаев и традиций у народов Сибири: Мат-лы научно-практ. конф., сост.-ся 22-26 ноября 1966 г. в г. Улан-Удэ / Отв. ред. А.П. Окладников, Д.Д. Лубсанов. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1968. С. 87–94.
4. Зуев В.Ф. Утро древнего стойбища. Хабаровск: Книжное издательство, 1990. 160 с.
5. История и культура тазов: историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – начало XXI вв.) / Отв. ред. А.Ф. Старцев. Владивосток: Дальнаука, 2019. 416 с.
6. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 240 с.
7. Кого-Самара Н. Охотничий быт нанай // Тайга и тундра: журнал. Л., 1928. № 1. С. 28–32.
8. Крейнвич Е.А. Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, 1973. 496 с.
9. Крейнвич Е.А. О пережитках группового брака у нивхов // Сб.: Страны и народы Востока. Вып. 15 (Африка и Азия). М., 1973. С. 224–233.
10. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования // Записки ОИАК Владивостокского отделения ПОРГО. Владивосток, 1922. Т. 17. 372 с.
11. Максимов А.Н. Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого // Этнографическое обозрение. 1908. № 1–2. С. 1–77.
12. Мельникова Т. В. Традиционная одежда нанайцев (XIX – XX в. в.): диссертация ...кандидата истор. наук. Владивосток, 2000. 300 с.

13. Пилсудский Б.О. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г. Препринт. Южно-Сахалинск: ИМГиГ (Институт морской геологии и географии) ДВО АН СССР, 1989. 76 с.
14. Пухта М.Н. О нивхском этикете // Известия Института наследия Бр. Пилсудского. Институт наследия Бр. Пилсудского при Сахалинском государственном областном краеведческом музее. Южно-Сахалинск. Сахалинский областной краеведческий музей, 1999. С. 217–223.
15. Смоляк А.В. Народы Севера и Дальнего Востока // Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990. С. 307–336.
16. Таксами Ч.М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов: сер. Х1Х – нач. ХХ в. Л.: Наука, 1975. 238 с.
17. Ходжер Г.Г. Конец большого дома. Хабаровск: Книжное издательство, 1969. 368 с.
18. Цинциус В.И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Сб.: Религиозные представления и обряды народов Сибири в Х1Х – нач. ХХ вв. Л.: Наука, 1971. С. 170–200.
19. Шимкевич П.П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суверия. // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. Кн. 34. С. 1–20.
20. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Книжное издательство, 1933. 740 с.
21. Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933. 187 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bereznijskij S.V. Vliyanie verovanij i obryadov na formirovanie kul'tury traditsionnogo obshhestva korennykh narodov Priamur'ya i Sakhalina // Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanij arkeologov i ehtnografov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1994–1996 godakh. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkeologii i ehtnografii SO RAN, 2000. S. 201–203.
2. Gaer E.A. Drevnie bytovye obryady nanajtsev. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 142 s.
3. Gurvich I.S. O sovremennom sostoyanii traditsionnykh religioznykh verovanij malykh narodov Severa i puti ikh preodoleniya // Voprosy preodoleniya perezhitkov proshlogo i stanovlenie novykh obychev i traditsij u narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka konf., sost-sya 22-26 noyabrya 1966 g. v g. Ulan-Udeh / Otv. red. A.P. Okladnikov, D.D. Lubsanov. Vyp. 1. Ulan-Udeh: Buryatskoe kn. izd-vo, 1968. S. 87–94.
4. Zuev V.F. Utro drevnego stojbishha. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 160 s.
5. Istorija i kul'tura tazov: istoriko-ehtnograficheskie ocherki (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI vv.) / Otv. red. A.F. Startsev. Vladivostok: Dal'nauka, 2019. 416 s.
6. Kislyakov N.A. Ocherki po istorii sem'i i braka u narodov Srednej Azii i Kazakhstana. L.: Nauka, 1969. 240 s.
7. Kogo-Samara N. Okhotnichij byt nanaj // Tajga i tundra: zhurnal. L., 1928. № 1. S. 28–32.
8. Krejnovich E.A. Nivkhgu: Zagadochnye obitateli Sakhalina i Amura. M.: Nauka, 1973. 496 s.
9. Krejnovich E.A. O perezhitkakh gruppovogo braka u nivkhov // Sb.: Strany i narody Vostoka. Vyp. 15 (Afrika i Aziya). M., 1973. S. 224–233.
10. Lopatin I.A. Gol'dy amurskie, ussurijskie i sungarijskie: Opyt ehtnograficheskogo issledovaniya // Zapiski OIAK Vladivostokskogo otdeleniya PORGO. Vladivostok, 1922. T. 17. 372 s.
11. Maksimov A.N. Ogranichenie otnoshenij mezhdru odnim iz suprugov i rodstvennikami drugogo // Ehtnograficheskoe obozrenie. 1908. № 1–2. S. 1–77.
12. Mel'nikova T. V. Traditsionnaya odezhda nanajtsev (XIX – XX v. v.): dissertatsiya ... kandidata istor. nauk. Vladivostok, 2000. 300 s.
13. Pilsudskij B.O. Iz poezdki k orokam o. Sakhalina v 1904 g. Preprint. YUzhno-Sakhalinsk: IMGiG (Institut morskoj geologii i geografii) DVO AN SSSR, 1989. 76 s.
14. Pukhta M.N. O nivhskom ehtikete // Izvestiya Instituta naslediya Br. Pilsudskogo. Institut naslediya Br. Pilsudskogo pri Sakhalinskom gosudarstvennom oblastnom kraevedcheskom muzee. YUzhno-Sakhalinsk. Sakhalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej, 1999. S. 217–223.
15. Smolyak A.V. Narody Severa i Dal'nego Vostoka // Semejnyj byt narodov SSSR. M.: Nauka, 1990. S. 307–336.
16. Taksami CH.M. Osnovnye problemy ehtnografii i istorii nivkhov: ser. KH1KH – nach. KHKH v. L.: Nauka, 1975. 238 s.
17. KHodzher G.G. Konets bol'shogo doma. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1969. 368 s.

18. TSintsius V.I. Vozzreniya negidal'tsev, svyazannye s okhotnich'im promyslom // Sb.: Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v KH1KH – nach. KHKH vv. L.: Nauka, 1971. S. 170–200.
19. SHimkevich P.P. Nekotorye momenty iz zhizni gol'dov i svyazannye s zhizn'yu sueveriya. // Ehtnograficheskoe obozrenie. 1897. № 3. Kn. 34. S. 1–20.
20. SHternberg L.YA. Gilyaki, orocho, gol'dy, negidal'tsy, ajny. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1933. 740 s.
21. SHternberg L.YA. Sem'ya i rod u narodov Severo-Vostochnoj Azii. L., 1933. 187 s.

Фадеева Е. В. Обычаи избегания в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина: середина XIX – начало XX вв..

В статье путём сравнительно-исторического метода анализируются обычаи избегания между различными категориями родственников и свойственников в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Представленные материалы позволяют сделать следующие выводы: во-первых, ограничения устанавливались преимущественно для женщины в её отношениях к родственникам мужа, и в меньшей степени для мужчины в отношениях к родственникам жены, что вполне объяснимо при той роли, которую играли в семье мужчины и женщины. Во-вторых, ограничения прежде всего прилагались к старшим родственникам мужа или жены, коими являлись мужчины. В-третьих, запреты на общение распространялись, главным образом, на отношения между старшими родственниками и младшими (например, старший брат и младшая сестра, отец и дочь, свёкор и невестка).

Ключевые слова: *коренные этносы, обычаи избегания, запреты, отцовский род, материнский род*

Fadeeva E. V. Avoidance customs in the traditional family of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin: mid-XIX – early XX centuries.

The article, using the comparative historical method, analyzes the customs of avoidance between different categories of relatives and relatives in the traditional family of indigenous peoples of Lower Amur and Sakhalin. The materials presented allow us to draw the following conclusions: firstly, restrictions were set mainly for a woman in her relations with her husband's relatives, and to a lesser extent for a man in relations with her wife's relatives, which is quite understandable with the role that men and women played in the family. Secondly, restrictions, first of all, were applied to the elder relatives of the husband or wife, of whom men were. Thirdly, prohibitions on communication extended mainly to relations between older relatives and younger ones (for example, older brother and younger sister, father and daughter, father-in-law and daughter-in-law).

Key words: *indigenous ethnic groups, customs of avoidance, prohibitions, paternal clan, maternal gender*

Для цитирования: Фадеева Е. В. Обычаи избегания в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина: середина XIX – начало XX вв. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 45–53. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/45-53

For citation: Fadeeva E. V. Avoidance customs in the traditional family of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin: mid-XIX – early XX centuries // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 45–53. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/45-53

УДК 94(47)+930(571) 050

Исповедников Д. Ю.

Обзор археографического освещения Гражданской войны на Востоке России

Гражданская война в России, как одно из сильнейших потрясений отечественной истории, по-прежнему остается в центре дискуссии о переосмыслении причин и результатов революционных событий, а также о проблеме их полного и объективного изучения. В этой связи важно проследить процесс освоения источниковой базы по теме и понять, как по мере становления археографии менялись подходы к подготовке документальных публикаций, какое место они занимали и занимают в решении научных, политических, образовательных задач, каковы перспективы данной практики.

В настоящей статье изложены результаты диссертационного исследования автора, проведенного на основе комплексного изучения более 100 различных видов и типов документальных публикаций, которые рассматривались в контексте выявления неопубликованных архивных источников по теме в фондах Российского государственного военного архива (РГВА). В ходе работы было исследовано более 200 фондов частей Белой и Красной Армий, госпиталей, лагерей военнопленных, партизанских отрядов. В статье представлены наиболее информативные, на взгляд автора, примеры документальных публикаций, составляющие общую картину введения в научный и общественный оборот источников по теме Гражданской войны на территории восточных областей Российской Империи (Забайкалье, Приамурье, Приморье).

Первое документальное освещение события Гражданской войны на востоке России получили в прессе и материалах местных органов власти, откликнувшихся на выступления контрреволюционных сил весной 1918 г. Брошюры с протоколами заседаний народных съездов знакомили население с позицией различных партийных фракций: большевиков, эсеров, меньшевиков, бурятских националистов. Печатались принятые резолюции по военным вопросам – о мобилизации призывных возрастов, о формировании частей Красной армии "для обороны социалистического отечества, от внутренних и внешних врагов" [18, с. 14]. Газеты публиковали постановления сельских и станичных собраний о признании советской власти, а также свидетельства о преступлениях отряда есаула Г.М. Семенова, о незаконных реквизициях и расправах над советскими работниками.

С началом интервенции на Дальнем Востоке издание революционной периодики, несмотря на нехватку ресурсов, продолжилось в подполье. По воспоминаниям участника партизанского движения в Хабаровском районе, для набора газеты "Набат" краску заменяли сажей с коптилок, а клише для заставок и иллюстраций вырезали из линолеума. Тем не менее первый номер, вместивший письма и партийные указания, вышел тиражом 500 экземпляров и распространялся в Сучанском, Спасском и Никольском районах. (РГВА. Ф. 40888. Оп. 1. Д. 190. Л. 97)¹. Решая просветительские задачи, газеты являлись своего рода атрибутом, который подтверждал статус повстанцев как борцов за советскую власть, что было важно в отношениях с обеспечивавшими пополнение и фураж местными жителями.

Определенное представление о задачах издательского дела в "белом" Забайкалье дает анализ состава фонда типографии при штабе походного атамана Дальневосточных казачьих войск (г. Чита). В 1919 г. здесь наряду с

¹ РГВА – Российский государственный военный архив

частными заказами (бланки, этикетки, входящие и исходящие журналы) печатали подборки японских стихов и обращения интервенционного командования. Тираж "Библии японского солдата и матроса" стал попыткой создать позитивный образ главных союзников атамана Г.М. Семенова. Составитель – подполковник Крылов, прослушавший, как указывалось в выходных данных, 4-х летний курс японского языка в Восточном институте у профессора Е.Г. Спальвина, – включил в брошюру текст воинской присяги, выдержки из приказа японского императора "О воспитании и обучении армии" 1913 г., из пехотного строевого устава (РГВА. Ф. 39536. Оп. 1. Д. 17. Л. 19–32). В 1920 г. с ослаблением военного и политического положения Читы выросло количество запросов Осведомительного отдела штаба на агитационные летучки и воззвания. В словолитню поступали приказы растиражировать за день 5 тыс. экземпляров "Устава Вероссийской крестьянской партии" (8 марта 1920 г.), 15 тыс. экземпляров "Обращения к казакам Амурцам" и "К казакам-красноармейцам Забайкалья", 20 тыс. стихотворных брошюр с изображением генерал-лейтенанта Г.М. Семенова (май-июнь 1920 г.) (РГВА. Ф. 39536. Оп. 1. Д. 10. Л. 51–52; Д. 11. Л. 183).

Важной целью оперативных изданий была пропаганда. Осенью 1918 г. два подобных экземпляра вышли в США, где аргументировалась необходимость отправки на Дальний Восток экспедиционного корпуса для противостояния вооруженным армиям Германии и Австро-Венгрии, освобожденным советской властью. Брошюра "Across Siberia toward Liberty!", в основу которой легла литературная переработка доклада капитана Чехословацкого корпуса В. Урбана профессору Т. Масарику, изображала картину героической борьбы чехов с немецкими и венгерскими интернационалистами на Транссибирской магистрали (РГВА. Ф. 1198/к. Оп. 1. Д. 180, Л. 181–195). Сборник "The German-Bolshevik conspiracy", известный как "документы Э. Сиссона", включил сфальсифицированные польским журналистом А.М. Оссендовским приказы и письма, подтверждавшие версию о финансировании немецким правительством революции в России. Перевод ряда документов сопровождался факсимиле оригинала, научно-справочный аппарат (НСА) содержал примечания, комментарии, а также заключение специальной комиссии о подлинности источников (РГВА. Ф. 1198/к. Оп. 1. Д. 264).

В 1920 г. вышел сборник по теме российско-американских отношений, куда вошли источники, опубликованные в отчетах Сената и Государственного департамента США; переводы из русских газет; материалы полковника Р. Робинса [27]. Отказ от комментирования документов, которым позволили "говорить самим за себя", создавал иллюзию беспристрастности составителей и давал возможность сосредоточить внимание читателя на содержании посланий и писем, удостоверявших нейтралитет США и приверженность сценарию ненасильственного разрешения ситуации в России.

С 1920 г. захваченные материалы о белогвардейских репрессиях и японской оккупации использовали в информационной борьбе журналисты и дипломатические представители Дальневосточной Республики (ДВР). Резонанс публикаций усиливали комментариями и предисловиями (РГВА. Ф. 683. Оп. 1. Д. 15. Л. 78–81). Стратегическую ценность документов понимали и в штабе народно-революционной армии (НРА) ДВР. В частях собирали материал о Гражданской войне: анкетировали личный состав, делали выписки из журналов боевых действий (РГВА. Ф. 8248. Оп. 1. Д. 27; Ф. 11390. Оп. 1. Д. 27). По поручению штаба НРА архивы и библиотеки Барнаула, Омска, Читы, Хабаровска, Нерчинска вели поиск дипломатической переписки за 1917–1921 гг. по установлению русско-китайской границы (РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 229. Л. 75, 81, 97, 113).

В 1922 г. полевой штаб главкома ДВР В.К. Блюхера подготовил сборник статей о борьбе за Приморье с выдержками из приказов и листовок противника. Полностью публиковались обращения командования НРА к каштелевцам и генералу В.М. Молчанову, а также "Инструкция комиссии по эвакуации военнопленных и добровольно перешедших белоармейцев" [2]. Декларация мирных намерений во многом объяснялась тяжелым положением НРА. Из рапорта В.К. Блюхера главкому РСФСР С.С. Каменеву, январь 1922 г.: "...командир полка ворует у обывателя свинью и при поимке зарывает ее в землю. Мужская и женская проституция, штабники, падающие с голода в обмороки

и продающие все от карандаша до секретного документа. Организованные части, угоняющие у крестьян скот под флагом конфискации белогвардейского имущества..." (РГВА. Ф. 41109. Оп. 1. Д. 36. Л. 3).

За годы Гражданской войны большой объем политической, экономической, военной документации оказался у частных лиц, писавших на основе собранных коллекций исследовательские труды и популистские сочинения. Постепенно документы передавали Центрархиву и Истпарту, которые выпускали сборники и журнальные публикации, оговаривая способы выявления и степень сохранности материалов [6]. Одновременно, по мере становления архивного дела в советском государстве, доступ к источникам, требовавшим систематизации, ограничивался: в архиве Красной Армии, где штаты в 1919–1925 гг. варьировались от 3 до 14 чел., до 80% дел хранились "в ящиках, коробках, кулях" (РГВА. Ф. 29204. Оп. 1. Д. 63).

Особенности публикаторской практики 1920-х гг., децентрализованной, не ограниченной едиными правилами и жестким цензурным контролем, обусловили тематическое разнообразие первых оперативных изданий, которые при низком уровне или отсутствии археографического оформления запечатлели Гражданскую войну на Дальнем Востоке как многостороннее явление. Составители, преследовавшие своей деятельностью самые разные цели, положили начало документальному освещению военных и невоенных аспектов противостояния и уделили внимание большинству вовлеченных в него внутренних и внешних сил.

На протяжении 1930–1950-х гг. со снижением темпов развития археографической практики главным источником по теме оставались воспоминания участников Гражданской войны. Содержательность нарратива определял процесс постепенной "коллективизации памяти" и ее исключения из плоскости индивидуальных размышлений с возможной аналитической составляющей и многообразием сюжетов. При этом репрессии сокращали ряды мемуаристов, а литература о "врагах народа" уничтожалась.

Масштабы кампании красноречиво описал личный врач арестованного и погибшего в Лефортовской тюрьме в ноябре 1938 г. В.К. Блюхера – Ф.С. Малышев. В письме жене маршала Г.Л. Блюхер 10 апреля 1958 г. он сообщал: "Сейчас в Хабаровске... висят портреты Василия Константиновича, но не совсем на него похожие. Говорят, они срисованы с портрета, сохранившегося у одной учительницы" (РГВА. Ф. 41109. Оп. 1. Д. 68. Л. 10б.). Источниковая база лишилась свидетельств многих видных революционеров, хорошо знавших региональную специфику Гражданской войны. Бывший председатель правительства ДВР А.М. Краснощеков (расстрелян в ноябре 1937 г.) в докладе для Центрального дома Красной армии в 1932 г. призвал "остерегаться превращения истории в хвалебный гимн партизанам и партийным организациям". Опытный работник большевистского подполья в Приморье, Забайкалье и на Амуре, он определил дальневосточный этап Гражданской войны как "пестривший уклонами, ложными толкованиями политики центра и множеством тактических ошибок", но в целом являвший "большевистскую борьбу в ленинском духе". А.М. Краснощеков выделял 3 группы местных революционных лидеров, по разным причинам не знакомых с линией центрального советского правительства: "долгое время находившиеся в эмиграции (Любарский, Кушнарев); прибывшие с каторги и ссылки (Губельман, Никифоров); революционный молодежь из рабочих и интеллигенции из партий эсеров и меньшевиков" (РГВА. Ф. 40888. Оп. 1. Д. 175).

Основной задачей изданий являлось отражение руководящей роли партии в победе революции. Как корректировался ракурс, видно при сопоставлении воспоминаний бывшего председателя военно-революционного штаба партизанских отрядов Приамурья Д.И. Бойко-Павлова о хабаровском подполье. В мае 1932 г. на заседании Дальневосточного землячества он описывал разномастный состав съезда, который 10 марта 1919 г. избрал штаб для управления вооруженными силами и политической жизнью области. Доля пролетариата среди делегатов достигала 20–30%, партийных работников – 20%. Остальная масса была из крестьян. Присутствовали эсеры, максималисты, авантюристы. Партизанские отряды формировались из крестьянской бедноты и середняков, бывших фронтовиков, добровольцев, и в меньшей степени – из рабочих, местных и попавших на Дальний Восток в качестве ссыльных, или пленных при

передвижении белогвардейских войск. Производственные ячейки в промышленно отсталом Хабаровске составляли члены союза грузчиков, рабочие морской и речной флотилии, депо, окружного арсенала и транспортники (РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 285. Л. 43). В опубликованных рассказах Д.И. Бойко-Павлова акцент сместился, и подполье изображалось "источком развития победоносного партизанского движения". Малочисленность партийцев компенсировалась высокой организованностью. Боевым авангардом выступали рабочие дружины, тогда как крестьяне обеспечивали их продовольственное и транспортное снабжение. К мартовскому съезду 1919 г. присоединились китайские рабочие, "находившиеся под гнетом ростовщического русского капитала" [3, с. 13–20]. Позднее Д.И. Бойко-Павлов вспоминал о вкладе в дело революции "политического вдохновителя", комиссара Восточного фронта П.П. Постышева. Одним из главных героев его рассказов стал молодой комсомолец Ф. Тропот, который предлагал установить среди партизан дисциплину, "какая введена большевиками в Красной армии" [22, с. 93–124].

Подобный подход исключал освещение герильи как стихийного восстания с грабежами и анархией, осложнявших проведение совместных с регулярной армией операций. В ходе наступления на Читу в апреле 1920 г. военком 1-й бригады Иркутской дивизии НРА констатировал моральный упадок партизан: "Постоянная склонность к митингованию почти в сфере огня мешает. Нет ни одного надежного отряда для того, чтобы репрессивными мерами вновь поднять дисциплину, а сознательности у них не хватает. Особенно разлагающее действуют партизаны т. Морозова и солдаты 4 батареи, сплошь состоящие из красноармейцев образца 1917 г. Партизанские части, приносящие громадную пользу в борьбе с реакцией, привыкают действовать вне всяких рамок и своей недисциплинированностью влияют на боеспособность частей" (РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 423. Л. 10). Страдало и мирное население. В сентябре 1921 г. военком Благовещенского пограничного района назвал "сплошной эпопеей насилий, произвола и уголовщины" службу 4-го кавалерийского пограничного дивизиона: пьянствовавшие бойцы из бывших партизан избивали крестьян одного из сел за ношение белых рубах (РГВА. Ф. 18230. Оп. 1. Д. 6. Л. 66–68). В рамках смены политических концепций освещалось участие в революции бурятского населения. С позиций "национального нигилизма" тему раскрывал третий том сборника под редакцией директора НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР С.М. Диманштейна, включивший 7 документов Бурятского Центрального архива [19, с. 429–443]. В научный оборот вводились материалы за февраль-октябрь 1917 г. о становлении органов национального самоуправления, а также об угнетении коренного населения русскими колонистами, которые захватывали земли бурят, обрекая их на гибель. Четвертый том сборника так и не вышел.

Новая идея "советского патриотизма" формировала уже иную картину общей борьбы народов за власть Советов. Тому, как "закалился и окреп братский союз трудящихся многочисленных национальностей" под партийным руководством был посвящен сборник Истпарта Бурят-Монгольского обкома ВКП(б). Подборку воспоминаний дополнили отдельные материалы военно-революционного штаба Прибайкалья о партизанском движении в 1919–1920 гг. [4, с. 173–210].

Под влиянием внешнеполитической конъюнктуры формировалось восприятие интервенции. Военную кампанию американских сил на Дальнем Востоке "забыли" на время восстановления отношений с США (1933 г.), трактуя события в контексте экономической экспансии, и "вспомнили" о кровопролитии в пропагандистских изданиях периода корейской войны (1950–1953 гг.) [24]. В Америке продолжали активно вводить в оборот дипломатические документы, отражавшие невмешательство в дела России. Широкое освещение события Гражданской войны на Дальнем Востоке получили в серийной публикации, подготовленной сотрудниками Госдепа США [26]. Сборники снабжались внушительными НСА, включавшим предисловие, список опубликованных материалов, именной и предметно-тематический указатели. Дипломатическая переписка американских представителей в регионе освещала развитие противоборства между различными силами, положение мирного населения, состояние экономики. Целый ряд документов передавал негативное отноше-

ние американцев к главам местных антибольшевистских режимов – Г.М. Семенову и И.П. Калмыкову.

На фоне усиления агрессивной японской политики на Дальнем Востоке в 1930-е гг. выпускались нацеленные на "военизацию" населения массовые издания партизанских рассказов о Гражданской войне в регионе. Создавались схематичные, понятные читателю образы: деревня/станция – "малая родина", японец – "внешний враг", что объясняло нередкое отсутствие в текстах топонимов и имён. С другой стороны, необходимость осмысления того опыта, который советская армия и дипломатия приобрели в противостоянии с Японией в 1920-е гг., требовала подготовки научных публикаций. С этой целью под редакцией будущего академика АН СССР И.И. Минца был составлен сборник, который ввел в оборот материалы Центрального архива Октябрьской революции и Центрального архива Красной армии [25]. Источники сопровождались историческими справками и подстрочными примечаниями. Редакторские заголовки указывали вид и время создания документа, должность авторов и адресатов.

Логика развития советской археографии в 1930-50-е гг. определялась идеологизацией научной сферы, искусственным сужением источниковой базы, упрощением истории. Основной массив публикуемых воспоминаний, которые готовили к выпуску не учёные, а литературные редакторы или участники событий, формировал одностороннее представление о Гражданской войне на Дальнем Востоке как об организованном партработниками выступлении широких народных масс против японских интервентов.

Систему координат советской археографии 1950–1980-х гг. можно условно определить как новые запросы – новые источники – новые сюжеты. В реалиях холодной войны важной задачей было доказать привлекательность коммунистической идеологии, что подразумевало изучение пёстрого состава коалиции революционных сил, объединившихся в 1917–1918 гг., и победы большевиков на политической арене. С постепенным открытием архивов началось углублённое изучение революции в России, в том числе вне военного контекста. Ученым удалось выявить разрозненные материалы первых органов советской власти на Дальнем Востоке [8; 17]. Основательное освещение боевых действий обеспечили крупные сборники Центрального государственного архива Советской армии [10; 23].

Общесоюзные и региональные серийные публикации включали материалы по экономической и культурной политике Советов. Использовались отложившиеся в крайкомах и обкомах документы о национализации промышленных предприятий, создании трудовых коммун, реформировании образования. Возрастала доля публикуемых источников небольшевистского происхождения. Для восстановления картины событий 1919–1920 гг. на Дальнем Востоке использовались приговоры белогвардейских военно-полевых судов, приказы карательных отрядов, доклады колчаковской, семеновской контрразведки.

Вместе с тем классовый подход, объяснявший революционную борьбу усилением антагонизма между беднотой и зажиточными слоями населения, искажал представление о межи внутрисловных противоречиях среди казаков, крестьян, бурят и, как следствие, общую картину Гражданской войны. Упрощалось понимание экономических и административных проблем Дальнего Востока, повлиявших на развитие событий. За рамками сборников осталась жизнь Амурского и Уссурийского казачества, стремившихся сохранить дореволюционные привилегии и найти субсидирование после развала Российской Империи. В деловых резолюциях 5-го Чрезвычайного большого войскового круга, прошедшего в октябре 1918 г. в Хабаровске, отмечалось, что казна задолжала Уссурийскому войску более 1,7 млн. руб. и с 1916 г. не отпускала дотаций. В этой связи из ведения Приамурского управления государственных имуществ под контроль Войска вернули основной источник дохода отвод генерала Духовского. Остальные территории, состоявшие до 1913 г. в распоряжении Амурского и Уссурийского казачества, образовали запасной фонд для нужд растущего населения. С 1 января 1919 г. на 3 года повышалась ежегодная посадочная плата в населённых пунктах Войска для иногородних (РГВА. Ф. 39596. Оп. 1. Д. 4. Л. 40б., 5, 7).

В Забайкальском казачьем войске в 1918–1919 гг. шла дискуссия о разделении территории 1-го военного отдела и входящих в неё крестьянских и инородческих поселений на общие и особо казачьи земские участки. Пред-

седатель Троицкосавской уездной земской управы П.И. Милютин отмечал, что любой из уездов Забайкалья равнялся по величине российской губернии. Земли казаков и крестьян здесь были слишком "черезполосны, смежны и расположены на громадном расстоянии узкой полосой". Сословное разделение органов управления привело бы к работе в одной местности сразу двух учреждений (РГВА. Ф. 39596. Оп. 1. Д. 14. Л. 19–21). Обсуждались преимущества и недостатки уездных и участковых земств. В докладах заместителю войскового атамана Забайкальского войска А.С. Иконникову Нерчинский уездный комиссар утверждал, что участковое земство, отвечая в плане экстерриториальности современному положению деревни, не могло способствовать её хозяйственному и культурному развитию. Находившееся вдали от основных транспортных артерий, малопривлекательное для промышленников, оно было не в состоянии заключать займы на значительный срок, что ввиду низкой платёжеспособности населения являлось главным способом преодоления упадка во врачебном и школьном деле. За годы Гражданской войны в крае закрылось много больниц и школ из-за нехватки работников, а также необеспеченности дровами, тогда как прежде станичники видели "заботу Войскового начальства во всём настолько, что соседнее крестьянское население с завистью смотрело на казаков". Между тем уездному земству, располагавшему кадром специалистов (агрономов, гидротехников, инструкторов), фабрики и заводы охотно предоставляли сельскохозяйственные орудия, литературу и лекарства. По мнению комиссара, труднореализуемым при переходе к участковым земствам оказалось бы объединение средств от оброчных статей, прибылей с торгов, переправ через реки, рыболовных угодий, ископаемых и пастбищ (РГВА. Ф. 39596. Оп. 1. Д. 14. Л. 16–17).

Региональные сборники освещали помощь жителей ДВР голодающему населению РСФСР в конце 1921 г. – начале 1922 г., тогда как о кризисе в самом "буфере" упоминалось лишь в общих чертах [16, с. 306, 310–313, 362]. Из докладов начальника оперативного управления 2-й Амурской Армии следовало, что урожайность на Амуре падала. В мирное время избыток хлеба составлял около 8 млн. пудов, однако спрос рынка (в первую очередь на золотых приисках) значительно превышал предложение, что вело к увеличению поставок харбинской муки, маньчжурского хлеба. В период боевых действий избыток составлял в среднем 3–4 млн. пуд. и практически полностью сбывался крестьянами в Монголии и Маньчжурии по более выгодным ценам. Крупный рогатый скот и свиньи разводились исключительно для внутреннего потребления и в годы Гражданской войны угонялись на выпас в приграничье. На лето 1921 г. исчисляемое по трудовым карточкам население области достигало 227 868 чел., из которых работали 143 310 чел. При норме отпуска на занятых тяжёлым трудом (76 250 чел.) – 1 пуда муки, и на стариков и детей (84 558 чел.) – 30 фунтов и на нетрудящихся – 20 фунтов ежемесячно области требовалось 168 824 пуд. муки, 63 309 пуд. мяса, 33 764 пуд. круп (РГВА. Ф. 170. Оп 1. Д. 66. Л. 54об.–55).

Трансграничные публикации по истории интернационального движения героизировали военнопленных Первой мировой войны, примкнувших к русской революции. Жизнь гораздо более многочисленной, но политически индифферентной массы их соотечественников осталась без внимания [11]. Целый ряд фактов не вписался в хронологию и тематику советско-монгольских сборников о борьбе монгольского народа за независимость и изгнание белогвардейских частей. Через призму дипломатической переписки отношения между странами были показаны как идиллические, лишённые прагматизма. О переговорах монгольских революционеров с советскими работниками в конце 1920 г. и взятии Урги Р.Ф. Унгерном в феврале 1921 г. сообщалось в объёмных примечаниях к документам [13].

Снижался цензурный контроль при издании воспоминаний. С оговоркой в предисловии или комментариях, допускались идеологические неточности. Встречались и подобные рассуждения: "в германскую войну был в нашей части такой офицер, что отец родной, потом в революцию он с народом пошел и даже дрался с нами в Питере против буржуев" [14, с. 389]. Выходила литература о реабилитированных жертвах репрессий. В личном фонде бывшего главкома НРА И.П. Уборевича сохранились материалы, отражающие ход работы над книгой о нем [21]. Поскольку спецфонды архивов и библиотек стали

доступны лишь после XXII съезда КПСС (1961 г.), многие сведения уточнялись у родственников и сослуживцев командарма (РГВА. Ф. 41132. Оп. 1. Д. 35, 43).

Со второй половины 1950-х гг. советская археография активно развивалась на региональном, всесоюзном, международном направлениях. При сохранении марксистско-ленинской методологии исследований на первый план выходили малоизученные военные и невоенные сюжеты дальневосточного этапа Гражданской войны. С расширением источниковой базы, тематики и географии документальных публикаций усложнялась их структура, видовой и типовой состав, увеличивались компоненты НСА.

В отечественной эдиционной практике первой половины 1990-х гг. прослеживались параллели с тенденциями 1920-х гг. Резкая смена тематики и временное падение уровня археографического оформления изданий, где НСА заменяли вступительные статьи, а документы приводились без заголовков и легенд, объяснялись желанием оперативно ввести в оборот малоизвестные материалы [9].

В дальнейшем при постепенном рассеивании догматизма началось развитие археографии по курсу реконструкции и новации. С учетом достижений советской науки и открывшихся возможностей новое освещение получила интервенция на Дальнем Востоке [7]. Продолжилось сотрудничество с архивами Монголии [20], выявление источников о выдающихся революционерах [15].

Расскрепление фондов Коминтерна дало импульс изучению политики СССР в отношении стран Азии. При этом потенциал трансграничной публикаторской деятельности на данном направлении не реализован. Сохранившиеся в фондах РГВА документы иностранного происхождения указывают на перспективность исследования архивов Японии, Китая, Южной Кореи, где могут храниться материалы по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке [12].

При освещении истории Белого движения первоначально в расчете на привлечение массового читателя особое внимание уделялось одиозным деятелям. Один из них – генерал-лейтенант Р.Ф. Унгерн, чье имя использовалось в пропагандистских целях на протяжении всего развития советской археографии. Попытку развеять мифы, связанные с бароном, предпринял востоковед С.Л. Кузьмин, который выявил в отечественных и зарубежных архивах крупный комплекс неизвестных документов [1].

Сегодня российские археографы стараются придерживаться в своей работе объективного подхода, тщательно проводят отбор и оформление источников. Одним из достоинств современных публикаций является использование редких фотографий. Выходят и целые сборники иллюстративных материалов [5]. Вместе с тем персонификация Белого движения посредством документального освещения жизни его идейных лидеров оставляет без должного внимания положение рядовых солдат, офицеров младшего и среднего звена. Ценным источником, раскрывающим взгляды части из них на события Гражданской войны и мотивы службы, с учетом общей "оправдательной" риторики, являются опросные листы перебежчиков и военнопленных. Известный советский военный летчик, служивший в различных "белых" авиачастях, прапорщик А.Г. Дедюлин, который 20 июля 1920 г. перелетел в расположение 5-й Армии, в своих показаниях сообщал: "будучи мобилизован, сначала я хотел работать, но потом, когда власть перешла к Дерриктории, а потом к Колчаку, я стал ловчиться, для того чтобы не попасть на фронт и не участвовать в гражданской войне, результатом чего и явилась моя служба в Чешской школе и во Владивостоке в 8 авиаотряде формирующемся.

После переворота в январе 1920 г., когда власть во Владивостоке фактически перешла к коммунистам, а была под флагом Земства, моим решением было остаться в Дальне-Восточной школе, сохранить имущество и работать там. После выступления японцев 4–5 апреля, когда имущество школы было опечатано и разграблено японцами, и школа перестала функционировать, моим решением было перелететь к красным. Боясь в случае перелета репрессий со стороны красных за службу в белой армии, т. к. об этом распространялись всевозможные слухи, я решил ехать во Владивосток и выяснить подробнее. 15/VI виделся там с уполномоченным Советского правительства тов. Виленским-Сибиряковым, заручившись от него рекомендательной бу-

мажкой о неприкосновенности личности, отправился в Спасское, получил от Начальника школы нужные бумаги /увольнительное свидетельство в Харбин на 10 суток/ прибыл в Харбин и явился к генералу Филатьеву, вербующему офицеру заявил о желании служить Семенову. 13 июля 1920 г. был отправлен к Семенову..." (РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1094. Л. 119–120).

Сведения о службе в антибольшевистских войсках выяснялись при уточнении биографий членов и кандидатов в члены РКП(б). Из протокола собрания коммунистической ячейки при Благовещенском уездном Военном управлении в связи с партийной чисткой (апрель 1922 г.), обсуждение И.А. Устинова:

"...– Охотно ли вы пошли на службу к Калмыкову?

– Да, пошел на службу охотно, т.к. знал, что все же я останусь жив, и если отправят дальше меня в лагерь пленных, то там мне не выжить.

– Знали-ли, что отец ваш находится в тайге в партизанах, а вы служите у Колчака?

– Да, это я хорошо знал.

– Почему вы не ушли в тайгу вместе с отцом?

– У меня не было средств к существованию, потому что отец ушел в тайгу, я остался кормить семейство..." (РГВА. Ф. 25890. Оп. 1. Д. 21. Л. 14–14об.).

Интерес представляют материалы военных трибуналов. В письме распорядительному заседанию военного трибунала при 2-й Приамурской стрелковой дивизии от 15 мая 1923 г. о жизни во время Гражданской войны рассказал заключённый Хабаровского Губернского исправительного дома К.Г. Малков. Он был осуждён в январе 1923 г. на 6 лет и 8 месяцев со строгой изоляцией за службу в войсках И.П. Калмыкова с ноября 1919 г. по февраль 1920 г. и М.К. Дитерихса с февраля по октябрь 1922 г. по добровольному вступлению (ст. 60 УК РСФСР). Призывая пересмотреть судебное решение, К.Г. Малков писал:

"Весной 1919 г. оканчиваю Высшее начальное училище и поступаю в Хабаровское губернское казначейство и служу там до ноября 1919 г. Переворот 1918 г., вход Калмыкова, встреча его некоторыми жителями как избавителя, бросание ему под ноги цветов, устраиваемые в честь его обеды, ужины, вечера, балы, концерты и т.д., безусловно, также произвели на меня впечатление. И осенью 1919 г. я, заручившись принципиальным согласием родителей и братьев, а самое главное, желая стать "военным", – поступаю в штаб стрелкового батальона, вольнонаёмным писарем. В последствии батальон развёртывается в бригаду, и я до 1 февраля 1920 г. продолжаю служить там. С 1 февраля открылось Военное училище Калмыкова, и многие мои одноклассники по училищу поступают туда и некоторые предлагают мне перевестись в Военное училище. Не умея что-нибудь делать самостоятельно, не видя со стороны родных препятствий к поступлению, а главное, имея желание стать "военным", а также желая закончить среднее образование – поступаю..."

12 февраля получаю приказание собираться. На наш вопрос – "куда?" отвечают – "в экспедицию". Начались приготовления получения шуб, рукавиц, шапок, катанок, ватного обмундирования и т.д., и в ночь на 13 /II/ выступаем из Хабаровска вверх по р. Усури. Пройдя до Красной Речки, я узнаю, что мы отступаем от Хабаровска, что мы обмануты. С этого момента начались мучения, стужа, сон под открытым небом при 25 градусном морозе, перестрелки с партизанами, в которых я не участвовал, потому что не умел держать винтовку. В таком виде дошли до поселка Кукелево. У меня была все время мысль уехать обратно в Хабаровск, но после того, как расстреляли 7 человек, которые тоже собирались убежать, мысль о побеге больше не приходила в голову. От Кукелево пошли по снеговой пустыне в Китай... (РГВА. Ф. 24467. Оп. 1. Д. 110. Л. 9; Д. 108. Л. 25–55).

Отдельные следственные дела отсылают к современности в связи с пересмотром их военной прокуратурой и реабилитацией бездоказательно осуждённых. Из сохранившихся протоколов допросов, характеристик обвиняемых, потерпевших, свидетелей можно почерпнуть сведения о повседневной жизни населения, о взаимоотношениях и настроениях в обществе. Введение данных материалов в научный оборот в форме таблиц или регестов позволит выделить наиболее важную информацию.

Изучение итогов археографического освещения истории Гражданской войны на Дальнем Востоке позволяет сделать несколько заключений. На каждом историческом этапе картина Гражданской войны, как сложного явления, сочетающего военные и невоенные аспекты, меняется под влиянием научных и ненаучных факторов. Совокупность документальных публикаций разных видов и типов, преследующих разные цели и подготовленных на основе разных методологических подходов, не формирует полного представления о революционных событиях. Выявление новых документов по малоизученным сюжетам тематики ставит вопрос о приёмах их введения в научный оборот.

При дальнейшей археографической работе представляется необходимым:

- завершить перевод изданий по истории Гражданской войны в электронный формат для создания единой общедоступной базы опубликованных источников;
- разработать концепцию обобщающей серии публикаций "Гражданская война в России по фондам отечественных архивов", в рамках которой каждый федеральный и региональный архив презентует сборник, отражающий специфику хранимых документов по теме;
- активизировать сотрудничество с иностранными архивами для выявления хранящегося за рубежом комплекса материалов, связанных с историей Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Литература

1. Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. и ред. С.Л. Кузьмин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. 661 с.
2. Борьба за Хабаровск. Чита: Государственная тип., 1922. 112 с.
3. Борьба за Советы на Дальнем Востоке / сост. П. Никифоров, И.В. Слинкин, Б.Н. Мельников. М.: Госиздат, 1932. 94 с.
4. Бурят-Монголия в борьбе за Советы. Сборник воспоминаний и документов / под ред. М. Гудошников, И. Кузнецова, Ф. Шулунова. Иркутск: Партиздат, восточно-сибирское краевое отделение, 1933. 216 с.
5. Гражданская война в России в фотографиях и кинохронике. 1917–1922 / отв. ред. Е.Е. Колоскова. М.: Кучково поле, 2018. 584 с.
6. Дальистпарт. Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Владивосток: Книжное дело, 1923. Кн. 1. 286 с.
7. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.) / сост. М. П. Мальшева, В. С. Познанский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. 370 с.
8. Дальсовнарком. 1917–1918 гг. / под ред. В.С. Флерова, сост. Г.П. Колбин. Хабаровск: Хабаровское кн. изд., 1969. 373 с.
9. Дело не получило благословения Бога / лит. композиция, литплавка и прилож. Г.С. Чечулиной. Хабаровск: Книжное издательство, 1992. 368 с.
10. И на Тихом океане: НРА ДВР в освобождении Приамурья и Приморья / сост. В.О. Дайнес, ред. В.О. Дайнес, Т.Ф. Каряева, М.В. Стеганцев. Иркутск: Восточносибирское кн. изд., 1988. 360 с.
11. Исповедников Д.Ю. Военнопленные Первой Мировой войны в жизни Сибири и Дальнего Востока 1917–1920 гг. // II Международная архивная конференция "Первая Мировая война и ее последствия для военнопленных и гражданских лиц": избранные материалы. М.: МККК, 2019. С. 25–31.
12. Исповедников Д.Ю. Гражданская война на Дальнем Востоке в публикациях источников иностранного происхождения // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сборник материалов седьмой международной конференции молодых ученых и специалистов "Сio-2017" / гл. ред. А.К. Сорокин, отв. ред. С.А. Котов. М., 2017. С. 179–183.
13. Исповедников Д.Ю. Международные аспекты Гражданской войны на Дальнем Востоке по документам РГВА // Материалы международной научно-практической конференции "История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.". М.: ЦМВС РФ, 2016. С. 146–153.
14. Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии / сост. Г.А. Вендрих. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1957. 558 с.
15. Луцкий Е.А., Мухачёв Б.И. Алексей Луцкий: историко-биографический очерк (1883–1920 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2012. 276 с.
16. Октябрь на Амуре / сост. Э.В. Казанская, Л.Г. Штилерман, введ. В.П. Малышева. Благовещенск, 1961. 456 с.

17. Подвиг Центросибиря / сост. В.Т. Агалаков. Иркутск: Восточносибирское кн. изд., 1986. 477 с.
18. Протоколы заседаний съезда представителей крестьян, рабочих, казаков и бурят Забайкальской области 24 марта – 5 апреля 1918 г. Чита. 1918. 112 с.
19. Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке / сост. С.М. Диманштейн. М.: Изд. коммун. академии, 1930. Т. III. 467 с.
20. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911-1946) / сост. И.И. Кудрявцев. М.; Улан-Удэ: Полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСНАГИ, в 2 Т., 2008. Т. 1. 349 с.
21. Севастьянов В.И., Егоров П.Я. Командарм первого ранга. М.: Политиздат, 1966. 215 с.
22. Таежные походы. Сборник эпизодов из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. М.: Госиздат, 1936. 503 с.
23. Шли дивизии вперед. 1920–1921 гг. Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья. Иркутск: Восточносиб. кн. изд., 1987. 488 с.
24. Этого не забыть! (сборник воспоминаний трудящихся Приморского края о кровавых злодеяниях американских интервентов 1918-1920) / сост. А.А. Вахов. Владивосток: Примиздат, 1951. 112 с.
25. Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах / сост. И.И. Минц. М.: Центратив, 1934. 235 с.
26. Papers relating to the foreign relations of the United States. 1918. Russia. W.: Government Printing Office, In 3 vols. Vol. I., 1931. 754 p., Vol. II., 1932. 887 p., Vol. III., 1932. 330 p.
27. Russian-american relations. March, 1917 – March, 1920 / comp. and ed. by C.K. Cumming and W.W. Pettit. N.Y.: Harcourt, Brace, 1920. 375 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Baron Ungern v dokumentakh i memuarakh / sost. i red. S.L. Kuz'min. M.: Tovari-shhestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2004. 661 s.
2. Bor'ba za Khabarovsk. CHita: Gosudarstvennaya tip., 1922. 112 s.
3. Bor'ba za Sovety na Dal'nem Vostoke / sost. P. Nikiforov, I.V. Slinkin, B.N. Mel'nikov. M.: Gosizdat, 1932. 94 s.
4. Buryat-Mongoliya v bor'be za Sovety. Sbornik vospominanij i dokumentov / pod red. M. Gudoshnikova, I. Kuznetsova, F. SHulunova. Irkutsk: Partizdat, vostochnosibirskoe kraevoe otdelenie, 1933. 216 s.
5. Grazhdanskaya vojna v Rossii v fotografiyakh i kinokhronike. 1917–1922 / otv. red. E.E. Koloskova. M.: Kuchkovo pole, 2018. 584 s.
6. Dal'istpart. Sbornik materialov po istorii revolyutsionnogo dvizheniya na Dal'nem Vostoke. Vladivostok: Knizhnoe delo, 1923. Kn. 1. 286 s.
7. Dal'nevostochnaya politika Sovetskoj Rossii (1920-1922 gg.) / sost. M. P. Malysheva, V. S. Poznanskij. Novosibirsk: Sibirskij khronograf, 1995. 370 s.
8. Dal'sovnarkom. 1917–1918 gg. / pod red. V.S. Flerova, sost. G.P. Kolbin. Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izd., 1969. 373 s.
9. Delo ne poluchilo blagosloveniya Boga / lit. kompozitsiya, litpravka i prilozh. G.S. CHEchulinoj. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1992. 368 s.
10. I na Tikhom okeane: NRA DVR v osvobozhdenii Priamur'ya i Primor'ya / sost. V.O. Dajnes, red. V.O. Dajnes, T.F. Karyaeva, M.V. Stegantsev. Irkutsk: Vostochnosibirskoe kn. izd., 1988. 360 s.
11. Исповедников Д.Ю. Voennoplennye Pervoj Mirovoj vojny v zhizni Sibiri i Dal'neg-o Vostoka 1917–1920 gg. // II Mezhdunarodnaya arkhivnaya konferentsiya "Pervaya Mirovaya vojna i ee posledstviya dlya voennoplennykh i grazhdanskikh lits": izbrannye materialy. M.: MKKK, 2019. S. 25-31.
12. Исповедников Д.Ю. Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke v publikatsiyakh istochnikov inostrannogo proiskhozhdeniya // Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arkheografii, istochnikovedeniya, rossijskoj i vseobshhej istorii novogo i novejshego vremeni: sbornik materialov sed'moj mezhdunarodnoj konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov "Clio-2017" / gl. red. A.K. Sorokin, otv. red. S.A. Kotov. M., 2017. S. 179–183.
13. Исповедников Д.Ю. Mezhdunarodnye aspekty Grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke po dokumentam RGVA // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii "Istoriya Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1922 gg.". M.: TSMVS RF, 2016. S. 146–153.
14. Kak my borolis' za vlast' Sovetov v Irkutskoj gubernii / sost. G.A. Vendrikh. Irkutsk: Irkutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. 558 s.
15. Lutskij E.A., Mukhachyov B.I. Aleksej Lutskij: istoriko-biograficheskij ocherk (1883–1920 gg.). Vladivostok: Dal'nauka, 2012. 276 s.

16. Oktyabr' na Amure / sost. E.H.V. Kazanskaya, L.G. Shtilerman, vved. V.P. Malyshova. Blagoveshhensk, 1961. 456 s.
17. Podvig TSentrosibiri / sost. V.T. Agalakov. Irkutsk: Vostochnosibirskoe kn. izd., 1986. 477 s.
18. Protokoly zasedaniy s"ezda predstavitelej krest'yan, rabochikh, kazakov i buryat Zabajkal'skoj oblasti 24 marta – 5 aprelya 1918 g. CHita. 1918. 112 s.
19. Revolyutsiya i natsional'nyj vopros. Dokumenty i materialy po istorii natsional'nogo voprosa v Rossii i SSSR v XX veke / sost. S.M. Dimanshtejn. M.: Izd. kommun. akademii, 1930. T. III. 467 s.
20. Rossijsko-mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo (1911-1946) / sost. I.I. Kudryavtsev. M.; Ulan-Udeh: Poligraficheskij kompleks FGOU VPO VSNAGI, v 2 T., 2008. T. 1. 349 s.
21. Sevast'yanov V.I., Egorov P.YA. Komandarm pervogo ranga. M.: Politizdat, 1966. 215 s.
22. Tazhnye pokhody. Sbornik ehvizodov iz istorii Grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke. M.: Gosizdat, 1936. 503 s.
23. SHli divizii vpered. 1920–1921 gg. Narodno-revoljucionnaya armiya v osvobozhdenii Zabajkal'ya. Irkutsk: Vostochnosib. kn. izd., 1987. 488 s.
24. Ehtogo ne zabyt'! (sbornik vospominanij trudyashhikhysya Primorskogo kraja o krovavykh zlodeyaniyakh amerikanskikh interventov 1918-1920) / sost. A.A. Vakhov. Vladivostok: Primizdat, 1951. 112 s.
25. YAponskaya interventsiya 1918–1922 gg. v dokumentakh / sost. I.I. Mints. M.: TSentrarkhiv, 1934. 235 s.
26. Papers relating to the foreign relations of the United States. 1918. Russia. W.: Government Printing Office, In 3 vols. Vol. I., 1931. 754 p., Vol. II., 1932. 887 p., Vol. III., 1932. 330 p.
27. Russian-american relations. March, 1917 – March, 1920 / comp. and ed. by C.K. Cumming and W.W. Pettit. N.Y.: Harcourt, Brace, 1920. 375 p.

Исповедников Д. Ю. Обзор археографического освещения Гражданской войны на Востоке России.

В статье анализируются итоги освещения Гражданской войны на Востоке России в отечественной и зарубежной археографической практике на протяжении 1920-х – 2000-х гг. Изложены результаты комплексного изучения более 100 документальных публикаций, а также выявления неопубликованных материалов в фондах Российского государственного военного архива. Сделаны выводы об особенностях источниковой базы и процессе ее освоения на каждом историческом этапе. Выделены сюжеты, неполно отраженные в сборниках, и разновидности документов, которые редко использовались составителями. Определены приоритетные направления дальнейшего освещения темы с учетом общих перспектив практической археологии.

Ключевые слова: *Гражданская война в России, Дальний Восток, археология, документальные публикации, архивные источники*

Ispovednikov D. Yu. Review of archaeological coverage of the Civil War in the East of Russia.

The article analyzes the results of the coverage of the Civil War in the East of Russia in domestic and foreign archaeological practice during the 1920s – 2000s. There are presented the results of a comprehensive study of more than 100 documentary publications, as well as of identification of unpublished materials in the funds of the Russian State Military Archive. Conclusions about the features of the source base and the process of its development at each historical stage are drawn. The plots, incompletely reflected in the collections, and varieties of documents rarely used by compilers are highlighted. There are identified priority areas for further coverage of the topic, taking into account the general perspective of practical archeology.

Key words: *Civil War in Russia, the Far East, archeology, documentary publications, archival sources*

Для цитирования: Исповедников Д. Ю. Обзор археографического освещения Гражданской войны на Востоке России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 54–64. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/54-64

For citation: Ispovednikov D. Yu. Review of archaeological coverage of the Civil War in the East of Russia // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 54–64. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/54-64

УДК 654.19 (571.56) "1941/1945" (045)

Петрова В. Д.

Якутское радио в годы Великой Отечественной войны: редакция политического вещания

Во Всесоюзном радиокомитете при председателе Г.И. Стукове еще в 1940 г. было организовано Управление местного вещания, которое направляло деятельность краевых, республиканских, областных радиокомитетов и трансляционных радиоузлов для оперативного руководства и организации практической помощи им. В организационном отделе Управления местного вещания было создано семь групп среди вещательных центров. Во вторую группу вошли 20 радиокомитетов, и в их числе был Якутский радиокомитет. Всесоюзный радиокомитет начал монополию на радиопередачи местного вещания ещё в середине 1930-х гг., когда создавались региональные радиокомитеты. В те годы звукозаписывающего устройства не было. "Живой" эфир проводили дикторы, которые читали готовые материалы или выступающий читал у микрофона текст, проверенный редакторами политической редакции (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 24. Д. 496. Л. 9–14. О создании во Всесоюзном радиокомитете Управления местного вещания и Художественного совета)¹.

На рубеже XX–XXI вв. появились исследования истории политического вещания военного периода на местном материале регионов, раскрывающие значимость радиопередач общественно-политического содержания [3; 4; 6; 10; 11]. Изучение роли политического вещания продолжалось исследователями, которые выявили важные факты усиления партийного руководства радиовещанием в организации политической информации при содействии Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), которое установило обязательное время передачи агитационно-пропагандистской информации – не менее шести часов в сутки. Далее историки отмечали, что образцом для вещания в местном радиокомитете явились передачи Всесоюзного радио, которые определяли главное направление и задачи: крепить единство фронта и тыла, воспитывать патриотизм, сплачивать народ, пропагандировать трудовой и боевой героизм [7; 8; 12].

Якутское национальное радио выполняло с началом войны основную функцию оперативного оповещения населения Якутской АССР о положении на фронтах. Поэтому в информационном формате вещательной сетки радиопрограмм главное место занимало политическое вещание, над которым работали редакторы, переводчики материалов ТАСС и Совинформбюро, радиокорреспонденты и дикторская группа на якутском и русском языках (НА РС (Я). Ф. 898. Оп. 5. Д. 1. Л. 41. Отчет Якутского радиокомитета за 1941 г.)². В первый день войны, вечером по якутскому времени, местное радио выдало в эфир по поручению Советского правительства экстренное заявление первого заместителя председателя Совнаркома СССР, Наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова "О вероломном нападении германских войск на нашу страну". На следующий день по местному радио передавали репортаж об участии трудовых коллективов Якутского радиоцентра, типографии, кожевенного завода, пожарной охраны г. Якутска в проведении митингов, а вечером дикторы повторно читали текст обращения Молотова "Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!" с переводом на якутский язык. Поз-

¹ ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

² НА РС (Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия).

же, 3 июля 1941 года по радио передавалось выступление председателя Государственного Комитета Обороны И. Сталина, время выступления которого заранее объявили трудовым коллективам и учебным заведениям города. Об этом свидетельствует приказ директора Якутского педагогического института: "чтобы сотрудники института прослушали правительственное сообщение по радио, перенести обеденный перерыв на сегодня с 12.30 до 13.00 часов" [9, с. 195].

Уже с объявлением о начале войны редакторский состав изменился. В июле 1941 года в республике был объявлен призыв граждан в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Одними из первых были призваны председатель Якутского радиокomiteта Г.П. Тихонов и его заместитель Х.Ф. Унаров, главный редактор Единого сектора художественного вещания В.С. Уваров. Также на первый призыв граждан 1921–1922 гг. рождения получил повестку диктор радио П.Т. Аргунов. Одновременно уволилась редактор отдела выпуска радиопрограмм В.К. Захарова по собственному желанию, и как выпускница Якутского аэроклуба подала заявление в Городской военкомат с просьбой отправить на фронт. В последующем получил повестку начальник сектора узлового вещания Д.Т. Прокопьев, который был снят с военного учета по состоянию здоровья, чуть позже ушёл на фронт первый диктор Якутского радиокomiteта 1934–1938 годов, младший сержант И.Д. Новгородов, также повестки получали уполномоченные радиокomiteта в районных трансляционных радиоузлах.

Радиокomiteт работал с 8 часов утра. С открытием станции транслировались новости из Москвы в 07.20 по 25 мин., 18.45 по 1 ч. 45 мин., 21.00 по 15 мин., 22.30 по 20 мин., сообщения Совинформбюро передавались в эфире в 08.15 ч., 17.50 ч., 21.30 ч., 23.30 ч., а также местные выпуски "Последних известий" четыре раза в день. По радио слушали выступления руководителей республики, лекторов-пропагандистов, передовиков производства сельского хозяйства и промышленности. Между политическим вещанием чередовали передачи музыкально-художественных программ, кроме того транслировали передачи из Хабаровска. Радио вещало до полуночи. Радиокomiteт приказом отменил очередные отпуска работников, которые заменил денежной компенсацией за неиспользованный отпуск. Война поставила новые задачи на политическом вещании. Боевой настрой и трудовой подъём творческого коллектива стали главными принципами в организации помощи тыла фронту против германского производства на территории Советского Союза (НА РС (Я). Ф. 898. Оп. 4. Д. 23. Л. 48–86; Д. 26. Л. 1–59; Д. 27. Л. 1–50. Программы радиопередач на 1941, 1942 гг.).

Якутское радио передавало в эфир за первые месяцы свыше двухсот заметок идейно-политического содержания и статей о начале войны, создании фонда обороны, трудовом подъёме работников на призыв руководителей республики, стахановцев промышленных предприятий и передовых колхозников. Редакторы постоянно освещали производственный энтузиазм социалистического соревнования. Якутский областной комитет ВКП (б) занимался подбором и расстановкой кадров на вещании. Редакторами политической редакции работали члены партии М.М. Захаров, М.П. Харлампьев, И.И. Кымов, Е.П. Мигалкина, М.И. Цимахович, М.П. Ощепков, Ф.Д. Дьячковский, Г.П. Багынанов, К.Е. Захаров, И.К. Сухушин, Е.И. Филатова, В.С. Николаев. Переводчиками материалов ТАСС с русского на якутский были А. К. Тимофеев, С.С. Львов, М.Е. Неустроев. Новости читали у микрофона дикторы первой категории М.С. Белолобский и Н.П. Черкашина, дикторы второй категории Л.Д. Дитягина и И.Н. Данилов, старший диктор Х.П. Аржаков, диктор В.Т. Абрамова. Радиотехниками работали Д.А. Рабинович, А.К. Некрасова и др.

При назначении работников на ответственные должности учитывались такие качества, как партийность, дисциплинированность и образованность. Бюро Якутского обкома партии отметило главное направление в работе Якутского радиокomiteта – выполнение решений партийных и советских структур, оперативное освещение положения на фронтах и реализация производственных планов. На одном из плановых совещаний секретарь обкома партии представил на место, ушедшего на фронт руководителя, нового председателя радиокomiteта В.К. Алексева, выпускника Якутского педагогического техникума по специальности "политпросвещение", который работал до этого кор-

ректором в типографии, затем корреспондентом, редактором и заведующим отделом в печати (НА РС (Я). Ф. 898. Оп. 2. Д. 7. Л. 32. Личные дела). Василий Климентьевич руководил радиокомитетом до конца мая 1945 года, и позже в 1985 году вспоминал об этом: "В военные годы коллектив дружно сплотился и работал с желанием. Женщины, у которых мужья воевали на фронте, также трудились усердно" [1, с. 53]. Председатель смело практиковал выездные трансляции в районах, организовал радиопередачи из студий районных радиоузлов. Несмотря на трудное время, руководитель уделял внимание коллективу радио, стимулируя ударный труд лучших работников эфира (НА РС (Я). Ф. 898. Оп. 2. Д. 9. Л. 11, 11 об. Личные дела).

С начала октября 1941 года по инициативе Республиканского комитета бойцов Красной Армии началась акция по сбору тёплых вещей для отправки на фронт, о проведении которой и участии жителей рассказывали в новостях. В знаменательную дату – в день Октябрьской революции 1941 года – передавали доклад И.В. Сталина, выступившего на торжественном собрании Московского городского Совета, этот же доклад в переводе на якутский язык был передан на следующий день. Военная обстановка в г. Якутске обязала радиокомитет оборудовать репродукторы на центральных улицах, в трудовых коллективах и учебных заведениях, возле которых собиралась масса людей для группового слушания сообщений Совинформбюро и других новостей. Призыв на военную службу продолжался. Всего в 1941 г. было призвано 16964 человека, из них пять тысяч были отправлены на фронт и получили первое боевое крещение. В основном были комсомольцы, которые воевали в передовых гвардейских рядах на фронте, о них часто рассказывали у микрофона организаторы комсомольской работы, политинформаторы. Выступали у микрофона руководители Совнаркома Якутской АССР, секретари обкома партии и комсомола. Передавали лекции в помощь агитаторам и пропагандистам по истории партии, по актуальным вопросам Отечественной войны. Дикторы часто читали подготовленные политической редакцией статьи: "Окружение нашими войсками 16-й немецкой армии", "Фронтовые заметки", "Идея патриотизма", "Полгода войны советского народа против гитлеровской Германии", "О грабежах, разорениях жителей и чудовищных зверствах германских властей на советских территориях", "Как гитлеровская Германия грабила оккупированные территории" и др. (НА РС (Я). Ф. 898. Оп. 4. Д. 26. Л. 7–14. Программа радиопередач 1942 г.).

Значимое место в радиопублицистике занимали митинги и собрания, имевшие массовый политический резонанс на территории республики. Примером стал состоявшийся 6 сентября 1942 года в Драматическом театре антифашистский митинг против разжигателей войны, который транслировался по Якутскому радио. В конце митинга участники приняли обращение к советским воинам: "... От устья Лены до Москвы – далеко, но она в сердце у каждого якута, также дороги для нас и солнечный Кавказ, и город Ленина, степи Дона и Украина, поля Белоруссии и побережье Балтики. В ряды Красной Армии мы послали лучших сыновей. Каждому бойцу-якуту на фронте мы даем суровый наказ: "Сын якутского народа, ты – советский воин! В твоих руках судьба нашей Отчизны. Будь достойным своего народа! Будь отважен и смел, как те богатыри, дравщиеся с черными силами, о которых отцы и деды пели в своих олонхо!" [2, с. 5].

Первая официальная делегация из Якутии выехала на Западный фронт в действующую армию с посылками для бойцов. По приезду делегации в Якутск состоялся митинг, который транслировали по республиканскому радио 19 марта 1942 г. дежурные редакторы политвещания К.И. Платонова и М.И. Цимахович, редактор выпуска радиопрограмм А.В. Гуляева, ведущие дикторы В. Абрамова и М. Белолобский (НА РС (Я). Ф. 898. Оп. 2. Д. 9. Л. 35. Фонд личного состава отдела кадров 1942 г.). Моральная и материальная поддержка бойцов Красной Армии продолжалась. Республиканский комитет инициировал вторую акцию по сбору тёплых вещей для отправки на фронт, где принимали участие жители г. Якутска, 32-х районов республики и промышленного Алданского округа (НА РС (Я). Ф. 4. Оп. 16. Д. 293. Л. 210. Информации по организации подарков для бойцов Красной Армии в 1942 г.). Кроме того к 25-й годовщине Октябрьской революции собрали средства на строительство танковой колонны "Советская Якутия" и во второй раз

отправили посылки на фронт на "воинском эшелоне". Делегация вылетела в начале октября из г. Якутска через г. Иркутск на Западный фронт. В составе делегации был главный редактор Якутского радиокомитета В.М. Новиков.

Творческая группа редакторов и переводчиков политического вещания регулярно готовила выход в эфир оперативных передач и докладов руководителей республики. Это ответственное задание добросовестно выполняли главный редактор сектора политического вещания М.М. Захаров, редактор К.Е. Захаров, старшие дикторы Н.П. Черкашина и П.С. Омук. Кроме того циклы передач "В помощь семьям фронтовиков", "Письма из фронта", "Слушай нас, молодёжь Якутии!" нашли место в эфире радио в рабочие дни. Постоянно освещался вопрос сельского хозяйства. В годы войны из-за засушливой погоды саранча уничтожала посев зерновых культур и сенокосные угодья. Из-за этого экстренно решался вопрос переселения колхозов в рыболовецкие артели. При этом радиокомитет возглавил политическую кампанию и организовал специальные выпуски радиопередач о работе рыболовов северных районов. В радиопередачах использовались письма колхозников об экономическом состоянии и выполнении планов по заготовке рыб для фронта.

В оперативной подготовке политических радиопередач о начале учебного года, ходе социалистического соревнования, подготовке колхозников к уборке урожая и зимовке скота по-новому зазвучали радиопереклички, радиомитинги, выступления у микрофона. В качестве красных уголков организовали в северных районах "Агитационные олени нарты" по добыче пушнины среди кочевых народов. Выступали у микрофона не только руководители Наркомов, но и механизаторы, работники коллективных хозяйств (НА РС (Я). **Ф. 898. Оп. 4. Д. 23. Л. 47–48. Программа радиопередач 1941 г.**)

Духовные ценности национального праздника Ыһыах сохранились и в трудные годы войны. Впервые в период войны в июне 1944 года организовали празднование летнего солнцестояния и подготовку к сенокосу в сельскохозяйственных районах республики. Ыһыах вызвал патриотический настрой и небывалый подъём производительности труда у сельских работников, а редакторы политического вещания передавали по радио трудовые успехи и достижения победителей весеннего посева зерновых культур и механизаторов машинно-тракторных станций, ударников животноводческих ферм и коневодства, юных помощников ученических бригад.

Приближение победы и конец войны поднимали творческий настрой коллектива Якутского радиокомитета. Утром 9 мая 1945 года, услышав сводку Совинформбюро, коллектив радио вышел на улицу. "Во дворе провели митинг. Руководство разрешило разойтись по домам, но никто не ушел. Вскоре собрали радиотехников, дали задание срочно оборудовать площадку Ленина для прямой трансляции. Бригада в составе монтеров, техников и инженеров срочно погрузила две подводы с радиоаппаратурой. Этот день остался в памяти самым незабываемым днём в жизни" [5, с. 55]. В г. Якутске состоялся митинг Победы, транслировалась праздничная программа по местному радио "Здравствуй, наша Победа!". В дни всенародного ликования республика готовилась к национальному празднику "Ыһыах Победы" (НА РС (Я). **Ф. 898. Оп. 4. Д. 45. Л. 20. Микрофонные материалы.**)

Таким образом, в Якутском радиокомитете функционировала ежедневная длинноволновая радиостанция РВ-62 на вещании и дублировала ее коротковолновая радиостанция РАХ в 1941–1945 гг. С военной обстановкой была введена новая сетка передач, изменилось соотношение видов вещания, где политическая редакция занимала лидирующее положение среди литературно-драматической, детской, музыкальной редакций. Кроме официальных сообщений Совинформбюро и "Последних известий" редакторами политического вещания готовились цикловые передачи на якутском и русском языках и внестудийные эфиры для трансляции торжественных заседаний, посвященных знаменательным датам 20-летия Якутской АССР, Октябрьской революции, 15-летия общественно-политической оборонной организации Осоавиахима. Практиковались спецвыпуски по призыву граждан в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В заключение следует отметить, что политическое вещание Якутского радио как средство мобилизации народной силы на помощь фронту и на трудовой подъём в тылу имело огромное значение в

политико-пропагандистской работе на обширной территории Якутской АССР в годы Великой Отечественной войны.

Литература

1. Алексеев В.К. Моя забота о радиокомитете // Петрова В.Д. Якутское радиовещание. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2000. 224 с.
2. Антифашистский митинг якутского народа: выступления представителей якутского народа. Якутск: Типография, 1942. 44 с.
3. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 3. Под общ. ред. чл. корр. РАН Н.Н. Крадина, отв. ред. Г.А. Ткачева. Владивосток: Дальнаука, 2020. 994 с.
4. Зяблищева С.В. Радиовещание в информационном пространстве Западной Сибири периода Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22 (237). История. Выпуск 46. С. 66–70.
5. Климовский Н.Н. Замечательный коллектив радио // Петрова В.Д. Якутское радиовещание. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2000. 224 с.
6. Костякова Ю.Б. Радиовещание Хакасии в условиях военного времени (1941–1945 гг.) // Вестник Военного университета. 2011. № 2 (26). С. 136–141.
7. Крюкова Г.М. Молодёжные радиопередачи в годы Великой Отечественной войны (на примере Башкирской АССР) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 9. С. 1–7.
8. Никитина С.Е. Региональные органы управления общественно-политической жизнью Якутской АССР в годы Великой Отечественной войны // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 1 (26). С. 46–58.
9. Петрова Р.И. Вспомним сердцем своим: монография / Р.И. Петрова, В.С. Сивцева, С.И. Петрова, М.Н. Максимова. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015. 408 с.
10. Сомов В. А. Радио как коммуникативное средство формирования трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере Волго-Вятского региона) // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 132–144.
11. Хисамутдинова Н.В. Радио слушали все: Приморское радио в годы Великой Отечественной войны. Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 2. С. 186–194.
12. Шагдарова Б.Б. Радиовещание Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Новый исторический вестник. 2010. № 4 (26). С. 103–108.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alekseev V.K. Moya zabota o radiokomitete // Petrova V.D. YAkutskoe radioveshhanie. YAkutsk: Sakhapoligrafizdat, 2000. 224 s.
2. Antifashistskij miting yakutskogo naroda: vystupleniya predstavitelej yakutskogo naroda. YAkutsk: Tipografiya, 1942. 44 s.
3. Dal'nij Vostok SSSR: 1941–1945 gg. / Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 3. Pod obshh. red. chl. korr. RAN N.N. Kradina, отв. red. G.A. Tkacheva. Vladivostok: Dal'nauka, 2020. 994 s.
4. Zyablitseva S.V. Radioveshhanie v informatsionnom prostranstve Zapadnoj Sibiri perioda Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 22 (237). Istoriya. Vypusk 46. S. 66–70.
5. Klimovskij N.N. Zamechatel'nyj kollektiv radio // Petrova V.D. YAkutskoe radioveshhanie. YAkutsk: Sakhapoligrafizdat, 2000. 224 s.
6. Kostyakova YU.B. Radioveshhanie KHakasii v usloviyakh voennogo vremeni (1941–1945 gg.) // Vestnik Voennogo universiteta. 2011. № 2 (26). S. 136–141.
7. Kryukova G.M. Molodyozhnye radioperedachi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere Bashkirskoj ASSR) // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2019. № 9. S. 1–7.
8. Nikitina S.E. Regional'nye organy upravleniya obshhestvenno-politicheskoj zhizn'yu YAkutskoj ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2019. № 1 (26). S. 46–58.
9. Petrova R.I. Vspomnim serdtsem svoim: monografiya / R.I. Petrova, V.S. Sivtseva, S.I. Petrova, M.N. Maksimova. YAkutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2015. 408 s.
10. Somov V. A. Radio kak kommunikativnoe sredstvo formirovaniya trudovoj motivatsii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. (na primere Volgo-Vyatskogo regiona) // Novejšaya istoriya Rossii. 2012. № 1. S. 132–144.
11. KHisamutdinova N.V. Radio slushali vse: Primorskoe radio v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Territoriya novykh vozmozhnostej // Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa. 2018. T. 10. № 2. S. 186–194.

12. SHagdarova B.B. Radioveshhanie Buryatii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Novyj istoricheskij vestnik. 2010. № 4 (26). S. 103–108.

Петрова В. Д. Якутское радио в годы Великой Отечественной войны: редакция политического вещания.

В статье рассматривается деятельность редакции политического вещания Якутского регионального радиокomiteта в годы Великой Отечественной войны на основе вводимых в научный оборот новых документальных материалов, которые еще не стали предметом исследования в отечественной историографии. С началом войны главное место на радио занимало политическое вещание, которое направляло основную нагрузку радиопередач на мобилизацию народной силы в оказании помощи фронту и на стимулирование трудового подвига в тылу. В статье изложено тематическое содержание политического вещания, включая сводку Совинформбюро, материалов ТАСС, выпусков "Последних известий" и трансляции главных новостей из Москвы. Проводится анализ организации информационно-пропагандистских радиопередач, настроения жителей и участия творческого актива общественных организаций в подготовке радиоматериалов, на основе которого подводится итог идейно-политической, массово-стимулирующей роли радиовещания в 1941–1945 гг. в Якутии.

Ключевые слова: *Якутское радио, политическое вещание, Великая Отечественная война, Советское информационное бюро, радиослушатель*

Petrova V. D. Yakut radio during the great Patriotic war: political broadcasting.

The article examines the activities of the editorial office of political broadcasting of the Yakut regional radio Committee during the great Patriotic war on the basis of new documentary materials introduced into scientific circulation, which have not yet become the subject of research in Russian historiography. With the beginning of the war, the main place on the radio was occupied by political broadcasting, which directed the main load of radio broadcasts to mobilize people's power in helping the front and stimulating labor feats in the rear. The article describes the thematic content of political broadcasting, including a summary of the Sovinformburo, TASS materials, issues of "Latest news" and broadcasts of the main news from Moscow. Analyzes the organization of awareness-raising broadcasts, the mood of the people and participation of the creative asset of public organizations in the preparation of radio materials on the basis of which sums up the ideological-political, mass-stimulating the role of the radio in 1941–1945.

Key words: *Yakutsk radio, political broadcasting, World War II, Soviet information bureau, radio listener*

Для цитирования: Петрова В. Д. Якутское радио в годы Великой Отечественной войны: редакция политического вещания // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 65–70. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/65-70

For citation: Petrova V. D. Yakut radio during the great Patriotic war: political broadcasting // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 65–70. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/65-70

Иностранная миграция в Республике Бурятия: состояние и проблемы (на примере трудовых мигрантов из ближнего зарубежья)

Постановка проблемы

Миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) отмечается, что переселение мигрантов на постоянное место жительства в Российскую Федерацию становится одним из источников увеличения численности населения страны в целом и ее регионов, а привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития [7].

Сегодня внешняя миграция в Российской Федерации создает целый комплекс проблем как для самих мигрантов, так и для принимающего общества. Как отмечает известный российский демограф С.В. Рязанцев, "среди множества проблем, которые стоят в настоящее время перед российской миграционной политикой, пожалуй, самой главной остается адаптация и интеграция мигрантов, прежде всего в части нахождения баланса интересов между местными жителями и мигрантами, приезжающими на жительство в Россию" [14, с. 195].

Республика Бурятия – приграничный регион Российской Федерации, имеющий выгодное географическое положение. Вместе с тем республика находится в самом конце рейтинга социально-экономического положения регионов РФ (69-е место по итогам 2018 г.) Экономист Д.З. Убонова отмечает, что с 2007 г. отставание региона по основным экономическим показателям усилилось. По темпам роста ВРП на душу населения РБ занимает последнее место среди 12 субъектов СФО. Также произошло резкое отставание Бурятии по темпам прироста инвестиций. Сегодня Бурятия входит в число дотационных и депрессивных регионов с низким уровнем и качеством жизни населения. Республика входит в число регионов с самым высоким уровнем безработицы (9,3%), который в два раза превышает общероссийский показатель (4,8%). Республика Бурятия относится к регионам Российской Федерации, теряющим население, особенно в трудоспособном возрасте [18]. Но миграционные потоки идут также в обратном направлении, когда Бурятия становится регионом-реципиентом, принимающим мигрантов. И здесь возникает множество проблем как для самих мигрантов, так и для принимающего региона. Безусловно, одной из центральных проблем для мигрантов является адаптация в принимающей среде.

Нельзя не отметить, что проблемы внешней миграции являются предметом достаточного количества научных исследований, которые проводят ученые различных специализаций – как социологи, этнологи, так и экономисты. Различные аспекты иностранной миграции в Республику Бурятия изучались

© Башкуева Е. Ю., Гунтыпова Э. С., 2020

БАШКУЕВА Елена Юрьевна, канд. ист. наук, научный сотрудник Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ). **E-mail:** frombear@mail.ru

ГУНТЫПОВА Эржена Саяновна, канд. социол. наук, заведующая кафедрой связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова (г. Улан-Удэ). **E-mail:** erzhenasg@yandex.ru

Таблица 1. Международная миграция в Республику Бурятия (2013–2018 гг.)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Из стран СНГ: в т.ч.	434	826	891	811	378	315
Азербайджан	46	95	77	75	35	49
Армения	64	120	72	83	48	27
Беларусь	8	6	8	12	6	4
Казахстан	38	54	35	29	19	12
Киргизия	72	105	83	95	43	45
Молдова	7	10	9	15	7	4
Таджикистан	21	65	72	72	42	59
Туркмения	3	1	-	1	-	2
Узбекистан	124	226	142	164	45	61
Украина	51	144	393	265	133	52
Из других зарубежных стран: в т.ч.	138	193	154	155	54	99
КНР	34	72	60	67	22	56
Монголия	47	46	45	37	17	22
США	6	3	1	6	-	2
Итого	572	1019	1045	966	432	414

Источник: составлено на основе [9].

в трудах З.А. Даниловой и Л.Б.-Ж. Максановой [4], Р.П. Бурдуковского [2], А.В. Саргаева [15], М.М. Содномпиловой и Б.З. Нанзатова [16], Е.А. Шевцовой и А.К. Дмитриевой [20] и др.

Д.Н. Родионова с соавторами в статье "Особенности региональной системы регулирования иностранной трудовой миграции" справедливо отметила, что в Республике Бурятия прослеживается миграционная политика по снижению на рынке труда доли иностранных работников, что является протекционистской мерой в отношении местного населения, испытывающего большие проблемы с трудоустройством [13].

Проблемы адаптации внешних мигрантов и различных её аспектов (правовых, социо-культурных, медико-биологических и др.) в Республике Бурятия рассматривались в работах Н.Ж. Шармашкеевой [19], Н.Ю. Дылгеровой [5], В.Ю. Башкуева [1], А.В. Саргаева [15] и др.

Так, А.В. Саргаев в своем диссертационном исследовании "Социально-культурная и правовая адаптация иностранных граждан в Российской Федерации (на материалах Республики Бурятия)", анализируя вопросы адаптации иностранных мигрантов в регионе, справедливо отмечает, что первоочередной для мигрантов является потребность в социальной адаптации, решение таких проблем, как поиск работы и жилья. Второй по сложности является правовая адаптация, поскольку основными задачами мигранта являются получение законного статуса и соблюдение всех регистрационных процедур, которые дают мигранту необходимый набор прав, в том числе прав на трудовую деятельность, а также гарантию их защиты. Третьей по сложности мигранты называли культурную адаптацию [15, с. 21].

Цель предлагаемой статьи – оценка состояния современной иностранной миграции в Республику Бурятия и анализ проблем адаптации мигрантов. В качестве объекта исследования мы выбрали трудовых мигрантов из

Таблица 2. Миграционная убыль/прирост населения Республики Бурятия (2013–2018 гг.)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Из стран СНГ: в т.ч.	370	673	586	450	-226	-375
Азербайджан	37	63	33	39	-20	-37
Армения	56	97	29	44	-14	-18
Беларусь	3	-	7	5	-	-
Казахстан	29	35	12	-4	-12	-15
Киргизия	68	89	42	51	-40	-24
Молдова	4	5	6	14	3	-2
Таджикистан	15	56	63	57	-5	-5
Туркмения	3	1	-	-1	-	2
Узбекистан	113	203	26	75	-86	-70
Украина	42	124	368	170	-52	-206
Из других зарубежных стран: в т.ч.	73	130	83	43	-63	-40
КНР	31	68	43	33	-12	15
Монголия	36	36	27	15	-10	-17
США	-	-1	-5	-5	-9	-4
Итого	443	803	669	493	-289	-415

Источник: составлено на основе [9].

ближнего зарубежья, представителей среднеазиатской и кавказской социально-профессиональных групп, которые численно доминируют в структуре иностранных мигрантов в регионе. Эмпирической базой исследования стали данные официальной статистики – Бурятстата за 2013–2018 годы и ведомственные статистические данные Управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел по Республике Бурятия за 2013–2018 годы, а также результаты качественных социологических исследований – экспертного интервью со специалистом агентства "Маяк" и глубинных полуструктурированных интервью с трудовыми мигрантами из стран СНГ (N=5). Мы понимаем, что результаты небольшого по объему социологического исследования не дают возможность делать общие выводы, однако считаем, что они дают представление об основных трудностях, с которыми встречаются иностранные мигранты в Республике Бурятия.

Иностранная миграция в Республику Бурятию в зеркале официальной и ведомственной статистики

Для выявления основных тенденций иностранной миграции в Республику Бурятия рассмотрим данные официальной и ведомственной статистики.

По данным Бурятстата, в 2013–2018 годах в Республику Бурятия всего прибыло 4448 человек из зарубежных стран, причем большинство – 3655 человек (82%) – из стран СНГ. Распределение по годам представлено в таблице 1. Из стран дальнего зарубежья в Бурятию за 2013–2018 годы прибыло всего 793 человека. Данные статистики показывают, что в 2014–2016 гг. наблюдался рост численности мигрантов в республику почти в два раза.

Общие итоги миграционного обмена с зарубежными странами по данным официальной статистики показывают, что с 2013 по 2016 годы наблю-

Таблица 3. Цели приезда иностранных граждан в Республику Бурятия (2013–2018гг.)

Цели приезда	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Работа по найму	1692 (7%)	4723 (13%)	7630 (25%)	11306 (38%)	7674 (17%)	15412 (33%)
Коммерческая, служебная, деловая	2734 (11%)	4305 (12%)	2934 (9%)	3837 (13%)	4419 (10%)	4534 (10%)
Туризм	6362 (26%)	8128 (23%)	2513 (8%)	5357 (18%)	16252 (37%)	17639 (38%)
Другое	13715 (56%)	18657 (52%)	18294 (58%)	9631 (31%)	15794 (36%)	9350 (19%)
Всего	24503 (100%)	35813 (100%)	31371 (100%)	30131 (100%)	44139 (100%)	46935 (100%)

Источник: составлено на основе [12].

дался миграционный прирост населения, когда число прибывших из других стран превышало число уехавших в эти страны. С 2017 года началась миграционная убыль населения, причем как со странами ближнего, так и дальнего зарубежья (см. табл. 2).

Распределение мигрантов из зарубежных стран по видам деятельности статистическим органом отдельно не производится, поэтому о видах и причинах миграции в Бурятию мы можем узнать из оперативных данных МВД по РБ.

Иммиграционный контроль фиксирует количество прибывших иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию РФ, в частности на территорию Республики Бурятия. Всего за 2013–2018 годы Бурятию посетили почти 2 миллиона иностранцев – 1983489 человек. Большинство мигрантов не указывают конкретную цель посещения Бурятии. Данные иммиграционного контроля показывают колебательный характер численности мигрантов, прибывающих в Республику Бурятия с целью работы по найму: в целом за шестилетний период (2013–2018 гг.) число мигрантов возросло в 9 раз с 1692 человек в 2013 году до 15412 человек в 2018 году. Вместе с тем в 2017 году наблюдался спад числа трудовых мигрантов по сравнению с предыдущим годом – 7674 человек в 2017 г. против 11306 человек в 2016 г. Но уже в 2018 году количество мигрантов снова выросло почти в два раза (см. табл. 3).

Трудовая деятельность иностранных граждан в Российской Федерации осуществляется в двух видах: на основании получения разрешения на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства (заявителем выступает работодатель, заказчик работ (услуг), привлекающий иностранных работников, прибывающих на территорию Российской Федерации в порядке, требующем оформления визы) и оформление патента (заявителем выступают законно находящиеся на территории Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, и достигшие возраста восемнадцати лет).

Трудовые мигранты из "безвизовых" стран на территории Российской Федерации работают по патенту. Патент – это документ, дающий разрешение на осуществление трудовой деятельности в Российской Федерации, но важный нюанс – иностранный гражданин вправе осуществлять трудовую деятельность исключительно в пределах субъекта Российской Федерации, на территории которого ему выдан патент, по указанной в нем профессии (специальности, должности, виду трудовой деятельности). Желающий легально работать в России должен пройти медосмотр, сдать экзамен по русскому языку, истории и праву, оформить полис добровольного медицинского страхования, предоставить нотариально заверенный перевод паспорта, заполнить необходимые анкеты и получить патент. Всем, кто не уложится в 30 дней со дня въезда в Россию, грозит депортация.

Таблица 4. Выдача патентов иностранным гражданам в Республике Бурятия (2013–2018 гг.)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Азербайджан	363	358	69	95	108	130
Армения	425	460	-	-	-	-
Киргизия	1062	1034	21	-	-	-
Молдова	14	20	2	1	5	2
Таджикистан	435	518	88	174	163	292
Узбекистан	5550	5070	837	1471	2010	2419
Украина	103	96	7	62	34	9
Итого	7952	7556	1024	1803	2320	2852

Источник: составлено на основе [12].

Освобождены от получения патента граждане государств-членов Евразийского экономического союза – Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика.

Патенты в Республике Бурятия за период с 2013 по 2018 годы оформляли граждане из следующих государств: Азербайджан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан, Украина. До 2015 года разрешение на работу также оформляли граждане Армении и Киргизии. Наибольшее количество патентов было выдано в 2013 году, наименьшее – в 2015 году. Причинами, повлиявшими на сокращение количества приобретения патентов, являются вступление в Евразийский экономический союз Армении и Киргизии, высокая стоимость патента, невысокая правовая культура трудовых мигрантов. В последующие годы наблюдается медленный рост, но количество выданных патентов в 2016–2018 годах не идет в сравнение с 2013–2014 годами, сократившись в среднем более чем в 2 раза (см. табл. 4).

В количественном отношении ежегодно наибольшее количество патентов в Республике Бурятия оформляли граждане Узбекистана, на втором месте – граждане Таджикистана. В целом же по России на первом месте трудовые мигранты из Узбекистана, на втором – из Украины, а на третьем – из Таджикистана. В Бурятии трудовых мигрантов из Украины немного, за 2013–2018 годы оформили патенты всего 311 украинских граждан.

Таким образом, статистическая и оперативная информации об иностранных мигрантах в Бурятии за период 2013–2018 годы позволяет определить некоторые тенденции в миграционном обмене с зарубежными странами. Так, наблюдался миграционный прирост с большинством стран ближнего зарубежья в 2013–2014 годы. В 2015–2016 годы отмечается постепенное снижение численности мигрантов из зарубежных стран. А в 2017–2018 годы фиксируется миграционная убыль, когда количество уехавших из Бурятии в эти страны превысило количество приехавших из них в республику. Анализ статистических данных в целом показал, что из стран ближнего зарубежья в Бурятию в основном приезжают граждане Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Азербайджана.

Проблемы адаптации иностранных мигрантов в Республике Бурятия: взгляд эксперта

Каковы основные трудности адаптации иностранных мигрантов в Республике Бурятия? Каковы ключевые барьеры адаптации в принимающей среде? Для исследования этих вопросов весной 2020 г. авторами было проведено экспертное интервью со специалистом ООО агентство "Маяк".

Нами выделены следующие смысловые блоки интервью: оценка правовой адаптации иностранных мигрантов в Бурятии, анализ адаптации ми-

грантов с выделением трудностей и барьеров, проблемы социокультурной адаптации мигрантов в регионе.

Эксперт ранее более 15 лет работал в структуре Управления федеральной миграционной службы по Республике Бурятия (ныне – Управление по вопросам миграции МВД РБ) и является сейчас пенсионером МВД. Он отметил, что эта фирма является единственным частным субъектом в г. Улан-Удэ по оказанию помощи иностранным гражданам (лицам без гражданства) в осуществлении миграционного учета, в получении разрешения на временное проживание, в получении вида на жительство, патента, разрешения на работу, в осуществлении регистрационного учета, а также весь спектр бухгалтерских услуг для мигрантов (справки 3-НДФЛ, открытие и ведение ИП, ООО, фотоуслуги). Фирма также помогает в оформлении трудовых договоров, содействует прохождению комплексных медосмотров для мигрантов в медицинских учреждениях.

Эксперт считает, что правовая адаптация является достаточно сложным процессом для любого внешнего мигранта. Это обусловлено сложностью российского миграционного законодательства и его постоянными обновлениями, информационной закрытостью работы миграционных служб, особенно в период пандемии COVID-19. Сам эксперт, прекрасно разбираясь во всех тонкостях миграционного законодательства Российской Федерации, осуществляет помощь мигрантам в самых сложных вопросах – при оформлении документов для разрешения на временное проживание, вида на жительство, российского гражданства. Эксперт отметил, что зачастую только анкеты для получения РВП и вида на жительство приходится исправлять по 5–10 раз. Информант считает, что мигранты очень слабо разбираются в российском миграционном законодательстве и им легче заплатить деньги, чем общаться с чиновниками, многократно подвергать коррекции документы, терять время и испытывать нервное напряжение.

Эксперт отметил, что специалисты миграционных служб из-за большого наплыва иностранных граждан не имеют (по аналогии с медиками) возможности досконально разъяснить все особенности правового статуса мигрантов, поэтому у последних возникает множество вопросов и неясностей. Мигранты из категории образованных обычно сами изучают миграционное законодательство в сети Интернет. Также много полезной информации содержится в сети Интернет на сайте МВД РФ, многочисленных форумах по вопросам миграции. Тем не менее работа таких консультационных центров, как "Маяк", очень востребована в регионе, так как здесь можно быстро и недорого получить квалифицированную помощь в решении многих вопросов, связанных с правовым статусом иностранных граждан.

Относительно проблем адаптации мигрантов в Республике Бурятия, эксперт считает, что они есть и индивидуальны для каждого человека. В целом для граждан ближнего зарубежья, особенно тех, кто родился при СССР, адаптация проходит быстрее и занимает не более 2 лет. Существенную помощь в адаптации оказывают национальные диаспоры и землячества. В Бурятии на государственном уровне выработана грамотная стратегия по содействию адаптации мигрантов – например, в центре г. Улан-Удэ построен "Дом дружбы народов", где мигранты могут встречаться, изучать русский язык, обычаи и традиции как своего, так и русского и бурятского народов. Часто организуются национальные фестивали, концерты, ярмарки. Средства массовой информации охотно рассказывают в положительном контексте о национальных диаспорах. Вместе с тем бывают и негативные моменты, обусловленные недостойным поведением и правонарушениями самих мигрантов.

Рассуждая о трудовой адаптации мигрантов, эксперт считает, что внешним мигрантам удалось "мирно" поделить рынки труда в республике: киргизы в основном занимаются торговлей и сферой услуг, узбеки – общественным питанием и строительно-ремонтными работами, азербайджанцы – торговлей овощами и фруктами и общественным питанием, армяне – строительством дорог и общественным питанием. Китайские мигранты заняты строительством домов, лесозаготовками, общественным питанием. Их нелегальный бизнес в области добычи нефрита правоохранительным органам удалось почти полностью искоренить. Эксперт как положительный факт отметил то, что в целом конфликтов между иностранными мигрантами и местным населением

на почве конкуренции на рынках труда в условиях депрессивного развития региональной экономики и высокого уровня безработицы не наблюдалось.

Существенной проблемой для мигрантов является поиск доступного жилья – например, в г. Улан-Удэ достаточно высокие цены на аренду недвижимости. Поэтому обычно мигранты живут целыми кланами в небольших квартирах. Приобрести жилье могут позволить себе лишь высокодоходные группы мигрантов. Ипотеку внешние мигранты оформляют очень редко.

Относительно языкового барьера эксперт высказался о необходимости разработки методических интерактивных пособий для мигрантов, которыми можно было бы пользоваться самостоятельно, так как подавляющая часть мигрантов – работающие люди, испытывающие недостаток свободного времени. В целом эксперт отметил, что социокультурная адаптация проходит в регионе без особых барьеров, а представители принимающего общества довольно лояльно настроены к мигрантам. По мнению эксперта, региональным властям всё же целесообразно усилить политику по содействию адаптации и интеграции иностранных мигрантов в республике.

Самооценки адаптации трудовых мигрантов из ближнего зарубежья в Республике Бурятия

Вопросы адаптации и интеграции иностранных мигрантов в принимающей среде являются наиболее сложными социальными и этнокультурными процессами, которые постоянно изучаются социологами всего мира.

Российский социолог В.Ю. Леденёва рассматривает социальную адаптацию мигрантов как процесс интегративный, вследствие чего достигается баланс взаимоотношений мигранта с социокультурной средой региона, уравновешиваются внешние и внутренние состояния. При успешном развитии процесса социальная адаптация эволюционирует в социальную интеграцию, когда устанавливаются оптимальные связи между относительно самостоятельными социальными объектами, которые в дальнейшем превращаются в единую, целостную систему, состоящую из согласованных и взаимозависимых ее частей на основе общих целей и интересов. Адаптация обоснованно рассматривается в качестве начальной стадии интеграции, но которая может ею и не завершиться [8].

В соответствии с разработанной В.И. Леденёвой стадийной моделью социальной интеграции мигрантов возвратные мигранты (трудовые мигранты) проходят только стадию адаптации. Под критерием адаптации подразумевается способность мигранта бесконфликтно пребывать или проживать, осуществлять трудовую деятельность в новом социуме. При этом иностранец продолжает ощущать особое отношение к себе и к членам своей семьи, как к чужакам, со стороны принимающего общества, сохраняя при этом устойчивые родственные, имущественные и иные связи с прежним местом проживания [8].

Отечественные социологи в разных регионах России фиксируют рост ксенофобских настроений в отношении иностранных мигрантов, что, безусловно, требует принятия целого комплекса адекватных мер со стороны государства [3; 6; 10].

Весной 2020 г. нами были проведены глубинные интервью с трудовыми мигрантами из различных социально-профессиональных групп: среднеазиатской (2 узбека) и кавказской (2 азербайджанца и 1 армянин). Были опрошены как низкоквалифицированные, так и высококвалифицированные мигранты средней возрастной группы, мужского пола. В ходе интервью были выявлены социально-демографические характеристики мигрантов, мотивы и цели миграции, трудности и барьеры адаптации в принимающей среде.

Респондент 1. Валижон – гражданин Узбекистана, уроженец г. Андижан, возраст – 51 год. Около 12 лет проживает в Республике Бурятия, работает отделочником, занимается ремонтом жилых помещений, имеет патент на трудовую деятельность. Русским языком владеет свободно, изучал его еще в школе. По самооценке, он полностью адаптировался к условиям жизни в Бурятии и не испытывает особых трудностей. В первые годы приезда в республику у респондента были проблемы со здоровьем, когда суровой зимой он простудился, и у него было диагностировано заболевание коленного сустава. Однако,

обратившись в частный медицинский центр, он получил грамотное лечение и быстро поправился. За годы работы благодаря своим профессиональным и личным деловым качествам наработал клиентуру, является востребованным специалистом и не испытывает недостатка в клиентах и финансовых трудностей. Регулярно отсылает деньги на родину, содержит там свою семью. Более того, будучи экономным и неприхотливым в быту, Валижон накопил деньги и вступил в долевое строительство. К сожалению, фирма, которая занималась строительством многоквартирного дома, обанкротилась и в настоящее время он все еще не получил ключи от квартиры, вынужден проживать в съемном жилье, что влечет дополнительные расходы. Внешнее сходство с представителями титульной нации – бурятами – позволяют мигранту смешаться с толпой, и никаких конфликтов с местным населением у Валижона никогда не было. Однако друзей из местного населения он не имеет, старается общаться только с земляками – узбеками, выходцами из г. Андижан. Наш респондент – мусульманин, регулярно, особенно на все религиозные праздники, посещает мечеть. Любит и уважает как бурятскую, так и русскую культуры, традиции и обычаи. Например, респондент отметил, что ежегодно отмечает новый год по восточному календарю – национальный бурятский праздник Сагаалган. Любит современное бурятское кино, например, в числе его любимых фильм "Решала", снятый в 2012 г. Планирует жить и работать в Бурятии, получил вид на жительство в Российской Федерации. В целом высоко оценил уровень своей адаптации в принимающей среде, не испытывает никаких трудностей.

Респондент 2. Ислон, гражданин Узбекистана, уроженец г. Коканд, возраст – 51 год. Проживает в Бурятии уже 5 лет, имеет семью на родине, работает в крупной региональной компании, занимающейся строительством дорог. Имеет вид на жительство в РФ. Ислон получил высшее образование по специальности "строительство дорог промышленного транспорта", обучался в советские времена в ВУЗе г. Волгограда. Отметил, что руководство компании ценит его как высокопрофессионального специалиста. В коллективе пользуется уважением, никаких конфликтов с местным населением никогда не было. Работа имеет вахтовый характер (в отдаленных районах Республики Бурятия) и сопряжена с определенными бытовыми трудностями. Ислон тяжело привыкал к суровым климатическим условиям, в первые годы работы постоянно болел простудными заболеваниями, однако в настоящее время полностью привык и чувствует себя комфортно даже при плохой погоде. Имеет много приятелей в среде местного населения. Семья Ислома осталась жить в Узбекистане, и он отправляет половину своей заработной платы на ее содержание. Регулярно общается с семьей и близкими по телефону и мессенджерам "вайбер" и др. Периодически ездит к себе на родину в отпуск и в связи с семейными событиями (свадьба сына, юбилей жены и т.д.).

Респондент 3. Ильгар, гражданин Азербайджана, уроженец г. Баку, возраст – 51 год. Проживает в Бурятии 1 год, холост. Имеет разрешение на временное пребывание в РФ. Приехал в регион по приглашению своего двоюродного брата, который уже давно проживает в России и имеет российское гражданство. Имеет среднее образование. Работает мангальщиком в кафе азербайджанской кухни. Свободно владеет русским языком. Отмечает дружелюбность и толерантность принимающей среды. Совместно со своими земляками арендует небольшую квартиру. Респондент считает, что в регионе необоснованно высокие цены на аренду жилья и найти подходящий вариант достаточно сложно. Кроме того, не все собственники жилья хотят сдавать его именно мигрантам, опасаясь проблем с правоохранительными органами. Информант отметил, что в адаптации ему помогли родственники и представители действующей региональной общественной организации "Национально-культурная Автономия Азербайджанцев Республики Бурятия". Друзей среди местного населения не имеет, в основном общается с земляками-азербайджанцами. В планах Ильгара жениться на местной женщине, приобрести квартиру, получить гражданство Российской Федерации, полностью адаптироваться к местной жизни.

Респондент 4. Халид, уроженец г. Гянджа (Азербайджан), 44 года. Проживает в столице Бурятии г. Улан-Удэ уже 7 лет, женат. В 2019 г. получил российское гражданство. Получил высшее образование по специальности "менеджмент". Имеет стабильный и прибыльный бизнес – сеть пави-

льонов с овощной и фруктовой продукцией. Организовал интернет-магазин в г. Улан-Удэ по доставке свежих фруктов из Таиланда, наработал сеть постоянных клиентов.

Высокие доходы от бизнеса позволили ему приобрести комфортабельную благоустроенную квартиру. Весной 2020 г., в период разгара пандемии COVID-19 и ограничительных мер, Халид развернул благотворительную доставку фруктов инвалидам и малоимущим, что широко освещалось в СМИ как на региональном, так и на федеральном уровнях. Правительство Республики Бурятия поощрило его благодарственным письмом. Руководство диаспоры также поблагодарило бизнесмена за активную благотворительную деятельность. Наш информант свободно говорит по-русски и знает базовые слова на бурятском языке. Имеет много друзей и бизнес-партнеров как русской, так и бурятской национальности. Активно пользуется социальными сетями, имеет много подписчиков и часто рекламирует свой товар в социальных сетях. Респондент отметил, что с момента приезда в Бурятию, не испытывал особых трудностей в адаптации. Тяжело было привыкать к резко-континентальному климату, но молодой организм мигранта быстро закалился. Сейчас Халид является активным членом местной региональной общественной организации "Национально-культурная Автономия Азербайджанцев Республики Бурятия", сам помогает многим своим соотечественникам с адаптацией в регионе.

Респондент 5. Артак, гражданин Армении, уроженец г. Спитак, возраст 38 лет. Разведен. Имеет среднее образование. Проживает в Бурятии 3 года, работает в области дорожного строительства машинистом асфальтового катка. Имеет вид на жительство в РФ. Проживает совместно со своими родственниками в арендуемой квартире. По-русски говорит свободно. Имеет много друзей и знакомых среди местного населения. Планирует приобрести квартиру в г. Улан-Удэ, копит на это деньги. Хотел бы жениться на соотечественнице – армянке, которая тоже проживает в Бурятии. Отметил, что его адаптация прошла спокойно, он привык к Бурятии и ему нравится здесь всё: природа, люди, культура. Отметил, что есть трудности во взаимодействии с миграционными службами (трудно дозвониться и попасть на консультацию, большие очереди), однако они решаемы.

Таким образом, обобщая полученные в ходе глубинных интервью сведения, мы пришли к следующим выводам. Нами были опрошены представители только мужского пола, однако это позволило выявить важную гендерную специфику трудовой миграции – приезд в Бурятию был обусловлен собственными желаниями и целями мужчин. Основной мотив приезда – экономический, направленный на улучшение материального благосостояния. Опрошенные нами мигранты не столкнулись с проблемой поиска работы и дискриминацией на рынке труда, несмотря на высокий уровень безработицы в регионе. Все респонденты свободно владеют русским языком. Достаточно сложно у них прошла адаптация к суровым климатическим условиям республики. Существенной проблемой является поиск доступного жилья, но, если у мигрантов есть на это средства, они приобретают благоустроенные квартиры. Есть определенные проблемы с правовой адаптацией и взаимодействием с миграционными службами. Социокультурная адаптация у опрошенных мигрантов проходит хорошо. Национальные объединения мигрантов оказывают им поддержку и являются ключевыми акторами политики адаптации и интеграции мигрантов в регионе.

На наш взгляд, опрошенные представители среднеазиатской и кавказской социально-профессиональных групп демонстрируют и успешно реализовывают свой высокий адаптивный потенциал, несмотря на обозначенные трудности и проблемы в их новой жизни в Бурятии.

Заключение

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы.

Основными миграционными донорами Республики Бурятия являются государства Средней Азии и Закавказья: Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Азербайджан. В количественном измерении, в 2013–2014 годы наблюдался миграционный прирост с большинством стран ближнего зарубежья. В

2015–2016 годы зафиксировано постепенное снижение численности мигрантов из зарубежных стран. В 2017–2018 годы выявлена миграционная убыль, когда количество уехавших из Бурятии в эти страны превысило количество приехавших из них в республику.

По данным экспертного интервью с сотрудником фирмы "Маяк", которая оказывает консультационные услуги для иностранных мигрантов, основной проблемой, связанной с пребыванием данного контингента, является оформление разрешительных документов и сложное российское миграционное законодательство. Эксперт отметил низкий уровень правовых знаний иностранных мигрантов, что влечет большие трудности в оформлении разрешительных документов.

Отдельной проблемой является адаптация иностранных мигрантов в принимающей среде. Эксперт отметил, что выходцы из ближнего зарубежья в среднем адаптируются в течение 2 лет. В целом информанты из Узбекистана, Азербайджана и Армении отметили, что не испытывают серьезных трудностей с адаптацией, чувствуют себя в Бурятии востребованными специалистами, не испытывают дискриминации на рынке труда и считают, что данный регион достаточно безопасен и комфортен для проживания. Не встречались они и с негативным отношением со стороны представителей принимающего общества. Определенные трудности адаптации были обусловлены суровыми климатическими условиями региона, дороговизной аренды жилья. Национальные объединения активно помогают мигрантам в адаптации.

На наш взгляд, наиболее подходящей стратегией адаптации мигрантов в принимающей среде должна стать гармоничная интеграция. С этой целью следует усилить процесс взаимодействия органов государственного управления, курирующих вопросы внешней миграции, социальных служб, общественных объединений, национальных диаспор, землячеств.

Ситуация с пандемией коронавируса COVID-19, безусловно, внесет огромные социально-экономические изменения, в том числе в миграционной картине на всех континентах, не останется исключением и Республика Бурятия. Однако международная миграция останется при любом раскладе важнейшим аспектом социально-экономического развития территорий в условиях глобализации.

Литература

1. Башкуев В.Ю. Современные особенности медико-биологической адаптации монгольских и киргизских мигрантов в Республике Бурятия // Власть. 2015. № 11. С. 142–147.
2. Бурдуковский Р.П. Сравнительный анализ миграционных процессов Республики Бурятия в условиях несбалансированного рынка труда // Вестник ТГЭУ. № 3. 2013. С. 68–78.
3. Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю. Этноконфессиональные аспекты социальной адаптации трудовых мигрантов в Приморском крае // Дискурс. 2017. № 12 (14). С. 134–141.
4. Данилова З.А., Максимова Л.Б.-Ж. Зарубежная миграция как источник трудовых ресурсов Байкальского региона // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2019. № 3. С. 35–39.
5. Дылгерова Н.Ю. Исследование социокультурной адаптации трудовых мигрантов из Украины в Бурятию // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2015. № 4. Т. 1. С. 1–5.
6. Константинов А.В., Дульнев М.В. Миграционный кодекс Российской Федерации как результат систематизации миграционного законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 204–207.
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) // Справочно-правовая система "Гарант" (дата обращения: 12.05.2020).
8. Леденёва В.И. Модели социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов: монография. М.: Изд-во "Спутник +", 2014. 144 с.
9. Международная миграция в Республику Бурятия. [Электронный ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 01.04.2020).
10. Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся. 2016. № 14. С. 411–467.

11. Панкратьев А.А. Внешняя трудовая миграция как фактор достижения сбалансированности рынка труда территории: Автореферат дис. кандидата экон. наук. Воронеж, 2020. 24 с.
12. Письмо Управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел по Республике Бурятия от 15.05.2019 № 4716228.
13. Родионова Д.Н., Хайхадаева О.Д., Дугаров А.А. Особенности региональной системы регулирования иностранной трудовой миграции // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2020. № 1. С. 40–54.
14. Рязанцев С.В. Адаптация и интеграция трудовых мигрантов в российское общество: социокультурные риски и подходы к стимулированию // Демографический и миграционный потенциал Кавказа. Серия "Демография. Социология. Экономика". Под редакцией С.В. Рязанцева, Г.И. Гаджимурадовой. Москва, 2019. С. 195–201.
15. Саргаев А.В. Социально-культурная и правовая адаптация иностранных граждан в Российской Федерации (на материалах Республики Бурятия): Автореферат дис. кандидата социол. наук. Улан-Удэ, 2015. 24 с.
16. Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. Миграционные процессы XXI в. в постсоветском пространстве: традиция как выталкивающий фактор // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 1. С. 98–106.
17. Трофименко А.В., Шмелева О.В. Проблемы определения правового положения иностранных граждан в Российской Федерации // Наука и общество. 2019. № 1 (33). С. 114–119.
18. Убонова Д.З. Сравнительный анализ экономического развития Республики Бурятия и субъектов Сибирского Федерального Округа // Вестник БНЦ СО РАН. 2019. № 1 (33). С. 192–197.
19. Шармашкеева Н.Ж. Социокультурная адаптация китайских мигрантов в Бурятии: Автореферат дис. кандидата истор. наук. Москва, 2007. 24 с.
20. Шевцова Е.А., Дмитриева А.К. Миграционная политика Республики Бурятия: сценарные подходы // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 2. С. 59–71.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bashkuev V.YU. Sovremennye osobennosti mediko-biologicheskoy adaptatsii mongol'skikh i kirgizskikh migrantov v Respublike Buryatiya // Vlast'. 2015. № 11. S. 142–147.
2. Burdukovskij R.P. Sravnitel'nyj analiz migratsionnykh protsessov Respubliki Buryatiya v usloviyakh nesbalansirovannogo rynka truda // Vestnik TGEHU. № 3. 2013. S. 68–78.
3. Vinokurova A.V., Ardalyanova A.YU. Ehtnokontsional'nye aspekty sotsial'noj adaptatsii trudovykh migrantov v Primorskom krae // Diskurs. 2017. № 12 (14). S. 134–141.
4. Danilova Z.A., Maksanova L.B.-ZH. Zarubezhnaya migratsiya kak istochnik trudovykh resursov Bajkal'skogo regiona // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. EHkonomika i menedzhment. 2019. № 3. S. 35–39.
5. Dylgerova N.YU. Issledovanie sotsiokul'turnoj adaptatsii trudovykh migrantov iz Ukrainy v Buryatiyu // Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii. 2015. № 4. T. 1. S. 1–5.
6. Konstantinov A.V., Dul'nev M.V. Migratsionnyj kodeks Rossijskoj Federatsii kak rezul'tat sistemizatsii migratsionnogo zakonodatel'stva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 2. S. 204–207.
7. Kontseptsiya gosudarstvennoj migratsionnoj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda (utv. Prezidentom RF ot 13 iyunya 2012 g.) // Spravochno-pravovaya sistema "Garant" (data obrashheniya: 12.05.2020).
8. Ledenyova V.YU. Modeli sotsial'noj adaptatsii i integratsii trudovykh migrantov: monografiya. M.: Izd-vo "Sputnik +", 2014. 144 s.
9. Mezhdunarodnaya migratsiya v Respubliku Buryatiya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (data obrashheniya: 01.04.2020).
10. Mukomel' V.I. Adaptatsiya i integratsiya migrantov: metodologicheskie podkhody k otsenke rezul'tativnosti i rol' prinimayushhego obshchestva // Rossiya reformiruyushhayasya. 2016. № 14. S. 411–467.
11. Pankrat'ev A.A. Vneshnyaya trudovaya migratsiya kak faktor dostizheniya sbalansirovannosti rynka truda territorii: Avtoreferat dis. kandidata ehkon. nauk. Voronezh, 2020. 24 s.
12. Pis'mo Upravleniya po voprosam migratsii Ministerstva vnutrennikh del po Respublike Buryatiya ot 15.05.2019 № 4716228.
13. Rodionova D.N., KHajkhadaeva O.D., Dugarov A.A. Osobennosti regional'noj sistemy regulirovaniya inostrannoj trudovoj migratsii // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. EHkonomika i menedzhment. 2020. № 1. S. 40–54.

14. Ryazantsev S.V. Adaptatsiya i integratsiya trudovykh migrantov v rossijskoe obshchestvo: sotsiokul'turnye riski i podkhody k stimulirovaniyu // Demograficheskij i migratsionnyj potret Kazkaza. Seriya "Demografiya. Sotsiologiya. EHkonomika". Pod redaktsiej S.V. Ryazantseva, G.I. Gadzhimuradovoj. Moskva, 2019. S. 195–201.

15. Sargaev A.V. Sotsial'no-kul'turnaya i pravovaya adaptatsiya inostrannykh grazhdan v Rossijskoj Federatsii (na materialakh Respubliki Buryatiya): Avtoreferat dis. kandidata sotsiol. nauk. Ulan-Udeh, 2015. 24 s.

16. Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. Migratsionnye protsessy XXI v. v postsovet-skom prostranstve: traditsiya kak vytalkivayushhij faktor // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1. S. 98–106.

17. Trofimenko A.V., SHmeleva O.V. Problemy opredeleniya pravovogo polozheniya inostrannykh grazhdan v Rossijskoj Federatsii // Nauka i obshchestvo. 2019. № 1 (33). S. 114–119.

18. Ubonova D.Z. Sravnitel'nyj analiz ehkonomicheskogo razvitiya Respubliki Buryatiya i sub"ektov Sibirskogo Federal'nogo Okruga // Vestnik BNTS SO RAN. 2019. № 1 (33). S. 192–197.

19. SHarmashkeeva N.ZH. Sotsiokul'turnaya adaptatsiya kitajskikh migrantov v Buryatii: Avtoreferat dis. kandidata istor. nauk. Moskva, 2007. 24 s.

20. SHEvtova E.A., Dmitrieva A.K. Migratsionnaya politika Respubliki Buryatiya: stsenarnye podkhody // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2016. T. 2. № 2. S. 59–71.

Башкуева Е. Ю., Гунтыпова Э. С. Иностранная миграция в Республике Бурятия: состояние и проблемы (на примере трудовых мигрантов из ближнего зарубежья).

В статье представлен анализ современной иностранной миграции в Республике Бурятия. На основе анализа данных официальной статистики (Бурятстат) и оперативных ведомственных данных Управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел по Республике Бурятия за 2013–2018 гг. выявлены особенности миграционных потоков в Республику Бурятия. На основе качественного социологического исследования (экспертного интервью со специалистом консалтинговой фирмы "Маяк", глубинных интервью с трудовыми мигрантами из ближнего зарубежья) установлены преимущества и трудности в адаптации иностранных мигрантов в Республике Бурятия.

Ключевые слова: иностранные граждане, иностранная миграция, мигранты, ближнее зарубежье, патент, адаптация, Республика Бурятия

Bashkueva E. YU., Guntypova E.H. S. Foreign migration in the Republic of Buryatia: state and problems (on the example of labor migrants from neighboring countries).

The article presents an analysis of modern foreign migration to the Republic of Buryatia. Based on the analysis of official statistics (Buryatstat) and operational departmental data of the Migration Department of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Buryatia for 2013–2018, the features of migration flows to the Republic of Buryatia are revealed. On the basis of a qualitative sociological study (an expert interview with a specialist of the consulting firm "Mayak", in-depth interviews with labor migrants from the near abroad), the advantages and difficulties in the adaptation of foreign migrants in the Republic of Buryatia were established.

Key words: foreign citizens, foreign migration, migrants, neighboring countries, patent, adaptation, Republic of Buryatia

---

Для цитирования: Башкуева Е. Ю., Гунтыпова Э. С. Иностранная миграция в Республике Бурятия: состояние и проблемы (на примере трудовых мигрантов из ближнего зарубежья) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 71–82. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/71-82

For citation: Bashkueva E. YU., Guntypova E.H. S. Foreign migration in the Republic of Buryatia: state and problems (on the example of labor migrants from neighboring countries) // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 71–82. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/71-82

УДК 316.4

Старшинова А. В., Платонова Л. А.

Развитие НКО как поставщиков социальных услуг в регионах Дальневосточного округа

Развитие некоммерческого сектора в сфере социального обслуживания населения относится к одному из приоритетных направлений современной государственной социальной политики в Российской Федерации. Социальное государство в России все больше приобретает характер социально сервисного. Происходящие изменения соответствуют основным трендам, характерным социальным государствам зарубежных стран, имеющих уже достаточно длительный период преобразований, начавшихся в конце 1980-х – начале 1990-х годов, основу которых составляет развитие социального партнёрства государства с организациями некоммерческого и коммерческого секторов в решении социальных проблем. Актуальность исследования происходящих процессов в отечественной практике социального обслуживания населения определяется изменением роли государства в сфере социальных услуг и становлением организаций некоммерческого сектора как производителей социальных услуг в субъектах РФ, различающихся условиями развития НКО.

В России в 1990-е годы происходил переход к новым социально-экономическим условиям, связанным со становлением частной собственности. В этот период формировалась и соответствующая система социальной защиты как система государственных гарантий прав российских граждан на социальное обеспечение и социальное обслуживание. Происходящие процессы целенаправленного разгосударствления экономической сферы длительный период практически не затрагивали социальную сферу. Государство, оставаясь доминирующим институтом социальной сферы, в частности социальной защиты, выступало одновременно организатором социального обеспечения и социального обслуживания, формируя новые учреждения, способные обеспечивать многообразные социальные потребности граждан в условиях возрастания объективных социальных рисков, реформатором прежних компонентов системы и исполнителем основных функций по реализации актуальных социальных обязательств перед населением. Со временем объективная общественная потребность в повышении качества социальных услуг неизбежно актуализировала вопрос о диверсификации сложившейся в конце 1990-х – начале 2000-х годов системы и изменении роли государства. Диверсифицированная система социальных услуг, представляя один из способов снижения нагрузки с государства, включает наряду с государственными учреждениями социального обслуживания общественные, некоммерческие, частные организации, индивидуальных предпринимателей, добровольцев и других исполнителей социальных услуг. Второе десятилетие XXI столетия характеризуется существенными институциональными изменениями в сфере социального обслуживания российского общества, появлением новых норм, регулирующих развитие этой сферы, новых участников производства социальных благ, механизмов их включения в число исполнителей услуг, перераспределением полномочий и функций между основными участниками социального обслуживания. В со-

© Старшинова А. В., Платонова Л. А., 2020

СТАРШИНОВА Алевтина Викторовна, д-р социол. наук, профессор кафедры социальной работы Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). **E-mail:** a.v.starshinova@urfu.ru

ПЛАТОНОВА Лилия Алексеевна, магистрант кафедры социальной работы Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). **E-mail:** lilyapla@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 19-18-00246 "Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг", который реализуется в СПбГУ.

временных условиях государство, гарантируя обеспечение социальных прав граждан, начинает выполнять преимущественно функцию заказчика услуг, при этом создаются государственные стандарты предоставления услуг и контролируется качество их исполнения. В регионах государственные органы управления, заинтересованные в развитии негосударственного сектора в сфере социального обслуживания населения, проводят активную работу по вовлечению в производство социальных услуг некоммерческих организаций [2, 72–91; 26].

Социально-ориентированные НКО (СОНКО), представляя собой новый институт гражданского общества в России, создаются и функционируют в интересах определенных социальных групп для решения их социальных проблем. Их правовое, организационное оформление начинается с принятия закона РФ № 40 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций" от 05.04.2010 в 2010 году, в котором были определены основные меры их поддержки и преимущества. По федеральной Программе поддержки СОНКО, принятой в 2011 году, финансовая помощь им осуществляется в виде грантов, субсидий из бюджетов разного уровня на условиях конкурсного отбора [1, с. 66–73]. В создании конкретных условий вхождения СОНКО в сферу социальных услуг решающим был Федеральный закон № 442 "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" от 28.12.2013, вступивший в действие в 2015 году. В законе установлены конкретные механизмы участия СОНКО на рынке услуг – реестры СОНКО, поставщиков социальных услуг, ответственных исполнителей общественно полезных услуг, разработаны критерии включения в них. В регионах формируется порядок финансирования на выполнение мероприятий в виде субсидии и компенсации за предоставленные НКО населению услуги, развивается система грантов на реализацию социальных проектов НКО, утверждаются требования к отчетности при компенсации расходов за предоставленные населению услуги. В настоящее время разработаны и утверждены стандарты оказания и качества услуг, индивидуальные программы получателей социальных услуг (ИППСУ). Показатели, свидетельствующие об увеличении в регионах численности СОНКО, принимаются во внимание при оценке эффективности региональных управленческих структур и должностных лиц.

В статье представлены результаты исследования, в котором акцент сделан на изучение изменений в сфере социальных услуг на региональном уровне. Анализ проведен на материалах двух регионов Дальневосточного федерального округа – Республике Саха (Якутия) и Хабаровского края. В 2018 году среди 85 субъектов РФ в рейтинге по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере Хабаровский край занял одно из лидирующих мест – 3 место, набрав 36, 58 баллов, а Республика Саха (Якутия) – 7 место с суммой баллов 32,10 [10]. По сути, эти регионы оказались в числе лидеров в развитии некоммерческого сектора социальных услуг. Приведенные показатели демонстрируют наличие в Дальневосточном федеральном округе продвинутых территорий с точки зрения развития негосударственного сектора в социальной сфере, прежде всего, социально ориентированных НКО. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать основные факторы, обеспечившие продвижение российских регионов на Дальнем Востоке РФ в развитии некоммерческих организаций, выявить проблемы, решение которых будет определять их дальнейшую перспективу.

Теоретические и методологические основы исследования.

Теоретическую основу исследования составили теории социального государства, теория социального партнерства и роли НКО в межсекторном взаимодействии в процессе преобразования социального государства в социально сервисное. Признанными исследователями роли НКО в сфере производства социальных благ являются Л. Саламон, Х. Анхейер, А. Этциони [28; 29]. В работах отечественных авторов А. Тарасенко, Т.Ю. Сидориной содержится подробный обзор теоретических подходов к объяснению происхождения и

факторов динамики НКО как производителей социальных благ [23; 25]. В исследованиях В.Б. Беневоленского, И.И. Краснопольской, И.В. Мерсияновой, Е.О. Шмулевич подробно анализируется инновационный характер деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций как производителей социальных услуг, развивается положение об НКО как ядре гражданского общества, раскрываются институциональные преимущества и присущие им ограничения как участников рынка социальных услуг [1; 3; 4; 5].

В проведенном исследовании, результаты которого представлены в статье, применялись количественные и качественные методы получения социологической информации. Среди них – статистические данные, размещенные в открытых источниках, о развитии СОНКО в регионах Дальневосточного федерального округа, в частности, показатели, характеризующие негосударственных производителей услуг, размещенные в реестрах поставщиков социальных услуг Республики Саха (Якутия) и Хабаровского края. Проведен анализ нормативно-правовой базы, в соответствии с которой регулируется развитие некоммерческих организаций в этих регионах и вторичный анализ эмпирических данных, полученных в ходе социологических исследований, представленных в литературных источниках. Один из основных методов – полуструктурированные интервью с представителями НКО, социальными предпринимателями, руководителями государственных социальных учреждений. Интервью проведены с представителями 9 организаций, расположенных в Хабаровске и Якутске, информантами были 6 руководителей НКО, 1 социальный предприниматель, 2 эксперта, представляющие государственные социальные учреждения. Среди участников интервью было семь женщин и двое мужчин.

Вопросы, обсуждаемые в ходе интервью, затрагивали наиболее характерные причины создания региональных СОНКО, основные направления деятельности, реализуемые проекты, типичные проблемы развития некоммерческих организаций. Отдельный блок вопросов был посвящен взаимодействию некоммерческих организаций с государственными учреждениями, источникам финансирования СОНКО, отношению государственных управленческих структур и учреждений к деятельности СО НКО, возможностям, которыми они располагают для расширения спектра услуг населению и повышения их качества.

Результаты исследования

Хабаровский край и Республика Саха (Якутия) занимают ведущие позиции в развитии негосударственных организаций социального обслуживания в Дальневосточном федеральном округе. Об этом свидетельствует высокая доля некоммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей и коммерческих предприятий, зарегистрированных в Реестре поставщиков социальных услуг, что благоприятно влияет на формирование конкурентной среды на рынке социальных услуг. К этим субъектам округа приближается по ряду позиций и рейтинговому месту Сахалинская область (табл. 1). Но в то же время, как свидетельствуют данные таблицы 1, Дальневосточный округ отличается неравномерным развитием негосударственного сектора социальных услуг, а образующие его субъекты достаточно дифференцированы по показателям вовлечения в сферу услуг некоммерческого сектора. В Хабаровском крае доля негосударственных исполнителей социальных услуг в начале текущего года составляла 34,7 %, в Республике Саха (Якутия) – 35,8 %, в то время как, например, в Амурской области – всего 12,07% [12; 16; 19].

В каждом субъекте, составившем предмет нашего анализа, сформирована нормативно-правовая база, на основании которой регулируется развитие социально-ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне, что относится к важным условиям динамичного развития сферы социальных услуг (табл. 2).

В таблице 2 представлен далеко не весь перечень региональных нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере социального обслуживания, для целей проведенного анализа нам важно подчеркнуть, что принятые нормативные акты создают базу для развития управленческих,

**Таблица 1. Показатели реестров поставщиков социальных услуг
Дальневосточного федерального округа**

№	Субъекты РФ в ДФО	Государственные социальные учреждения	НКО	ООО	ИП	ОАО	Всего	Место в рейтинге субъектов РФ по развитию НКО	Сумма баллов в рейтинге субъектов РФ по развитию НКО
1.	Хабаровский край	45	21	1	2	-	69	3	36,58
2.	Республика Саха (Якутия)	83	10	7	11	-	111	7	32,10
3.	Сахалинская область	28	12	-	1	1	42	9	31,39
4.	Еврейская автономная область	7	5	-	-	-	12	23	27,26
5.	Магаданская область	15	2	-	2	-	19	31	23,20
6.	Республика Бурятия	36	7	4	4	1	52	36	22,40
7.	Камчатский край	21	5	1	-	-	27	54	19,01
8.	Приморский край	28	8	-	2	-	38	58	18,33
9.	Амурская область	51	5	1	-	1	58	60	17,92
10.	Забайкальский край	47	15	-	1	-	63	73	14,33
11.	Чукотский автономный округ	26	12	8	2	-	48	85	7,31

Источник: составлено на основе [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

**Таблица 2. Региональные нормативно-правовые акты,
регулирующие развитие системы социального обслуживания граждан**

Хабаровский край
<ul style="list-style-type: none"> ● Закон Хабаровского края от 10.12.2014 № 21 "О реализации отдельных полномочий Хабаровского края в сфере социального обслуживания граждан" ● Распоряжение Правительства Хабаровского края от 08 февраля 2013 г. № 52-пр "Об утверждении планов мероприятий ("дорожных карт") повышения эффективности и качества услуг учреждений социальной сферы Хабаровского края" ● Приказ министерства социальной защиты населения Хабаровского края от 27 ноября 2009 г. № 183-П "Об утверждении государственного стандарта социального обслуживания населения Хабаровского края." ● Компенсация поставщикам социальных услуг (Постановление Правительства Хабаровского края от 29 декабря 2015 г. №480-пр) ● Постановление Правительства Хабаровского края от 31.10.2014 № 416-пр "Об утверждении порядка предоставления социальных услуг в полустационарной форме получателям социальных услуг поставщиками социальных услуг в Хабаровском крае". ● Постановление Правительства Хабаровского края от 31.10.2014 N 412-пр "Об утверждении Порядка предоставления социальных услуг в стационарной форме получателям социальных услуг поставщиками социальных услуг в Хабаровском крае". ● Постановление Правительства Хабаровского края от 31.10.2014 № 417-пр "Об утверждении порядка предоставления социальных услуг на дому получателям социальных услуг поставщиками социальных услуг в Хабаровском крае"
Республика Саха (Якутия)
<ul style="list-style-type: none"> ● Закон Республики Саха (Якутия) "О социальном обслуживании граждан в Республике Саха (Якутия)" от 22.01.2015 1404-3 № 363-V.

- Закон Республики Саха (Якутия) "Об утверждении перечня социальных услуг, предоставляемых поставщиками социальных услуг в Республике Саха (Якутия)" от 22.01.2015 1406-3 № 367-V.
- Закон Республики Саха (Якутия) "О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Саха (Якутия)" от 27.11.2014 1386-3 № 327-V.
- Приказ Министерства труда и социального развития Республики Саха (Якутия) "Об утверждении Порядка предоставления социальных услуг поставщиками социальных услуг" от 17.10.2014 № 775-Од.
- Приказ Министерства труда и социального развития Республики Саха (Якутия) "Об утверждении Порядка формирования и ведения Реестра поставщиков социальных услуг Республики Саха (Якутия), Положения о Комиссии по рассмотрению обращений юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в сфере социального обслуживания населения, в целях их включения в Реестр поставщиков социальных услуг Республики Саха (Якутия) и Порядка формирования и ведения Регистра получателей социальных услуг Республики Саха (Якутия)" от 25.04.2016 № 1н.
- Указ Главы Республики Саха (Якутия) "О совершенствовании механизмов государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Саха (Якутия)" от 01.02.2018 № 2391.

Составлено на основе: [6; 7; 8; 9; 24].

организационных, экономических и других условий вхождения новых участников в сферу социального обслуживания. В документах определяются основные формы поддержки СО НКО, благотворителей и добровольцев, социальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в сфере социального обслуживания, механизмы отбора и координации поставщиков социальных услуг, способы взаимодействия органов государственной власти с новыми исполнителями услуг, порядок предоставления услуг получателям. В них содержатся нормы, предписывающие организациям создание условий для профессионального обучения и профессионального образования работников НКО и социальных предприятий, поставляющих услуги. Реализация нормативных актов нацелена в конечном счете на развитие в регионах рынка социальных услуг, функционирование которого способно влиять на расширение спектра и качества услуг.

К факторам развития некоммерческого сектора относится поддержка государственными органами управления деятельности социально ориентированных НКО, которая осуществляется в форме финансовой, имущественной, информационной, консультационной поддержки, содействия в профессиональной подготовке и повышении квалификации работников и добровольцев, привлекаемых СОНКО к реализации своих мероприятий. В соответствии с законодательством региональные органы управления могут предоставлять льготы СОНКО по уплате налогов и сборов, осуществлять закупку у СОНКО товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Среди механизмов, посредством которых происходит развитие НКО, особое место занимают ресурсные центры. Они создаются в форме НКО, выполняя функции консультационной, методической, информационной, имущественной, финансовой, образовательной поддержки некоммерческих организаций, содействуя их профессионализации. На территории Хабаровского края действуют такие ресурсные центры развития НКО, как Объединенный ресурсный центр поддержки СО НКО Хабаровского края, Молодежный ресурсный центр, Ресурсный центр НКО Ассамблеи народов Хабаровского края, Дальневосточный центр инноваций социальной сферы, Центр информационной поддержки "Гражданские медиа", Дальневосточный ресурсный центр развития гражданского общества. В Республике Саха (Якутия) также функционирует несколько ресурсных центров поддержки СОНКО, предоставляющих услуги в сфере социального обслуживания, в числе которых "Целевой фонд будущих поколений Республики Саха (Якутия)", "Ассоциация консультантов, финансистов и аудиторов", Ресурсный центр поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и активных граждан "СПАС" и другие. При региональных органах управления созданы и действуют общественные институты поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. В Хабаровском крае это Совет по поддержке СОНКО в составе 29 членов из числа представителей министерств, администраций муниципальных образований, руководителей НКО, в Республике Саха (Якутия) сформирован

Координационный (совещательный) Совет по организации доступа СО НКО к оказанию социальных услуг.

В Хабаровском крае в период с 2013 по 2019 годы из регионального бюджета выделялись средства для поддержки 325 проектов СОНКО. Некоммерческими организациями на реализацию социально значимой деятельности было привлечено внебюджетных средств в объеме 123 млн. рублей. В течение 2019 года из бюджета Хабаровского края 25 СОНКО предоставлено субсидий на сумму 12,01 млн. руб. При этом размер средств, привлеченных собственными усилиями СОНКО на реализацию проектов, составил 7,45 млн. рублей. Кроме того, ресурсным центрам, оказывающим информационную, консультационную и методическую поддержку деятельности этих организаций, предоставлено субсидий в размере 2 млн. рублей. Возмещение расходов по уставной деятельности и участию в мероприятиях в 2019 году получили 4 СОНКО на сумму 248,75 тыс. рублей, еще 8 организаций получили возмещение расходов за реализацию мероприятий федерального и регионального уровней на сумму 245,92 тыс. рублей. Некоммерческие организации Хабаровского края ежегодно принимают активное участие в конкурсе Президентских грантов. В 2019 году победителями конкурса стали 36 СОНКО, общий размер привлеченных в край средств на реализацию проектов составил 53,3 млн. рублей [7]. В Республике Саха (Якутия) из государственного бюджета на выплату компенсации за оказанные социальные услуги в рамках реализации республиканских программ "Социальная поддержка граждан в Республике Саха (Якутия) на 2018–2022 годы" по мероприятию "Развитие рынка социальных услуг" в 2019 г. некоммерческим поставщикам было выделено 49,5 млн. рублей. С 2017 по 2018 годы в Фонд президентских грантов РФ от Республики Саха была подана 331 заявка СО НКО. Из них поддержку получили 56 проектов на сумму 61 млн. рублей. В 2019 году Якутия планировала подать не менее 400 заявок на конкурсный отбор Фонда президентских грантов РФ, в первом квартале года от северной республики было подано 95 заявок. Правительством республики планомерно реализуются задачи по содействию повышению качества проектов, квалификации специалистов муниципальных образований по работе с институтами гражданского общества и представителей социально ориентированных некоммерческих организаций [27]. В Республике внедряются цифровые технологии в сфере социальных услуг, разработано мобильное приложение "НКО Якутии", предоставляющее пользователям возможность оперативно получать информацию о некоммерческих организациях Якутии, мероприятиях, конкурсах для НКО регионального и федерального уровней. С помощью приложения можно пройти регистрацию в ЕГРЮЛ, подать документы на реорганизацию, ликвидацию, внести изменения в сведения ЕГРЮЛ, в устав НКО, задать вопросы, познакомиться с лучшими практиками деятельности НКО.

Таким образом, в регионах созданы условия развития и инструменты финансирования деятельности СОНКО, основными источниками которого являются президентские, региональные гранты и субсидии из региональных бюджетов, привлеченные средства в форме пожертвований, труда волонтеров, деятельности, приносящей доход для реализации уставных целей организаций. В то же время руководители организаций находятся в постоянном поиске новых направлений деятельности, обеспечивающих финансовую устойчивость НКО, сокращая излишнюю зависимость от грантовых средств, при этом они демонстрируют стремление к освоению инновационных технологий и сохранению присущей им институциональной специфики. Об этом свидетельствуют данные, полученные нами в ходе интервью с представителями СО НКО: *"Основной источник пока все-таки остается грантовая поддержка, но за последние годы мы поставили себе цель диверсифицировать источники финансирования и уйти от основного финансового источника в виде грантов и начали развивать частные пожертвования. Сейчас у нас, скажем так, третье место в нашем бюджете составляют частные пожертвования. Основной источник все-таки гранты, гранты практически всех любых уровней, и президентские, и федеральные других фондов, и краевые, и муниципальные. Ну и, кроме того, как поставщики социальных услуг мы получаем субсидию, компенсацию за оказанные услуги. ... Мы сейчас думаем над созданием целевого капитала и у нас есть свой социальный бизнес, который*

уже начал приносить прибыль и стал ... одним из источников финансирования организации, планируем расширять социальный бизнес, вот, так же мы планируем внедрять инновационные технологии в свою работу, пожелали, что за этим будущее" (Руководитель общественной организации, Хабаровск). В приведенном высказывании обозначена позиция, свидетельствующая о социальной ответственности некоммерческих организаций, понимании роли некоммерческого сектора в социальном партнерстве, его инновационного характера и относительной независимости как выразителя прежде всего интересов гражданского общества, в данном случае тех целевых социальных групп, которые нуждаются в их поддержке.

В регионах разработаны стандарты предоставления социальных услуг населению, значительная часть из которых уже предоставляется негосударственными организациями. Некоммерческие организации занимаются реабилитацией бездомных, наркозависимых, подбором персонала и трудоустройством для ухода за людьми, нуждающимися в социальном обслуживании, патронажем престарелых, инвалидов, неблагополучных семей, коррекционным обучением детей. Услуги оказывают в стационарной, полустационарной форме и на дому. Региональными органами управления планируется комплексное предоставление реабилитационных услуг для людей с инвалидностью ("пакет услуг") на дому, которые будут предоставлять и СО НКО. Социальные услуги, предоставляемые некоммерческими организациями, предназначены преимущественно тем социальным группам, чьи проблемы, являясь не вполне "стандартными", вызывают определенные трудности для решения в государственных учреждениях социального обслуживания. Один из участников интервью следующим образом сформулировал причины создания НКО, которой руководит в настоящее время *"У меня стаж употребления наркотиков большой и долгий, прошел реабилитацию, приехал в Хабаровск, обратно домой попробовать и организовал организацию.... Конечно, заработок денег важен, но это не основная деятельность нашей организации. Основная наша цель – это помощь людям"* (Руководитель АНО, Хабаровск). Как следует из интервью, типичным мотивом создания НКО выступают личные проблемы людей, инициирующих создание НКО, или членов их семей. Столкнувшись с невозможностью получить услуги в государственных учреждениях социального обслуживания, они становятся организаторами деятельности НКО. Нашим информантом сформулирована и социальная миссия некоммерческой организации, которой он руководит, – помощь людям в решении проблем, вызывающих трудности в их жизни, и которые они не могут самостоятельно преодолеть.

Анализ практического участия негосударственных организаций в социальном обслуживании населения показывает, что не все зарегистрированные региональные НКО, позиционируя себя как социально ориентированные, входят в реестры поставщиков социальных услуг. Так, в Хабаровском крае в конце 2019 года было зарегистрировано 2283 НКО, около 70% из них признаны социально ориентированными некоммерческими организациями. Но лишь небольшое число организаций, как следует из приведенных выше данных, в настоящее время имеют статус поставщиков социальных услуг, это может свидетельствовать о наличии барьеров, препятствующих включению СО НКО в реестр поставщиков услуг. Во-первых, организации могут не соответствовать критериям отбора поставщиков, которые устанавливаются региональными органами управления. Во-вторых, организации сами не стремятся войти в реестр, поскольку их может не устраивать порядок предоставления услуг, формирования отчетности, низкие тарифы на оказанные населению услуги, при которых возмещение затрат за предоставленные населению услуги не покрывает их расходов, поэтому некоммерческим организациям становится невыгодно входить в число поставщиков услуг, включенных в региональный реестр. В-третьих, институциональная особенность НКО в том и заключается, что им в своей деятельности, направленной на удовлетворение запросов своих целевых социальных групп, в интересах которых они создаются, необходимо опираться на труд добровольцев, привлекать средства благотворителей, заниматься реализацией социальных проектов и т.п. Однако на практике не каждая некоммерческая организация готова и способна к выполнению этих

функций, например, из-за неподготовленности своих сотрудников, руководителей или других причин. Наконец, во внимание необходимо принимать отношение населения к новым исполнителям социальных услуг, доверие или недоверие им.

На выделенные выше факторы, затрудняющие развитие СОНКО, обращали внимание участники интервью: *"...За услуги, допустим, социальное обслуживание, мы получаем субсидии государственные от Министерства труда, но там небольшие суммы, конечно"* (Председатель СО НКО, Якутск). Среди сдерживающих причин развития НКО как поставщиков услуг информанты называли сохраняющееся у населения доверие преимущественно к государственным учреждениям и недоверие к негосударственным организациям: *"...Если система НКО будет дальше развиваться, то государственному сектору будет легче работать, наплыва граждан не будет, но сейчас люди при возникновении проблемы сразу бегут в государственные учреждения, потому что еще не доверяют НКО, ИП и ООО"* (Индивидуальный предприниматель, оказывающий социальные услуги, Якутск).

Специалист государственного учреждения, называя факторы, затрудняющие развитие в регионе негосударственного сектора социальных услуг, сформулировала несколько из них: *"Существует круг проблем, связанных с расширением участия некоммерческих организаций в оказании социальных услуг населению: правовые и организационные коллизии, возникающие в связи с появлением новых видов НКО. Нечеткие и необязательные критерии оценки результатов деятельности социально ориентированных НКО; недостаток финансирования и чрезмерная зависимость от личных средств организаций. Информационная закрытость"* (Специалист государственного социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних, Якутск).

Имеющиеся в литературных источниках результаты эмпирических исследований, проведенных в Дальневосточных регионах, подтверждают названные нашими информантами причины, сдерживающие развитие НКО. Так, авторы одного из социологических исследований, которое проводилось в РС(Я), отмечают, что большинство респондентов среди факторов, создающих проблемы для развития СОНКО, называют низкие тарифы на услуги населению, сложность процедур, связанных с предоставлением отчетности при возмещении затрат, трудности продвижения инновационных услуг. [22, с. 59].

Вместе с тем участники интервью высоко оценили взаимодействие региональных органов управления с некоммерческими организациями. *"С государственными органами мы очень хорошо контактируем и с муниципальными образованияами. ... У нас самый главный куратор и координатор – это Министерство труда и социального развития Республики Саха (Якутия), ... по инклюзивному образованию и по ранней помощи работаем с Министерством образования Республики Саха (Якутия), по адаптивной физкультуре с Министерством спорта Республики Саха (Якутия)."* (Председатель совета благотворительного фонда, Якутск). В Республике Саха (Якутия), как следует из интервью, отчетливо прослеживается межведомственный подход к актуальным социальным проблемам, в решение которых вовлечены СОНКО. Социальное партнерство государства с некоммерческими организациями оказывает положительное влияние на формирование новых организационных моделей предоставления социальных услуг в регионе: *"...У нас такой социальный холдинг, где государственное ведомство создало платформу, помещения содержат, сотрудники есть, которые получают зарплату из бюджета, а рядом еще несколько НКО, которые берут на себя проблемные моменты и помогают их решить, и тем самым наполняют общую комплексную мощь, сегмент большой мы создаем. И мы показываем власти, что реально вот так вот взаимодействовать игрокам разных форм, бюджетные и НКО"* (Директор АНО, Хабаровск). В данном случае государственные организации и СОНКО, сотрудничая, демонстрируют инновационный подход к организации комплексного решения проблем детей, страдающих расстройством аутистического спектра, и их семей, нуждающихся в совокупности услуг, которые не в состоянии обеспечить только государственные социальные учреждения.

Заключение

Проведенный анализ в ходе изучения факторов, определивших лидерские позиции в развитии СОНКО Хабаровского края и РС(Я), дает основание полагать, что одним из решающих факторов выступают инициативы самих некоммерческих организаций, которые находят поддержку у региональных органов управления. Появление НКО часто связано с личной мотивацией их организаторов, но их деятельность получает общественную значимость в том случае, если совпадает с объективными потребностями в решении социальных проблем населения территории, на которой действуют некоммерческие организации, что и обеспечивает им поддержку со стороны региональных управленческих структур.

СОНКО более конкурентоспособны по сравнению с государственными социальными учреждениями при решении "нестандартных проблем" тех целевых групп, для помощи которым они создаются и в интересах которых действуют. Именно такие группы становятся получателями услуг некоммерческих организаций. К этому следует добавить их гибкость в реагировании на возникающие проблемы у населения, способность обеспечить индивидуальный подход к получателям услуг, возможность специализироваться на услугах, которые востребованы среди людей, нуждающихся в социальном обслуживании, достигая тем самым необходимого качества.

Особенность региональных СОНКО Дальневосточного федерального округа, деятельность которых составила предмет исследования, состоит в том, что на данном этапе развития они проявили отчетливо выраженную тенденцию к сотрудничеству между собой и с существующими государственными социальными учреждениями, что составляет существенный ресурс их дальнейшего продвижения как поставщиков социальных услуг.

Литература

1. Беневоленский В.Б., Шмулевич Е.О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 66–73.
2. Заболотная Г.М., Ларионов А.В. Региональные практики институционализации негосударственных поставщиков социальных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 72–91.
3. Краснопольская И.И., Мерсиянова И.В. Трансформация управления социальной сферой: запрос на социальные инновации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 29–47.
4. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 7–26.
5. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 83–104.
6. Информационно-консультационная поддержка гражданских инициатив. Гражданское общество Хабаровского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://nko27.ru/> (дата обращения: 05.08.2020).
7. Некоммерческие организации (НКО). Гражданское общество Хабаровска. [Электронный ресурс]. URL: <https://nko.khabarovskadm.ru/obshchestvennyeorganizatsii/baz%D0%B5-nko/> (дата обращения: 05.08.2020).
8. Официальный информационный портал республики Саха(Якутия). Нормативные правовые документы. [Электронный ресурс]. URL: <https://sakha.gov.ru/npa/front> (дата обращения: 06.08.2020).
9. Развитие рынка услуг в сфере социального обслуживания населения. Официальный портал учреждений социальной поддержки и социального обслуживания населения Хабаровского края. [Электронный ресурс]. URL: https://mszn27.ru/service_market (дата обращения: 05.08.2020).
10. Распоряжение Правительства РФ N 1284-р от 19.06.2017. Об утверждении перечня показателей, используемых для расчета рейтинга субъектов Российской Федерации.
11. Реестр поставщиков социальных услуг (таблица). Интерактивный портал Министерства труда и социальной политики Приморского края. [Электронный ресурс]. URL: https://soctrud.primorsky.ru/content/1_реестр_поставщиков_социальных_услуг_таблица (дата обращения: 07.08.2020).

12. Реестр поставщиков социальных услуг Амурской области. Портал Правительства Амурской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://szn.amurobl.ru/pages/deyatelnost-ministerstva/sotsialnoe-obsluzhivanie/reestr-postavshchikov-sotsialnykh-uslug-amurskoj-oblasti/> (дата обращения: 05.08.2020).
13. Реестр поставщиков социальных услуг в Забайкальском крае. Министерство труда и социальной защиты населения Забайкальского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://minsoc.75.ru/deyatel-nost/social-noe-obsluzhivanie-442-fz/reestrpostavschikov-social-nyh-uslug-zabaykal-skogo-kraja> (дата обращения: 07.08.2020).
14. Реестр поставщиков социальных услуг Еврейской автономной области. Социальная защита Еврейской автономной области. [Электронный ресурс]. URL: http://social.eao.ru/?page_id=1037 (дата обращения: 06.08.2020).
15. Реестр поставщиков социальных услуг Магаданской области. ООО СоцИнформТех. [Электронный ресурс]. URL: <http://msp.49gov.ru/rpost/reestr.html?PageSize=10&Sort=0&PageNumber=1> (дата обращения: 07.08.2020).
16. Реестр поставщиков социальных услуг РС (Я). Министерство труда и социального развития Республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.sakha.gov.ru/doki1/reestr-postavschikov-sotsialnyh-uslug> (дата обращения 05.08.2020)
17. Реестр поставщиков социальных услуг Сахалинской области. Официальный сайт Министерства социальной защиты Сахалинской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://msz.admsakhalin.ru/reestr/reestr.html?PageSize=10&Sort=0&PageNumber=1> (дата обращения: 05.08.2020).
18. Реестр поставщиков социальных услуг. Министерство социального развития и труда Камчатского края. [Электронный ресурс]. URL: http://old.kamgov.ru/?cont=oiv_din&mcont=5657&menu=4&menu2=0&id=174 (дата обращения: 06.08.2020).
19. Реестр поставщиков социальных услуг. Министерство социальной защиты Хабаровского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://socuslugi.mszn27.ru/sonhub/orglist.html> (дата обращения: 05.08.2020).
20. Реестр поставщиков социальных услуг. Республиканское государственное учреждение "Центр социальной поддержки населения" Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cspn-rb.ru/reestr_postavshchikov_sotsialnykh_uslug/ (дата обращения: 06.08.2020).
21. Реестр социально ориентированных организаций. Министерство здравоохранения Хабаровского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://zdrav.khv.gov.ru/node/4046> (дата обращения: 05.08.2020).
22. Седалищева Э.Н., Макарова А.П. Развитие негосударственных форм социального обслуживания в Республике Саха (Якутия) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2018. № 3 (32). С.59–62.
23. Сидорина Т.Ю. Партнерство государства и институтов самоорганизации граждан в реализации социальной политики (теоретический аспект) // Terra Economicus. 2010. № 8 (1). С. 117–129.
24. Содействие развитию институтов и инициатив гражданского общества в Хабаровском крае. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Proekty/Gosudarstvennye-celevye-programmy/162> (дата обращения: 04.08.2020).
25. Тарасенко А. Концепты третьего сектора и гражданского общества в контексте теорий демократии, управления и экономического развития. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/centres/M-center/M_36_14.pdf (дата обращения: 29 марта 2020).
26. Тополева-Солдунова Е.А. (ред.) Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере (Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации). Москва: "Современные информационные системы", 2019. 96 с.
27. Якутия подает не менее 400 заявок в Фонд президентских грантов // Информационно-аналитический портал SakhaNews. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1sn.ru/226354.html> (дата обращения: 30.07.2020)
28. Salamon, L. M., Anheier, H. K. Social origins of civil society: Explaining the nonprofit sector cross-nationally // *Voluntas: International journal of voluntary and nonprofit organizations*. 1998. № 3(9). Pp. 213–248.
29. Etzioni A. The Third Sector and Domestic Missions // *Public Administration Review*. 1973. № 33 (4). Pp. 314 – 323.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Benevolenskij V.B., SHmulevich E.O. Gosudarstvennaya podderzhka sotsial'no orientirovannykh NKO v svete zarubezhnogo opyta // *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2013. № 3. S. 66–73.

2. Zabolotnaya G.M., Larionov A.V. Regional'nye praktiki institutsionalizatsii negosudarstvennykh postavshhikov sotsial'nykh uslug // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2017. № 3. S. 72–91.

3. Krasnopol'skaya I.I., Mersiyanova I.V. Transformatsiya upravleniya sotsial'noj sfery: zapros na sotsial'nye innovatsii // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2015. № 2. S. 29–47.

4. Mersiyanova I.V., Benevolenskiy V.B. Preimushhestva NKO kak postavshhikov sotsial'nykh uslug: aprobatsiya v rossijskikh usloviyakh // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2016. № 4. S. 7–26.

5. Mersiyanova I.V., Benevolenskiy V.B. NKO kak postavshhiki sotsial'nykh uslug: verifikatsiya slabykh storon // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2017. № 2. S. 83–104.

6. Informatsionno-konsul'tatsionnaya podderzhka grazhdanskikh initsiativ. Grazhdanskoe obshchestvo Khabarovskogo kraja. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://nko27.ru> (data obrashheniya: 05.08.2020).

7. Nekommercheskie organizatsii (NKO). Grazhdanskoe obshchestvo Khabarovska. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://nko.khabarovskadm.ru/obshchestvennyeorganizatsii/baz%D0%B5-nko/> (data obrashheniya: 05.08.2020).

8. Ofitsial'nyj informatsionnyj portal respubliki Sakha (Yakutiya). Normativnye pravovye dokumenty. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://sakha.gov.ru/npa/front> (data obrashheniya: 06.08.2020).

9. Razvitie rynka uslug v sfere sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya. Ofitsial'nyj portal uchrezhdenij sotsial'noj podderzhki i sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya Khabarovskogo kraja. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://mszn27.ru/service_market (data obrashheniya: 05.08.2020).

10. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF N 1284-r ot 19.06.2017. Ob utverzhdenii perechnya pokazatelej, ispol'zuemykh dlya rascheta rejtinga sub"ektov Rossijskoj Federatsii.

11. Reestr postavshhikov sotsial'nykh uslug (tablitsa). Interaktivnyj portal Ministerstva truda i sotsial'noj politiki Primorskogo kraja. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://soctrud.primorsky.ru/content/1_reestr_postavshhikov_sotsial'nykh_uslug_tablitsa (data obrashheniya: 07.08.2020).

12. Reestr postavshhikov sotsial'nykh uslug Amurskoj oblasti. Portal Pravitel'stva Amurskoj oblasti. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://szn.amurobl.ru/pages/deyatelnost-ministerstva/sotsialnoe-obslyuzhivanie/reestr-postavshchikov-sotsialnykh-uslug-amurskoj-oblasti/> (data obrashheniya: 05.08.2020).

13. Reestr postavshhikov sotsial'nykh uslug v Zabajkal'skom krae. Ministerstvo truda i sotsial'noj zashhity naseleniya Zabajkal'skogo kraja. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://minsoc.75.ru/deyatelnost/social-noe-obslyuzhivanie-442-fz/reestrpostavschikov-socialnyh-uslug-zabaykal-skogo-kraja> (data obrashheniya: 07.08.2020).

14. Reestr postavshhikov sotsial'nykh uslug Evrejskoj avtonomnoj oblasti. Sotsial'naya zashhita Evrejskoj avtonomnoj oblasti. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://social.eao.ru/?page_id=1037 (data obrashheniya: 06.08.2020).

15. Reestr postavshhikov sotsial'nykh uslug Magadanskoj oblasti. OOO SotsInformTekh. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://msp.49gov.ru/rpost/reestr.html?PageSize=10&Sort=0&PageNumber=1> (data obrashheniya: 07.08.2020).

16. Reestr postavshhikov sotsial'nykh uslug RS (YA). Ministerstvo truda i sotsial'nogo razvitiya Respubliki Sakha (Yakutiya). [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://mintrud.sakha.gov.ru/doki1/reestr-postavschikov-sotsialnyh-uslug> (data obrashheniya 05.08.2020)

17. Reestr postavshhikov sotsial'nykh uslug Sakhalinskoj oblasti. Ofitsial'nyj sajt Ministerstva sotsial'noj zashhity Sakhalinskoj oblasti. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://msz.admsakhalin.ru/reestr/reestr.html?PageSize=10&Sort=0&PageNumber=1> (data obrashheniya: 05.08.2020).

18. Reestr postavshhikov sotsial'nykh uslug. Ministerstvo sotsial'nogo razvitiya i truda Kamchatskogo kraja. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://old.kamgov.ru/?cont=oiv_din&mcont=5657&menu=4&menu2=0&id=174 (data obrashheniya: 06.08.2020).

19. Reestr postavshhikov sotsial'nykh uslug. Ministerstvo sotsial'noj zashhity Khabarovskogo kraja. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://socuslugi.mszn27.ru/sonhub/orglist.html> (data obrashheniya: 05.08.2020).

20. Reestr postavshhikov sotsial'nykh uslug. Respublikanskoe gosudarstvennoe uchrezhdenie "TSentr sotsial'noj podderzhki naseleniya" Ministerstva sotsial'noj zashhity naseleniya Respubliki Buryatiya. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.cspn-rb.ru/reestr_postavshchikov_sotsialnykh_uslug/ (data obrashheniya: 06.08.2020).

21. Reestr sotsial'no orientirovannykh organizatsij. Ministerstvo zdravookhraneniya Khabarovskogo kraja. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://zdrav.khv.gov.ru/node/4046> (data obrashheniya: 05.08.2020).

22. Sedalishheva E.H.N., Makarova A.P. Razvitie negosudarstvennykh form sotsial'nogo obsluzhivaniya v Respublike Sakha (Yakutiya) // Kazanskiy sotsial'no-gumantarnyj vestnik. 2018. № 3 (32). S.59–62.

23. Sidorina T.YU. Partnerstvo gosudarstva i institutov samoorganizatsii grazhdan v realizatsii sotsial'noj politiki (teoreticheskij aspekt) // Terra Economicus. 2010. № 8 (1). S. 117–129.

24. Sodejstvie razvitiyu institutov i initsiativ grazhdanskogo obshhestva v Khabarovskom krae. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Proekty/Gosudarstvennye-celevye-programmy/162> (data obrashheniya: 04.08.2020).

25. Tarasenko A. Kontsepty tret'ego sektora i grazhdanskogo obshhestva v kontekste teorij demokratii, upravleniya i ehkonomicheskogo razvitiya. 2014. [Elektronnyj resurs]. URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/centres/M-center/M_36_14.pdf (data obrashheniya: 29 marta 2020).

26. Topoleva-Soldunova E.A. (red.) Uchastie NKO v okazanii uslug v sotsial'noj sfere (Spetsial'nyj doklad Obshhestvennoj palaty Rossijskoj Federatsii). Moskva: "Sovremennye informatsionnye sistemy", 2019. 96 s.

27. YAkutiya podact ne menee 400 zayavok v Fond prezidentskikh grantov // Informatsionno-analiticheskij portal SakhaNews. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.lsn.ru/226354.html> (data obrashheniya: 30.07.2020)

28. Salamon, L. M., Anheier, H. K. Social origins of civil society: Explaining the non-profit sector cross-nationally // Voluntas: International journal of voluntary and nonprofit organizations. 1998. № 3(9). Pp. 213–248.

29. Etzioni A. The Third Sector and Domestic Missions // Public Administration Review. 1973. № 33 (4). Pp. 314 – 323.

Старшинова А. В., Платонова Л. А. Развитие НКО как поставщиков социальных услуг в регионах Дальневосточного округа.

На основе статистической, нормативно-правовой и социологической информации проведен анализ основных условий развития НКО в Хабаровском крае и Республике Саха (Якутия), относящихся к группе регионов, лидирующих в России по показателям вовлечения некоммерческого сектора в сферу социального обслуживания населения. Результаты исследования дают основание утверждать, что наряду с правовыми, организационными, управленческими, иными факторами, определяющими развитие социально ориентированных НКО, решающее значение приобретают собственные инициативы СОНКО, способность к инновациям, сотрудничеству с основными акторами формирующегося рынка социальных услуг, гибкому реагированию на запросы населения.

Ключевые слова: *социально ориентированные НКО, социальное партнерство, социальные услуги, поставщики социальных услуг, реестр поставщиков услуг*

Starshinova A. V., Platonova L. A. Development of NPOs as providers of social services in the regions of the Far Eastern District.

On the basis of statistical and sociological information, the analysis of the main conditions for the development of non-profit organizations in the Khabarovsk Territory and the Republic of Sakha (Yakutia), which belong to the group of regions leading in Russia in terms of the formation of the non-profit sector in the field of social services to the population, is carried out. The study showed that along with the legal, organizational, managerial, and other factors that determine the development of socially oriented NGOs, SONGO's own initiatives, the ability to innovate, cooperation with the main actors of the emerging market of social services, flexible response to population requests are of decisive importance.

Key words: *socially oriented NGOs, social partnership, social services, social service providers, register of service providers*

Для цитирования: Старшинова А. В., Платонова Л. А. Развитие НКО как поставщиков социальных услуг в регионах Дальневосточного округа // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 83–94. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/83-94

For citation: Starshinova A. V., Platonova L. A. Development of NPOs as providers of social services in the regions of the Far Eastern District // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 83–94. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/83-94

УДК 316.7

Абросимова Е. Е., Филипова А. Г.

Размышления о волонтерстве в видеоблогосфере: возможности участия в принятии социально значимых решений

Введение

Видеоблогинг на сегодняшний день является крупным и серьезным каналом воздействия на аудиторию. Видеоблогеры формируют потребительские предпочтения своих зрителей, являясь лидерами мнений. Идеи, нормы и ценности, которые они транслируют, влияют на ценностные установки аудитории, в особенности молодежи и подростков. Они также оказывают влияние на общественное мнение по самым разнообразным вопросам, в том числе связанным с продвижением общественных или политических инициатив. Сами авторы видеоблога далеко не всегда отдают себе в этом отчет. Видеоблогинг сегодня становится инструментом интернет-маркетинга, эффективным способом продвижения товаров и услуг. Чтобы лучше понимать, чего ждать от подрастающего поколения, и иметь возможность прогнозировать будущую модель его поведения, важно следить за деятельностью популярных видеоблогеров [2].

Видеоблогинг – это одна из форм досуга современной молодежи, заменившая телевидение. Последнее, согласно ряду исследований, теряет популярность у молодых людей. Эту нишу занимают платформы для обмена видео, такие, к примеру, как YouTube. Молодые люди смотрят забавные ролики, различные обучающие видео, а также видео популярных видеоблогеров. При этом пользователь не ограничен временными рамками показа телепередач, а для просмотра ему достаточно мобильного устройства, имеющего выход в Интернет [1].

Исследователи постепенно осваивают тему видеоблогинга. Обзор публикаций наглядно демонстрирует рост популярности тематики видеоблогов в научной среде. Если до 2017 года встречались единичные работы отечественных исследователей о влогах и влогерах, и большая часть исследовательской практики принадлежала зарубежным авторам, то начиная с 2017 года количество тематических публикаций, как зарубежных, так и российских, выросло в разы. При поиске публикаций в научной электронной библиотеке eLibrary.ru на тему видеоблогинга с ограничением по дате выхода 2000–2017 гг. было найдено 60 источников. Однако продление временного диапазона до 2020 года позволило обнаружить уже более 200 публикаций по данной тематике.

Как и отечественные исследователи, зарубежные авторы уделяют внимание интернет-блогам в целом, без выделения детского сегмента и за-

© Абросимова Е. Е., Филипова А. Г., 2020

АБРОСИМОВА Евгения Евгеньевна, канд. социол. наук, начальник отдела организации научно-исследовательской работы Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). E-mail: gaijony@mail.ru

ФИЛИПОВА А.Г., д-р социол. наук, зав. лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). E-mail: alexgen77@list.ru

трагивают следующие темы: проблемы конфиденциальности информации видеоблогов (Fernanda B. Viégas); структура видеоблогосферы (K. Dean), сообщества видеоблогеров на канале YouTube (A. Mogallapu), социальная активность видеоблогеров (B.A. Nardi, D.J. Schiano, M. Gumbrecht), жанровый анализ видеоблогов (S.C. Herring, L.A. Scheidt, S. Bonus).

Однако волонтерство в видеоблогосфере – тема, недостаточно изученная как у нас, так и за рубежом. Авторы анализируют видеоблоги как канал коммуникации, предпринимаются попытки классификации видеоблогов изучается образовательный потенциал видеоблогов [5, 9, 13].

Волонтерство, как и другие социальные явления (образовательные процессы, политическая борьба и пр.), постепенно проникает в видеоблогосферу. Ряд известных видеоблогеров, осознавая популярность волонтерства, а также факт положительной оценки зрителями данного видеоконтента, все больше приобщаются к добровольческой деятельности.

Большое количество социальных роликов о волонтерстве создаются различными общественными организациями благотворительной направленности. Многие видеоролики размещаются на интернет-ресурсах, принадлежащих непосредственно организациям, но параллельно с целью популяризации и продвижения добровольческой деятельности подобного рода ролики размещаются на канале YouTube.

Методы и материалы

В рамках исследования была организована подборка видеоблогов и видеороликов на тему волонтерства. Отбор осуществлялся на самой популярной видеохостинговой платформе – YouTube. В условиях обилия информации и дефицита времени людям гораздо проще смотреть картинки и видео, чем вникать в смысл написанного. Поэтому YouTube сегодня это – максимально удобный и доступный источник визуальной информации, в том числе и о волонтерстве.

Традиционно, поиск на YouTube начинается с введения ключевых слов. В нашем случае выбор пал на несколько позиций: волонтерство, волонтер и доброволец. Отбор был произведен 15 августа 2020 года. Фиксация точного времени отбора важна, так как изменение рейтинга видеоблогеров и видеоблогов происходит очень быстро. Следует отметить, что поисковый сервис YouTube организован таким образом, что верхние строки поиска могут занимать как видео с большим количеством просмотров, так и менее популярный видеоматериал. Всего было отобрано 10 видеороликов и видеоблогов (влогов). Под видеоблогом понимается систематически и регулярно выкладываемое в интернет авторское видео, которое не только подходит под какое-либо жанрово-тематическое направление, но и содержит "личностный" компонент. Видеоролик часто содержит исключительно информационный контент и не привязан к личности автора [2].

Помимо вышеуказанных параметров отбора нами был применен дифференцированный подход к видеороликам и видеоблогам. Учитывая "личностный компонент" видеоблогов, мы остановили свой выбор на контенте, который является популярным среди зрителей благодаря авторскому вкладу. Также мы включили в выборку ролики, созданные с информационной целью, так как они реализуют функцию популяризации волонтерства.

Анализ видеоблогов и видеороликов осуществлялся по следующим параметрам: название, краткое содержание, автор, дата загрузки, количество просмотров, количество лайков, количество комментариев [2].

Для получения обратной связи от пользователей видеоблогов нами были организованы групповые дискуссии в двух студенческих группах на базе Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Общее количество участников составило 25 человек в возрасте от 18 до 23 лет. Участникам задавались вопросы относительно их включенности в волонтерскую деятельность, влияния видеоблогосферы на отношение к волонтерству, мотивационном потенциале влогов и пр. Отдельно участники исследования выполняли индивидуальные задания – просматривали два видеоролика о волонтерстве и отвечали на вопросы.

Ключевым исследовательским вопросом стал вопрос о возможности волонтерства и волонтеров оказывать влияние/участвовать в принятии социально значимых решений через видеоблогосферу.

Результаты и их обсуждение. Видеоролики и видеоблоги о волонтерстве

Отобранные видеоролики условно были разделены нами на две группы – ролики, подготовленные организациями и индивидуальные ролики (видеоблоги).

Первая группа – официальные видео – носят в большей мере информационный характер. Они ориентированы на тех, кто заинтересовался волонтерством как деятельностью, в т.ч на профессиональном уровне. К примеру, ролик "Я – волонтер", подготовленный организацией "Перспективы", г. Санкт-Петербург, рассказывает о том, зачем нужны волонтеры и кто они такие. Канал "Школа социального волонтерства" содержит целую серию видео, направленных на обучение волонтеров, повышение их квалификации, подготовку координаторов и руководителей волонтерских групп и сообществ. Фонд "Подари жизнь" – организация, чья деятельность направлена на помощь детям с онкологическими, гематологическими и иными тяжелыми заболеваниями, снимает ролики о волонтерах в юмористическом ключе, что является дополнительным мотивирующим фактором для зрителей [11, 14, 15].

Вторая группа роликов условно обозначена нами как "индивидуальные". Они отличаются тем, что содержат личный опыт людей, в основном авторов видео, о волонтерской деятельности. Так же, как и ролики первой группы, индивидуальные ролики имеют мотивационную направленность и пропагандируют добровольческую деятельность. Так, видеоканал "Всего и Побольше" в ролике "США. Я Волонтер в Больнице! Вечеринка" рассказывает об опыте волонтерства обычной девушки Марии, которая живёт в Калифорнии. Канал "Maria From Miami" тоже повествует о волонтерской деятельности в США и тоже глазами девушки из России [6, 7].

Следует отметить, что анализ данного сегмента видеоблогосферы показал, что из 5 "индивидуальных" роликов о волонтерстве, попавших в нашу выборку, 3 ролика связаны с США. Ряд каналов созданы нашими соотечественниками, часть – гражданами США. Это обусловлено тем, что Соединенные Штаты – одна из стран-лидеров по количеству волонтеров и развитости благотворительной деятельности [8, 12, 16].

Распространение волонтерства обязано не только деятельности правительства по поддержке различных программ, но и активности медийных лиц, чье мнение значимо для современной молодежи. Среди видеороликов нашей выборки можно отметить только один видеоролик, который напрямую связан с демонстрацией волонтерства. Videоблогер Dava снял видеоролик "Брошеры, но не забыты. Я волонтер" о помощи пожилым людям в период пандемии [4].

В рамках анализа видеороликов мы остановились на нескольких представителях каждой из двух групп. Очевидно, что популярные и доступные видеоролики имеют большее значение для зрителей. Во-первых, это те ролики, которые пользователь посмотрит в первую очередь, во-вторых, современная молодежь уделяет значительное внимание рейтингу видеоконтента. В *таблице 1* приведены количественные характеристики индивидуальных видеороликов о волонтерстве.

Ролик "США us Я ВОЛОНТЕР в Больнице! ВЕЧЕРИНКА" повествует о том, каково это быть волонтером в американской больнице. Автор видео демонстрирует положительные аспекты благотворительной деятельности в США, например, приглашение в ресторан на вечеринку волонтеров. Своим примером автор показывает, что волонтер осуществляет значимую социальную функцию в обществе. Ролик снят в стиле "life style", что также приветствуется молодыми зрителями и способствует восприятию информации.

Ролик "Грин Кард за волонтерство в США?! Плюсы волонтерства! Что даст вам бесплатная работа?" тоже направлен на описание "плюсов" волонтерской деятельности в Америке. Он носит более официальный, чем предыдущее видео характер, более информативен.

Таблица 1. Индивидуальные видеоролики

Название видео	Название видеоканала	Дата создания	Количество просмотров	Количество лайков	Количество комментариев
США us Я ВОЛОНТЕР в Больнице! ВЕЧЕРИНКА	Всего и Побольше	27.04.2019	7695	332	209
Грин Кард за волонтерство в США?! Плюсы волонтерства! Что даст вам бесплатная работа?	Maria From Miami	18.06.2018	10337	843	107
Волонтерство в США. Благотворительность в Америке	We've all been there COMEDY	2.03.2020	108	17	7
Стала Волонтером #МЫВМЕСТЕ2020: что делают волонтеры во время карантина в России?	Polina Experience	6.04.2020	3419	152	82
Почему тебе стоит попробовать волонтерство	Elisabethveto	20.09.2019	887	34	1

Источник: составлено авторами

Видео "Волонтерство в США. Благотворительность в Америке" рассказывает о том, где "волонтерят" американцы, как они помогают нуждающимся и зачем они занимаются благотворительностью. Автор также акцентирует внимание на потенциальных бонусах добровольческой деятельности молодых людей для будущей карьеры.

Из отобранных видеороликов второй группы единственный ролик про волонтерство в России – "Стала Волонтером #МЫВМЕСТЕ2020: что делают волонтеры во время карантина в России?". Ролик снят в стиле "life style". Автор делится опытом волонтерства в период пандемии и объясняет свой выбор тем, что она имеет достаточно крепкий иммунитет и хочет помогать пожилым людям, оказавшимся в условиях самоизоляции.

Анализируя количественные показатели, можно выделить два видео, которые наиболее популярны у зрителей. Это видео каналов "Всего и Побольше" – 7695 просмотров и "Maria From Miami" – 10337 просмотров. Также эти видео лидируют и по количеству комментариев. Большинство комментариев оставляют молодые люди.

Комментарии носят позитивный характер, многие пользователи благодарят авторов за полезную информацию, некоторые просто говорят комплименты за интересный и полезный видеоконтент: *"супер полезная информация! Спасибо Мария"; "спасибо, интересная информация и классная идея пойти волонтером туда, куда хотелось бы попасть в дальнейшем"; "я бы хотел в приюте для животных поработать!"; "да, заниматься волонтерством – это действительно самое хорошее дело в мире!!! Помогать окружающим! Помощь людям, животным, обществу, одним словом всему миру!!! Спасибо Вам за волонтерство!!!"*

Комментарии отражают тот факт, что пользователи оценивают волонтерскую деятельность как важный этап в принятии социально значимых решений. Волонтерство – не просто дань моде или процесс одностороннего включения, волонтерство – это возможность "помогать нуждающимся и менять мир в лучшую сторону".

Меньший количественный отклик в сети получили те видео (что вполне естественно), которые были значительно позже размещены в сети.

В таблице 2 приведены количественные характеристики видеороликов о волонтерстве, подготовленных организациями.

Видеоролики, которые создаются организациями, менее популярны, чем ролики другой группы. Несмотря на более раннюю дату создания, часть роликов имеет очень небольшое количество комментариев. Это отражает основную функцию роликов, созданных организациями – информационную.

Таблица 2. Видеоролики организаций

Название видео	Название видеоканала	Дата создания	Количество просмотров	Количество лайков	Количество комментариев
Я – волонтер	Организация "Перспективы" Санкт-Петербург	21.07.2016	21 671	217	8
Социальный ролик "Волонтеры КиноАкадемии"	Всероссийский детский оздоровительно-образовательный центр "Смена"	25.08.2018	935	21	1
Стать волонтером: с чего начать?	Школа социального волонтерства	23.05.2016	11 162	263	33
Один день из жизни волонтера	Фонд "Подари жизнь"	5.12.2012	5 850	78	5
Почему быть волонтером круто?	Свежий Взгляд	4.12.2018	264 251	1800.	78

Источник: составлено авторами

Зритель приходит за информацией, получает её и на этом все заканчивается, диалога не происходит.

С персонализированными роликами дела обстоят немного по-другому. Автор видео не всегда освещает в своем видеоблоге только благотворительность и волонтерство. Жизненные влоги интересны зрителям в основном из-за личности самого автора. И если он занимается волонтерством, то это поднимает его рейтинг, с одной стороны, и мотивирует к такой деятельности его зрителей, с другой.

Очевидно, что специально за информацией о волонтерстве в сеть приходят люди, которые уже приняли решение стать добровольцем, или, как минимум, обладают какого-то рода информацией. Тогда для них полезнее и продуктивнее обращаться к видео соответствующих организаций.

Зрители же личных влогов в большей степени получают добровольческий стимул от своих кумиров, которые готовы помогать людям. Среди медийных личностей, пропагандирующих волонтерство и благотворительность, не только популярные видеоблогеры, но и другие известные личности. Так, актер и режиссер Константин Хабенский на своем личном канале рассказывает о благотворительности и волонтерстве [3]. Наталья Водянова, российская киноактриса и супермодель, является примером активного добровольчества, о чем и рассказывает в своем видео [10]. Ролики известных людей достаточно сильно мотивируют пользователей к включению в благотворительную деятельность, а также дают зрителям понять, что волонтерство является одной из возможностей влиять на принятие социально значимых решений.

Положительный пример, дополненный полезной информацией, способствует распространению волонтерских практик как повседневных практик в жизни современных подростков и молодежи.

Волонтерство и видеоблоги: обратная связь

Обратная связь по поводу видеоблогов и видеороликов о волонтерстве была получена от студентов Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в ходе групповых обсуждений и выполнения студентами индивидуальных заданий.

Предварительно полученные данные демонстрируют в целом положительное отношение студентов к видеоблогосфере, видеоблогам и видеороликам о волонтерах и т.п. Это неоднократно отмечают участники группового обсуждения:

Освещение волонтерами проблемы в интернете, да еще и в визуальной (видео) форме может привлечь внимание к социальным проблемам (Лиза, 21 год)

Для детей-подписчиков видеоблогов важен личный пример видеоблогера: Если любимый блогер ребёнка скажет, что волонтерство это круто и полезно, то он будет считаться с его мнением. На своём примере блогеры показывают, как важно помогать людям. (Люба, 20 лет)

Участники дискуссии в большей степени говорили о социальных ролях, созданных для информирования аудитории о возможностях включения в добровольческую деятельность:

Узнать контакты волонтерских организаций, понять интересно ли им это или нет, и какие трудности и обязанности их ждут впереди (Юля, 20 лет).

Видеоблоги могут быть ответами на некоторые вопросы тех, кто хочет заняться волонтерством, но ничего еще не знает (Юля, 21 год).

Однако студенты также говорили о рекламном характере видеороликов, самопиаре видеоблогеров за счет демонстрации собственного включения в социально значимую деятельность:

Многие используют это для собственного самоудовлетворения и выгоды (Елена, 22 года).

В качестве индивидуального задания студентам предлагалось сравнить два видеоролика о волонтерстве. Первый ролик "МЫВМЕСТЕ2020" – из группы индивидуальных, второй "Я-волонтер" – создан организацией [6, 15]. Участникам исследования предлагалось сравнить их, оценить мотивирующее воздействие каждого и возможность волонтеров участвовать в принятии социально значимых решений.

Относительно индивидуального ролика респонденты подчеркивали его информативность, эмоциональную сдержанность, личный пример автора:

Для меня более мотивирующим оказался ролик "МЫВМЕСТЕ2020", так как в отличие от первого он менее эмоциональный, более информативный и конкретный. На примере девушки можно проследить, что помочь другим совсем не сложно, но очень полезно. Также видео содержит примерную информацию о том, куда можно обратиться для волонтерства во время пандемии, какие есть особые указания и правила (Екатерина, 19 лет).

Интересно наблюдать за самим процессом, так сказать, узнавать всё изнутри от самого волонтера, как они осуществляют помощь (Света, 18 лет).

То есть в первом ролике видна личность автора, ролик персонифицирован, автор показывает "кусочек" своей жизни. Кроме того, студенты-участники исследования интерпретируют действия видеоблогера как его личный выбор и возможность оказывать влияние на принятие социально значимых решений:

Девушка рассказывает, что приняла это решение сама, что это не так сложно вынести мусор, купить продукты, зато вы делаете добро людям и получаете большую благодарность взамен (Света, 18 лет).

Другой респондент, подчеркивая участие волонтера из первого ролика в принятии социально значимых решений, аргументирует:

Возможность определенного принятия решений у волонтеров проявляется в большей степени в первом ролике, так как в нем показан пример изменяющихся условий среды (на примере пандемии коронавируса), и даже сама девушка в нем говорит о том, как можно было бы модернизировать способ помощи нуждающимся людям (например, делать заказы у доставщиков или заранее собирать заказы) (Марина, 18 лет).

То есть волонтеры, будучи вовлечены в деятельность по оказанию помощи нуждающимся, могут дать дельные советы по ее совершенствованию.

Еще один участник исследования – Ольга (20 лет) так объясняет возможность волонтеров участвовать в принятии социально значимых решений: *Эта возможность, в первую очередь, выражается в самом решении, помочь или не помочь (то есть, быть ли волонтером), затем в выборе конкретной сферы, где помочь хочется и кажется наиболее важным, а также в принятии решения, как именно помочь. Хотя в первом видео приводился пример "регламентированной" помощи, всё же приходилось подумать, например, как достать недоступные парацетамол и маски.*

Мария (19 лет), демонстрируя собственную осведомленность о современных влогерах (блогер Дава Манукян; телеведущая и блогер Настя Ивлева; блогер и модель Ника Вайпер; российская телеведущая и видеоблогер Ида Галич; модель, блогер и актриса Карина Кросс), заключает:

Сегодня каждый видеоблогер занимается благотворительностью. Не будем делать поспешных выводов, с чем это связано. Но хочется верить, что всё идет от чистого сердца, а не ради пиара и общественного мнения, дабы показать свою значимость.

Другая часть участников исследования, высказываясь в пользу второго ролика, отмечают его эмоциональную насыщенность:

Эмоционально он более ярок и заставляет проникнуться судьбой этих детей. В особенности на это влияет то, что он короткий, в нем сказана самая важная информация, а также используется эмоциональная песня, что также способствует проявлению эмпатии со стороны зрителя (Марина, 18 лет).

Профессиональные видеоролики как раз и отличаются от любительских сильным эмоциональным воздействием благодаря хорошо продуманному сценарию, музыкальному оформлению, выбранным действующим лицам и пр. Хотя подобный профессионализм может стать отгалкивающим фактором, как, например, в случае с Анастасией (19 лет). Студентка сравнивает два видеоролика:

Первый ролик (ролик Полины) мотивирует сильнее, ведь девушка говорит от себя, рассказывает всё как есть, не завлекает, пытаясь вызвать эмоции жалости и сочувствия, а конкретно и доступно объясняет, что приходится делать волонтерам, и проявляет свои эмоции, говорит о своих чувствах. А вот второе видео кажется несколько манипулятивным, оно способно растрогать до слёз, но именно это отталкивает, создаётся впечатление, что "делать добро" навязывают.

Выводы

Видеоблогосфера стала неотъемлемой частью повседневной жизни современной молодежи, а видеоблогеры стали такими же популярными медийными личностями, как телеведущие и артисты. Видеоблогеры и видеоблогинг оказывают мощное воздействие на молодых людей, при этом воздействие может быть, как созидательным, направленным, к примеру, на вовлечение в волонтерство, так и разрушительным, провоцирующим пользователей на опасные эксперименты. Мы обращаемся к позитивной стороне видеоблогинга, мотивирующей аудиторию к вовлечению в социально значимую деятельность, оказание помощи нуждающимся.

Можно констатировать огромный потенциал видеоблогосферы в привлечении внимания аудитории к решению социально значимых проблем, в том числе через участие молодежи в волонтерской деятельности.

Видеоролики о волонтерстве, профессиональные и любительские, обладают разным по силе эмоциональным и мотивирующим воздействием на аудиторию. На пользователей более сильное влияние оказывают видеоролики, максимально приближенные к жизни, с одной стороны, а с другой – ролики, в которых присутствует медийная личность – известный видеоблогер, актер, телеведущий и т.п. Срабатывает эффект вовлеченности в чужую жизнь, в данном случае – жизнь видеоблогера, показывающего на собственном примере, что можно сделать, чтобы изменить мир в лучшую сторону. Возможность волонтера участвовать в решении социально значимых вопросов начинается с принятия собственного решения о волонтерстве, выборе конкретной сферы волонтерства, и продолжается в практических действиях на этом пути и действиях по улучшению добровольческой работы. Любой волонтер, погрузившись в свою работу, начинает понимать, как можно ее улучшить, сделать более продуктивной, справиться с ситуацией в условиях ограниченности ресурсов (как, например, в случае с помощью пожилым в период пандемии).

Литература

1. Абросимова Е.Е. Детский видеоблогинг. Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус. Тематический словарь-справочник. М.: Российское общество социологов, 2018. С. 309–313.
2. Абросимова Е.Е., Филипова А.Г., Ардалиanova А.Ю. Видеоблогинг глазами детей и взрослых: социологический анализ. СПб.: Астерион, 2019. 230 с.
3. Актёр и режиссёр Константин Хабенский о благотворительности и волонтерстве. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BGWa_A6hOeo (дата обращения: 3.10.2020).
4. Брошены, но не забыты. Я волонтер. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ijvw5QjtVvA> (дата обращения: 3.10.2020).
5. Бычкова М.Б. Современный видеоблог: причины популярности и жанровое многообразие // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 127–131.
6. Видеоблог Polina Experience. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aPLBMJjsSR0> (дата обращения: 3.10.2020).
7. Видеоблог The Alice Twins. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Fypw3nMxdUQ> (дата обращения: 3.10.2020).
8. Капранов Г.А. Волонтерство в США // Воспитание школьников. 2010. № 2. С. 66–70.
9. Мулюкова А.И. Видеоблогинг как средство интернет коммуникации // Всероссийская с международным участием научная конференция студентов и аспирантов "Слово и текст в культурном и политическом пространстве". Сыктывкар: ФГБОУ ВО "Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина", 2017. С. 270–271.
10. Наталья Водянова о благотворительности. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Evzx398YZYg> (дата обращения: 3.10.2020).
11. Один день из жизни волонтера. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OvAkLL5XkSQ&t=62s> (дата обращения: 5.10.2020).
12. Певная М.В., Кузьминчук А.А. Социологический анализ нормативно-правового регулирования волонтерства в США и России // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 126. № 2. С. 131–139.
13. Середа П. В. Видеоблог как способ развития навыков аудирования при обучении иностранному языку // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КУБГУ". 2017. № 2. С. 276–281.
14. Статья волонтером: с чего начать? [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BEdxJO_tSZM&t=70s (дата обращения: 15.09.2020).
15. Я – волонтер. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v2PDrZCdLHs> (дата обращения: 15.09.2020).
16. The most generous state in America. By Thom Patterson. [Электронный ресурс]. URL: <https://us.cnn.com/2019/06/04/us/volunteering-statistics-united-states-america-cfc/index.html> (дата обращения: 5.10.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abrosimova E.E. Detskij videoblogging. Detstvo XXI veka: sotsiogumanitarnyj tezaurus. Tematicheskij slovar'-spravochnik. M.: Rossijskoe obshhestvo sotsiologov, 2018. S. 309–313.
2. Abrosimova E.E., Filipova A.G., Ardal'yanova A.YU. Videoblogging glazami detej i vzroslykh: sotsiologicheskij analiz. SPb.: Asterion, 2019. 230 s.
3. Aktyor i rezhissyor Konstantin KHabenskij o blagotvoritel'nosti i volontyorstve. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BGWa_A6hOeo (data obrashheniya: 3.10.2020).
4. Brosheny, no ne zabyty. YA volonter. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ijvw5QjtVvA> (data obrashheniya: 3.10.2020).
5. Bychkova M.B. Sovremennyy videoblog: prichiny populyarnosti i zhanrovoe mnogoobrazie // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2019. № 1 (60). S. 127–131.
6. Videoblog Polina Experience. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aPLBMJjsSR0> (data obrashheniya: 3.10.2020).
7. Videoblog The Alice Twins. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Fypw3nMxdUQ> (data obrashheniya: 3.10.2020).
8. Kapranov G.A. Volonterstvo v SSHA // Vospitanie shkol'nikov. 2010. № 2. S. 66–70.
9. Mulyukova A.I. Videoblogging kak sredstvo internet kommunikatsii // Vserossijskaya s mezhdunarodnym uchastiem nauchnaya konferentsiya studentov i aspirantov

"Slovo i tekst v kul'turnom i politicheskom prostranstve". Syktyvkar: FGBOU VO "Syktyvskarskij gosudarstvennyj universitet im. Pitirima Sorokina", 2017. S. 270–271.

10. Natal'ya Vodyanova o blagotvoritel'nosti. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Evzx398YZYg> (data obrashheniya: 3.10.2020).

11. Odin den' iz zhizni volontera. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OvAkLL5XkSQ&t=62s> (data obrashheniya: 5.10.2020).

12. Pevnaya M.V., Kuz'minchuk A.A. Sotsiologicheskij analiz normativno-pravovogo regulirovaniya volonterstva v SSHA i Rossii // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2014. T.–126. № 2. S. 131–139.

13. Šereda P. V. Videoblog kak sposob razvitiya navykov audirovaniya pri obuchenii inostrannomu yazyku // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды KUBGTU". 2017. № 2. S. 276–281.

14. Stat' volontyorom: s chego nachat'? [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BEdxJO_tSZM&t=70s (data obrashheniya: 15.09.2020).

15. YA – volonter. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v2PDrZCdLHs> (data obrashheniya: 15.09.2020).

16. The most generous state in America. By Thom Patterson. [Электронный ресурс]. URL: <https://us.cnn.com/2019/06/04/us/volunteering-statistics-united-states-america-cfc/index.html> (data obrashheniya: 5.10.2020).

Абросимова Е. Е., Филипова А. Г. Размышления о волонтерстве в видеоблогосфере: возможности участия в принятии социально значимых решений.

В статье представлен анализ двух современных явлений – волонтерства и видеоблогинга, точкой соединения которых стало участие молодежи в принятии социально значимых решений. Эмпирическим материалом для анализа стали индивидуальные видеоролики и видеоролики организаций, а также транскрипты двух молодежных фокус-групп и выполненные студентами индивидуальные задания на сравнение двух видеороликов. Полученные данные рассматриваются с точки зрения ресурсов видеоблогинга по вовлечению молодой аудитории в социально значимую деятельность, а также отражению в видеороликах возможности для волонтеров участвовать в принятии социально значимых решений. В ходе анализа выделены и сравниваются индивидуальные и организационные, профессиональные и любительские видеоролики о волонтерстве.

Ключевые слова: волонтерство, видеоблогинг, видеоблогер, участие в принятии социально значимых решений, молодежь

Abrosimova E. E., Filipova A. G. Reflections on Volunteering in the Video Blogosphere: Opportunities for Participation in Social Decision Making.

The article presents an analysis of two modern phenomena – volunteering and video blogging, the connecting point of which was the participation of young people in making socially significant decisions. The empirical material for the analysis was videos of two groups – individual videos and videos of organizations, as well as transcripts of two youth focus groups and individual tasks performed by students to compare the two videos. The obtained data are considered from the point of view of video blogging resources for engaging a young audience in socially significant activities, as well as reflecting in videos the ability of volunteers to participate in making socially significant decisions. The analysis highlighted and compared individual and organizational, professional and amateur videos about volunteering.

Key words: volunteering, video blogging, video blogger, participation in making socially significant decisions, youth

---

Для цитирования: Абросимова Е. Е., Филипова А. Г. Размышления о волонтерстве в видеоблогосфере: возможности участия в принятии социально значимых решений // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 95–103. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/95-103

For citation: Abrosimova E. E., Filipova A. G. Reflections on Volunteering in the Video Blogosphere: Opportunities for Participation in Social Decision Making // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 95–103. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/95-103

**Концепция Си Цзиньпина
"сообщество единой судьбы человечества" –
вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке**

Обоснованная в документах XVIII съезда КПК и творчески развитая в последующих решениях правящей Коммунистической партии Китая концепция "сообщества единой судьбы человечества" (СЕСЧ) стала важнейшей частью философско-политического концепта Си Цзиньпина "о социализме с китайской спецификой в новой эпохе" (или "Мысли Си Цзиньпина") [10; 13; 14, р. 24].

В ней говорится: "Китай выступает за создание общего будущего для человечества и способствует развитию глобальной системы управления. Благодаря этому растёт международное влияние Китая, его способность вдохновлять народы мира на общий прогресс и процветание" [20]. Этот тезис получил развитие в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК, в котором отмечается большой вклад КНР в глобальный мир и развитие [16; 22, с. 510]. В декабре 2017 г. на встрече с лидерами ведущих политических партий мира в Пекине Си Цзиньпин заявил, что создание "сообщества единой судьбы человечества" трансформируется из концепции в практические действия. Эта концепция становится одним из ключевых элементов современной китайской дипломатической стратегии, направленной на полную реализацию "китайской мечты" [21, с. 399]. Она основана на принципах традиционной китайской культуры, отражающей фундаментальные общечеловеческие ценности. Одновременно она является важным вкладом в творческое развитие марксистской теории в XXI веке [10, с. 37–39; 12; 14]. В марксистской традиции в этой концепции предостылены размышления о ключевых проблемах современного мира. В ней подчёркивается, что в современных условиях человечество должно разрешать конфликты и противоречия на основе целостного понимания мира, и, как следствие, развивать цивилизацию на условиях гармонии и процветания всех народов и всего международного сообщества. Эта концепция воплощает марксистское понимание законов общественного развития, значение теории для практического применения [10, с. 41–43; 12, р. 2]. Это роднит её с конфуцианской идеей "единства в различии" (和而不同) и теорией "Поднебесной", или "тянься" (天下) – "Все под одним небом" ("Все-под-небесами"). Сейчас эта стратегия широко обсуждается в китайском и западном научном сообществе.

Концепция СЕСЧ, объединяя весь мир под одной крышей, вышла за пределы одной страны. Она призвана мирными средствами урегулировать конфликты [18]. Конечной целью реализации концепции должно быть открытие рынков для стран-участниц и завершение строительства масштабной транспортно-логистической системы "Пояс и путь".

Согласно стратегии "тянься", все страны должны вносить свой вклад в сохранение мира и всеобщее развитие. "Сообщество стран единой судьбы" тесно связано с такими концепциями, как "гармония – наивысшая ценность" (和为贵), "мировое тождество" (世界大同) и "гармония между небом и человеком" (天人合一). Характерно, что К. Маркс и Ф. Энгельс в "Манифесте Коммунистической партии" также рассуждают о гармонии в коммунистическом обществе [4].

© Бояркина А. В., Печерица В. Ф., 2020

БОЯРКИНА Анна Владимировна, канд. полит. наук, доцент Академического департамента английского языка Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** aboyarkina@gmail.com

ПЕЧЕРИЦА Владимир Федорович, д-р ист. наук, профессор кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** prof.pecheritsa@gmail.com

Дружба, взаимовыгодное сотрудничество между народами всегда были приоритетом для Поднебесной. Эти непреходящие ценности находят отражение и в концепции "сообщество стран единой судьбы" Си Цзиньпина, которая представляет собой логичный и здравый путь Китая как ответственной великой державы за глобальное развитие [1, с. 58; 19].

Цзы Ян, американский аналитик китайского происхождения, считает, что в рамках этой стратегии китайское руководство во главе с Си Цзиньпином проводят новую кампанию по открытию и внедрению традиционной китайской культуры во внешнеполитическое управление страной. По его мнению, одним из главных факторов возрождения традиционной политической культуры является "духовная пустота", которую необходимо заполнить неоконфуцианством, которое по духу очень близко марксизму [15].

Позицию возрождения традиционной политической культуры в управлении современным государством разделяет исследователь марксизма Лю Шижэнь. Он определяет марксистскую теорию как основу национальной идеологии КНР. Интересным является тот факт, что Лю Шижэнь называет марксистскую теорию не государственной идеологией напрямую, а "философией с традиционными китайскими ценностями в условиях сложной и меняющейся глобальной окружающей среды в XXI веке". Коммунистическая партия Китая разрабатывает теоретические инновации и анализирует конкретные проблемы в каждом конкретном случае. СЕСЧ объединяет общую теорию марксизма с действительностью Китая и продвигает теоретические инновации на практике. Именно это и является источником жизнеспособности теории марксизма. Лю Шижэнь полагает, что некоторые философско-культурные идеи марксизма тесно связаны и происходят из культурных концептов Древнего Китая, в первую очередь их конфуцианства [12, р. 2].

Судьба человечества – это целостное, систематическое и связанное единство. Китай, как великая и ответственная держава, должен не только решать свои собственные проблемы, но и активно участвовать в глобальном управлении. КНР может стать примером для тех стран, которые хотят независимости и быстрого развития одновременно. В новой эпохе концепция "сообщества единой судьбы человечества" наполнена философским значением с акцентом на теорию марксизма.

Лю Шижэнь определяет четыре теоретических аспекта, на которые опирается концепция СЕСЧ. Во-первых, она выступает за равенство стран в борьбе против гегемонии. Все государства, большие или малые, должны уважать друг друга. Великая держава не может вмешиваться во внутренние дела другой страны. Во-вторых, СЕСЧ подчёркивает взаимосвязь людей из разных стран, конфессий, цивилизаций. Прогресс и развитие человечества в целом зависит от уважения и соблюдения взаимных интересов и укрепления международного сотрудничества. В-третьих, необходимо всем странам снизить потребление и придерживаться устойчивого развития. Земля – единственный дом человечества и его необходимо защищать. В-четвертых, страны должны сотрудничать друг с другом в целях накопления опыта управления и установления гармоничных международных отношений [12].

Положения теории Маркса взяты за основу экономического развития Китая в XXI в. [2, с. 189]. Согласно этой теории, люди живут в мире, где всё взаимосвязано и ничто не изолировано. Научно-технический прогресс соединяет население планеты. Это приводит к изменениям в природе, в то время как разрушение природы в результате деятельности человека становится всё серьёзнее, и, как следствие, процесс глобализации ускоряется. Развитие информационных технологий снижает стоимость телекоммуникационных услуг и повышает их эффективность, превращая мир в глобальную деревню.

Эта система распространяется на доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные этапы развития. Постиндустриальное общество преодолевает империализм как господствующую систему его жизни. Однако основные идеологические системы отстают от этого процесса, а потому вопрос, станет ли марксизм лидером в переосмыслении роли капитализма и его будущего, остаётся открытым [2, с. 189].

Всё человечество объединено в мировое сообщество, где всё взаимосвязано. Все страны должны сотрудничать, чтобы пережить экономические

кризисы и сохранять устойчивое социально-экономическое развитие мира. Именно на это направлена китайская инициатива "Пояс и путь", которая стимулирует развитие многих развивающихся стран и даже некоторых развитых стран, прежде всего, Азии и Европы. Они получают возможность масштабного строить или улучшать инфраструктуру. Многие страны укрепляют связи с Китаем в рамках идеи "сотрудничества и обмена, взаимной пользы", которая, в свою очередь, стимулирует рост мировой торговли.

СЕСЧ – сложная концепция, в которой научно обоснованы три элемента отношений между целым и частями реального мира. Это отношения мира и человечества; отношения между странами всего мира и отношения правительства и населения. Земля, – говорится в этой концепции, – это целое, и человек как часть целого, существует в этой системе, все страны взаимосвязаны и образуют единство.

Духовные и социальные факторы определяют отношение к природе в культурно-философском исследовании вопроса среды обитания человека. В духовном и материальном пространстве существуют взаимосвязи, отношения между людьми, как представителями среды обитания человека и между людьми и объектами живой и неживой природы [9, с. 24].

Среда обитания человека – это та часть духовного и материального пространства, в которой складываются духовные и материальные отношения. Это дом для всех людей, человечество должно нести ответственность не только за себя, но и за следующее поколение. Люди не могут нанести ущерб окружающей среде ради своих собственных интересов [10, с. 538; 22 с. 442–445]. Эти рассуждения Си Цзиньпина во многом созвучны с мыслями К. Маркса о единстве противоположностей и мирном сосуществовании с природой. Теория марксизма рассматривает мир с точки зрения диалектики и считает, что развитие мира в конечном счете обусловлено противоречиями, которые содержат два аспекта противоположности и единства. Единство и конфликт противоречий, а также противоположности и единство обеих сторон способствуют развитию всего человечества. Современный мир – это единство противоречий. В нём страны как противоположны, так и зависят друг от друга. Они конкурируют в сотрудничестве, и взаимодействуют в конкуренции. Концепция "сообщества единой судьбы человечества" как раз подчёркивает конкуренцию в условиях диалога цивилизаций, что и отражает единство противоположностей.

К. Маркс и Ф. Энгельс определяют "коммунизм" как "учение об освобождении, которое было невозможно для рабов, крепостных или ремесленников, а стало возможно только для пролетариев", и поэтому за ним будущее. Коммунизм – та ступень развития, которая снимает все противоречия и антагонизмы [6, с. 358]. Коммунисты являются самой решительной, побуждающей к движению вперёд частью рабочих партий всех стран. Своей целью коммунисты ставят сформировать пролетариат в класс, ниспровергающий господство буржуазии, и завоевать власть не только у себя в стране, но и во всём мире [4, с. 39].

Маркс и Энгельс считают революцию 1848 г. подготовительным этапом для революции коммунистической, когда возможно обретение единства и независимости для тех наций, которые не имели их до этого периода. Буржуазная революция на Западе благодаря развитию крупной промышленности создаёт "многочисленный, сконцентрированный и сильный" рабочий класс. Искреннее международное сотрудничество европейских наций возможно при условии, если каждая нация распоряжается в своём доме. Гармоническое сотрудничество этих наций необходимо, поскольку только пролетариат способен установить общеевропейскую независимость и определить свободное и единое направление рабочего движения по всей Европе [4, с. 20].

"Без установления независимости и единства каждой отдельной нации, – пишут Маркс и Энгельс, – невозможно ни интернациональное объединение пролетариата, ни мирное и сознательное сотрудничество этих наций для достижения общих целей". Они не представляют национальное объединение итальянских, немецких, русских, польских и других рабочих до 1848 года [4, с. 22].

Маркс и Энгельс критикуют буржуазное общество за то, что в нём человек трудящийся лишен возможности действовать и мыслить самостоятельно.

В коммунистическом обществе труд обогащает и расширяет опыт рабочих. В буржуазном обществе, где капитал диктует условия независимости, прошлое господствует над настоящим. В коммунистическом же обществе – настоящее господствует над прошлым. Будущее объединение наций и установление демократии именно за этим обществом [4, с. 41; 47].

Для нового общего дома трудящихся Европы Маркс и Энгельс устанавливают такие меры, как высокий прогрессивный налог, отмена права наследования, централизация транспорта государством, обязательный труд для всех, общественное и бесплатное воспитание всех детей и т.д. [4, с. 46–47].

Равенство, считают классики марксизма, должно быть в государственной, общественной и экономической жизни [5, с. 108]. Маркс определяет экономические основы отмирания государства в старом обществе и видит необходимость развития коммунизма в новом. В "Критике Готской программы" (Письмо к Бракке от 5 мая 1875 года) Маркс опровергает лассалевскую идею "распределения трудового дохода или "неурезанного продукта труда" [7, с. 17]. Он проектирует "государство будущего" и определяет низшую и высшую фазы коммунистического общества.

В первой фазе коммунистического общества Маркс анализирует условия жизни в рамках социалистического строя и отсутствием капитализма. Он пишет: "Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит*... из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях сохраняет пятна старого общества, из недр которого оно вышло" [7, с. 18]. Другими словами, необходим полный коммунизм для достижения высшей фазы.

Отмечая недостатки у Германской рабочей партии, он подчёркивает, что "лишь общественный труд становится источником богатства и культуры". Он коллективно регулируется, и каждый производитель получает обратно от общества именно столько, сколько сам ему отдаёт. На примере прусско-германского государства Маркс критикует в буржуазном обществе трудовое "равное право" за то, что оно ограничено рамками этого общества – экономически, нравственными и умственными [7, с. 19–20].

Трудовое право в буржуазном государстве, считает Маркс, по сути является неравным. В таком обществе существует превосходство физическое или умственное, одного человека над другим, так как все люди не равны друг другу. Этот недостаток неизбежен в первой фазе коммунистического общества, когда ещё сохраняется влияние капитализма [7, с. 19]. В противовес налогообложению в коммунистическом обществе Маркс приводит пример Швейцарии, где существует подоходный налог с различных общественных классов.

Невозможно также равное для всех народное воспитание через государство. Сильное влияние в буржуазном обществе на школы кроме правительства оказывает церковь, считает К. Маркс [7, с. 15–30].

На высшем этапе коммунистического общества с исчезновением разделения труда и противоборством умственного и физического труда, когда труд станет первой потребностью жизни, с ростом производительных сил и когда источники общественного богатства станут доступными для всех, тогда можно преодолеть буржуазное право и написать на знамени – "Каждый по способностям, каждому по потребностям!" [7, с. 20].

Как и классики марксизма, современные идеологи и руководители КПК считают наступление коммунизма переходом человечества от "предыстории" к "действительной истории", в которой человек становится на самом деле творцом истории, призывающий к объединению и совместному сосуществованию. Это положение приобретает особое значение в логике развития человеческой цивилизации. Эту идею глубоко обосновывает В.И. Ленин. В обществах, разделённых на классы, считает он, неизбежны войны между государствами. Характер войны определяется прежде всего тем, какая политика осуществляется и проводится воюющими сторонами. Ленин утверждает, что при капиталистическом развитии человечество зайдёт в тупик, он предлагает новую идеологию и выступает за справедливость, братство, равенство людей разных национальностей. "Чистой" демократии Ленин противопоставляет подлинное

государство народа, немислимое без передачи средств производства в общее пользование [8, с. 76–78].

По мысли Ленина, социализм соответствует новому строю и будущему людей на планете. Революционные меры и революционный демократизм "излечивают раны войны". Ленин не считает себя утопистом и пишет, что не только зажиточный класс и чиновничество способны эффективно управлять новым государством. Однако "чернорабочий или кухарка" также не смогут им руководить, поэтому необходимо "к обучению этому привлечь всех трудящихся, всю бедноту". "Сознательные рабочие должны руководить, но привлечь к делу управления они в состоянии настоящие массы трудящихся и угнетённых. Благодарный народ будет обучаться таким образом наглядно тому, каково республиканское равенство, свобода и братство..." [3, с. 315–316].

Размышляя о будущем человечества, В.И. Ленин пишет, что мировое сообщество представляет собой разнообразное единство с богатой историей и культурой, разными национальными характерами, которые в то же время наполняют мир противоречиями и конфликтами [3]. Возникает необходимость урегулирования этих противоречий и конфликтов путём межцивилизационного диалога. Эти ленинские мысли в современных условиях развивают китайские марксисты [12; 14]. Профессор Лю Шижэнь считает, что историко-культурное наследие и философско-этическая составляющая наследия Поднебесной обогащают и современную политическую культуру Китая и роднят её с марксизмом. Именно марксистская теория лежит в основе современной официальной идеологии КНР социализма с китайской спецификой. Она, как цементирующая сила, укрепляет межцивилизационные отношения КНР с другими странами, народами и конфессиями и органически взаимосвязана с концепцией СЕСЧ [12, р. 4].

Китайская цивилизация на протяжении почти пяти тысячи лет развивает гармоничное мышление о мире, согласии, гармонии и примирении. Можно сказать, что китайская традиционная культура – это духовный дом и материальное богатство. Для сохранения устойчивого развития китайская цивилизация опирается на идеи гармоничного мира, согласия и примирения. Они являются неотъемлемой частью этнопсихологического поля и национального менталитета китайского этноса. Обладание культурой для китайской цивилизации значит обладание способами управления и регулирования сакральным пространством [11, р. 718].

В традиционной культуре Китая "совершенство – это нравственность, положенное в основу учения о Середине". Данный принцип подчёркивает справедливость, миролюбие и беспристрастность, "позволяющие достигнуть (состояния) середины и гармонии, и тогда на земле и на небе будут царить благоденственный порядок и всеобщее процветание" [11, р. 721]. Именно о таком обществе пишут Маркс и Энгельс в "Манифесте Коммунистической партии" [4].

Только совместное сотрудничество всех стран и народов, о котором классики марксизма и за которое в XXI в. выступает Си Цзиньпин, позволит разрешить острые проблемы, стоящие перед человечеством и открыть дорогу для процветания и гармонии.

Концепт "гармония" – это конечная стратегическая цель развития Китая и всего мира. Она преследуют все важнейшие социальные действия людей нашей планеты. В ней скрыта сплочённая мощь и центрирующая сила, порождающая всё живое. Не существует единого мира без "гармонии", как и нет гармоничного существования между Небом и Землей, так как только "гармония" между всем живым поддерживает единство Вселенной в целом; она связывает противоположные свойства и устраняет противоречия. "Выход за пределы двойственности и не достижение общей цели приводят к разрушению единства гармонии" [11, р. 721].

Концепция "сообщества единой судьбы человечества" не отменяет различия между цивилизациями, религиями, но связывает интересы каждого человека с перспективами развития страны. При реализации правильного пути, согласно марксистской теории, совместное развитие стран сможет решить ряд проблем не только китайцев, но и населения других стран, сформирует привлекательный образ Китая как ответственной державы, продемонстриру-

ет ценность "Великой гармонии". Это называется идеальным обществом" или коммунизмом [11, р. 719; 12, р. 5].

Сущность "Великой гармонии" Китая всегда связывали с "благом народа", его "обогащением" и "успокоением" в безграничном стремлении к светлому будущему всего человечества. "Идеальное общество Великой гармонии" рассматривается как организм, способствующий устранению зла и негативных элементов, что роднит его с "обществом единой судьбы человечества" как с новым этапом развития марксистской теории.

Как и марксизм, концепция СЕСЧ ориентирует народы мира на борьбу с глобальными вызовами, на соблюдение и уважение права стран на самостоятельное применение своей социальной системы и путей развития, содействие взаимному обмену и сотрудничеству между странами. На то, чтобы исследовать пути сотрудничества, соответствующие устойчивому развитию, взаимной выгоде для всего человечества. Она направлена на совершенствование системы глобального управления, строительства и развития новых коммуникаций, углубления отношений между КНР и миром [13].

В реализации этой концепции руководство КНР опирается на собственную богатую традиционную политическую культуру, выработанную на протяжении всей истории китайской цивилизации, и теоретические положения марксизма.

Следовательно, китайская концепция "общества единой судьбы человечества", основанная на традиционных идеях политической культуры Китая, и обогащённая марксистскими положениями, показывает взаимосвязь и взаимозависимость в эффективном развитии больших и малых стран, открывает народам и правительствам различных государств пути разрешения конфликтов мирным путём, ведёт человечество к всеобщему благоденствию. "Общество единой судьбы человечества", как и марксистская теория, направлено на улучшение управления взаимоотношениями целого и части, материального и духовного уровня жизни населения не только отдельных государств, но и всего мира.

Итак, концепция "общества единой судьбы человечества" является одной из важнейших философско-дипломатических стратегий в XXI веке. Она дополняет и творчески развивает теорию марксизма, отражающую взгляд на мир и человечество с точки зрения взаимосвязанности развития Китая и других стран. Она показывает ориентиры по совершенствованию управления взаимоотношениями целого и частей, пути улучшения условий жизни человечества. Эта концепция XXI века основана на традиционной китайской культуре и искусстве управления государством. Она связана с конфуцианскими заветами и постулатами, такими как "гармония – наивысшая ценность", "великое единение" и "гармония между небом и человеком". Это роднит её с идеями марксизма о том, что человек существует в нерасторжимом единстве с природой, частью которой он является.

Концепция СЕСЧ показывает перспективу международного сотрудничества и международного порядка. В новой эпохе взаимосвязь философской, политической культуры народов и "общества единой судьбы человечества" способствует укреплению и улучшению глобального управления. Концепция "общества единой судьбы человечества" – это долгосрочная программа мирового развития, осмысления нового миропорядка, новых международных отношений.

Литература

1. Бояркина А.В., Печерица В.Ф., Мефодьева С.А. Традиционная культура Китая в контексте концепции "общества единой судьбы для человечества" // Вест. Забайкальск. гос. ун-та. № 8 (24). 2018. С. 56–64.
2. Кремлёва Е.А., Бенц Д.С., Мамаева Н.О., Платонова А.Е., Басырова Д.М., Савельев Е.Д., Рыжаков И.С. Актуальность учений марксизма в современном мире. 200-летию К. Маркса посвящается // Вестник Челябинского государственного университета. № 7 (417). Экономические науки. Вып. 61. 2018. С. 184–191.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Удержат ли большевики государственную власть? // Издание Пятое. Том 34. Июль – октябрь 1917. М.: Государствен-

ное издательство политической литературы, Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1962.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Издательство политической литературы, 1989.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Гл. X. Мораль и право. Равенство // К. Маркс, Ф. Энгельс. Издание второе. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 42. М.: Издательство политической литературы, 1974.

7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / Критика Готской программы. С. 9–32. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Издание второе. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

8. Народы мира о Ленине / Ленин и социалистический гуманизм" / под общ. ред. Г.Н. Голикова. М.: Издательство политической литературы, 1970. 303 с.

9. Подшивалов В.Н., Чернов А.В. Среда обитания человека в контексте формирования экологически ответственного мышления: социокультурный аспект//Вестник Челябинского государственного университета. № 33 (171). Философия. Социология. Культурология. Вып. 14. 2009. С. 24–29.

10. Си Цзиньпин. О государственном управлении. П. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2018. 802 с.

11. Chen Zhaohe. The Chinese cultural root of the community of common destiny for all mankind. Paper presented at the 4th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC), Advances in Social Science, Education and Humanities Research, Vol 142, 2017. Pp. 718–722.

12. Liu S.R. The philosophic interpretation of a community of shared future for mankind from the perspective of the Marxist philosophy // Open Access Library Journal, Vol. No 6, 2019. Pp. 1–6.

13. Yang Jiechi. Promoting the building of a community with a shared future for mankind//People's Daily. Nov. 19, 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://en.theorychina.org/xsqy_2477/201712/t20171212_360713.shtml (дата обращения: 31.05.2020).

14. Zhao Xiaochun. In pursuit of a community of shared future//World Century Publishing Corporation and Shanghai Institutes for International Studies China Quarterly of International Strategic Studies, 2018, Vol. 4, No 1, Pp. 23–37.

15. Zi Yang. Xi Jinping and the restoration of traditionalism in China//AsiaNews. it 07.11.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asianews.it/news-en/Xi-Jinping-andthe-Restoration-of-Traditionalism-in-China-41252.html> (дата обращения: 02.06.2020).

16. 10月18日, 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上作报告//人民网-人民日报. 2017年10月28日. (Доклад Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 18 октября 2017 г.//Жэньминьван-Жэньминь Жибао. 28.10.2017.) [Электронный ресурс]. URL:<http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c6409429613660.html> (дата обращения: 30.05.2020).

17. 阮宗泽. 人类命运共同体:中国的"世界梦"//国际问题研究, 2016 (1) : 9–21. Жуань Цзунцэ. "Сообщество единой судьбы человечества": "глобальная мечта" Китая// Исследования международных проблем. № 1, 2016. С. 9–21.

18. 天下体系: 世界制度哲学导论/赵汀阳 (著). 南京: 江苏教育出版社, 2005.04. (Система Тянься: введение в глобальную философию / Под. ред. Чжао Тинъяна. Нанкин: Изд-во Цзянсу Цзяоюй, 2005. С. 54–67.).

19. 习近平. 共同构建人类命运共同体—在联合国日内瓦总部的演讲//人民网. 2017年01月19日. (Совместное построение "сообщества единой судьбы человечества". Доклад Си Цзиньпина в штаб-квартире ООН в Женеве//Жэньминьван. 19.01.2017) [Электронный ресурс]. URL:<http://politics.people.com.cn/n1/2017/0119/c1001-29033860.html> (дата обращения: 10.06.2020).

20. 习近平致力倡建"人类命运共同体"//人民网—人民日报. 2018年10月07日. (Си Цзиньпин стремится создать "сообщество единой судьбы человечества"//Жэньминьван-Жэньминь Жибао. 07.10.2018.) [Электронный ресурс]. URL: <http://dangshi.people.com.cn/big5/n1/2018/1007/c85037-30326484.html> (дата обращения: 01.05.2020).

21. 中国关键词. 十九大篇: 全二册. 北京: 新世界出版社, 2018. ("Ключевые слова Китая. XIX Съезд/Бюро изданий и распространения китайского языка/"Синь Шицзе": Пекин, 2018).

22. 中国关键词. 治国理政篇: 全二册. 北京: 新世界出版社, 2019. ("Ключевые слова Китая. Управление государством/Бюро изданий и распространения китайского языка/"Синь Шицзе": Пекин, 2019).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Boyarkina A.V., Pecheritsa V.F., Mefod'eva S.A. Traditsionnaya kul'tura Kitaya v kontekste kontseptsii "soobshhestva edinoj sud'by dlya chelovechestva" // Vest. Zabajal'sk. gos. un-ta. № 8 (24). 2018. S. 56–64.
2. Kremlyova E.A., Bents D.S., Mamaeva N.O., Platonova A.E., Basyrova D.M., Savel'ev E.D., Ryzhakov I.S. Aktual'nost' uchenij marksizma v sovremennom mire. 200-letiyu K. Marksa posvyashhaetsya // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 7 (417). EHkonomicheskie nauki. Vyp. 61. 2018. S. 184–191.
3. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Uderzhat li bol'sheviki gosudarstvennyu vlast'/? // Izdanie Pyatoe. Tom 34. Iyul' – oktyabr' 1917. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, Institut Marksizma-Leninizma pri TSK KPSS, 1962.
4. Marks K., EHngel's F. Manifest Kommunisticheskoy partii. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1989.
5. Marks K., EHngel's F. Sochineniya. Gl. X. Moral' i pravo. Ravenstvo // K. Marks, F. EHngel's. Izdanie vtoroje. T. 20. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961.
6. Marks K., EHngel's F. Sochineniya. Izdanie vtoroje. T. 42. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974.
7. Marks K., EHngel's F. Sochineniya / Kritika Gotskoj programmy. S. 9–32. // K. Marks, F. EHngel's. Izdanie vtoroje. T. 19. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961.
8. Narody mira o Lenine / Lenin i sotsialisticheskij gumanizm" / pod obshh. red. G.N. Golikova. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970. 303 s.
9. Podshivalov V.N., CHernov A.V. Sreda obitaniya cheloveka v kontekste formirovaniya ehkologicheskij otvetstvennogo myshleniya: sotsiokul'turnyj aspekt//Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 33 (171). Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. Vyp. 14. 2009. S. 24–29.
10. Si TSzin'pin. O gosudarstvennom upravlenii. II. Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 2018. 802 s.
11. Chen Zhaohe. The Chinese cultural root of the community of common destiny for all mankind. Paper presented at the 4th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC), Advances in Social Science, Education and Humanities Research, Vol 142, 2017. Pp. 718–722.
12. Liu S.R. The philosophic interpretation of a community of shared future for mankind from the perspective of the Marxist philosophy // Open Access Library Journal, Vol. No 6, 2019. Pp. 1–6.
13. Yang Jiechi. Promoting the building of a community with a shared future for mankind//People's Daily. Nov. 19, 2017. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://en.theorychina.org/xsqy_2477/201712/t20171212_360713.shtml (data obrashheniya: 31.05.2020).
14. Zhao Xiaochun. In pursuit of a community of shared future//World Century Publishing Corporation and Shanghai Institutes for International Studies China Quarterly of International Strategic Studies, 2018, Vol. 4, No 1, Rr. 23–37.
15. Zi Yang. Xi Jinping and the restoration of traditionalism in China//AsiaNews. it 07.11.2017. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.asianews.it/news-en/Xi-Jinping-andthe-Restoration-of-Traditionalism-in-China-41252.html> (data obrashheniya: 02.06.2020).
16. 10月18日, 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上作报告//人民网-人民日报. 2017年10月28日. (Doklad Si TSzin'pina na XIX Vsekitajskom s"ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya. 18 oktyabrya 2017 g.//ZHehn'min'van-ZHehn'min' ZHibao. 28.10.2017.) [EHlektronnyj resurs]. URL:<http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c6409429613660.html> (data obrashheniya: 30.05.2020).
17. 阮宗泽. 人类命运共同体:中国的"世界梦"//国际问题研究, 2016 (1): 9–21. ZHuan' TSzshzhstzsh. "Soobshhestvo edinoj sud'by chelovechestva": "global'naya mechta" Kitaya// Issledovaniya mezhdunarodnykh problem. № 1, 2016. S. 9–21.
18. 天下体系: 世界制度哲学导论/赵汀阳 (著). 南京: 江苏教育出版社, 2005.04. (Sistema Tyan'sya: vvedenie v global'nyu filosofiyu / Pod. red. CHzhao Tin'yana. Nankin: Izd-vo TSzyansu TSzyaoyuj, 2005. S. 54–67.).
19. 习近平. 共同构建人类命运共同体—在联合国日内瓦总部的演讲//人民网. 2017年01月19日. (Sovmestnoe postroenie "soobshhestva edinoj sud'by chelovechestva". Doklad Si TSzin'pina v shtab-kvartire OON v ZHeneve//ZHehn'min'van. 19.01.2017) [EHlektronnyj resurs]. URL:<http://politics.people.com.cn/n1/2017/0119/c1001-29033860.html> (data obrashheniya: 10.06.2020).
20. 习近平致力倡建"人类命运共同体"//人民网—人民日报. 2018年10月07日. (Si TSzin'pin stremitsya sozdat' "soobshhestvo edinoj sud'by chelovechestva"//ZHehn'min'van-ZHehn'min' ZHibao. 07.10.2018.) [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://dangshi.people.com.cn/big5/n1/2018/1007/c85037-30326484.html> (data obrashheniya: 01.05.2020).

21. 中国关键词。十九大篇：全二册。北京：新世界出版社，2018。("Klyuchevye slova Kitaya. XIX S"ezd/Byuro izdaniy i rasprostraneniya kitajskogo yazyka/"Sin' SHitsze": Pekin, 2018).

22. 中国关键词。治国理政篇：全二册。北京：新世界出版社，2019。("Klyuchevye slova Kitaya. Upravlenie gosudarstvom/Byuro izdaniy i rasprostraneniya kitajskogo yazyka/"Sin' SHitsze": Pekin, 2019).

Бояркина А. В., Печерица В. Ф. Концепция Си Цзиньпина "сообщество единой судьбы человечества" – вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке.

Концепция Си Цзиньпина "сообщества единой судьбы человечества" (СЕСЧ) является одной из главных философско-дипломатических стратегий КНР в новой эпохе. Цель статьи – показать, каким образом "сообщество единой судьбы человечества" связано с древнекитайскими концепциями политической культуры и марксистской философией. Используются исторический и структурный методы политологии. Новизна исследования состоит в том, что СЕСЧ творчески развивает теорию марксизма, которая отражает взгляд на мир и человечество с точки зрения стран и народов, их культуры и религии. Проанализирована взаимосвязь марксистской теории с политической культурой Китая, основанной на традициях, китайских историко-культурных ценностях. Историко-культурное наследие Поднебесной обогащает и современную политическую культуру Китая, роднит её с марксизмом.

Ключевые слова: *Китай, концепция "сообщества единой судьбы человечества", Си Цзиньпин, марксизм, традиционная культура Китая, философия*

Boyarkina A. V., Pecheritsa V. F. Xi Jinping's concept of a community with a shared future for mankind – contribution in creative development of Marxism in the 21st century.

Xi Jinping's concept a community with a shared future for mankind is one of the significant Chinese philosophical and diplomatic strategies in the new era. The purpose of the article is to show how a community with a shared future for mankind is bound with the ancient Chinese concepts of political culture and Marxist philosophy. The authors use the historical and structural methods of political science. The novelty of the study is that the concept creatively develops Marxism, which reflects a view of the world and humanity from the point of view of countries and peoples, their culture and religion. There has been analyzed the relationship of Marxist theory with the political culture of China, based on Chinese traditions, historical and cultural values. The Chinese concept of a community with a shared future for mankind, enriched by Marxist principles, shows the interconnectedness and interdependence in the effective development of large and small countries, opens up the ways of resolving conflicts peacefully for the peoples and governments of various states, leads humanity to a universal prosperity. Chinese historical and cultural heritage enriches the modern Chinese political culture and makes it similar to Marxism.

Key words: *China, a community with a shared future for mankind, Xi Jinping, Marxism, Chinese traditional culture, philosophy*

Для цитирования: Бояркина А. В., Печерица В. Ф. Концепция Си Цзиньпина "сообщество единой судьбы человечества" – вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 104–112. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/104-112

For citation: Boyarkina A. V., Pecheritsa V. F. Xi Jinping's concept of a community with a shared future for mankind – contribution in creative development of Marxism in the 21st century // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 104–112. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/104-112

Концепция партнерства в современной китайской дипломатии

Окончание холодной войны расширило пространство и возможности для межгосударственных контактов и обменов. Одновременно с этим стали меняться их формы и содержание. Одним из свидетельств этого стала растущая популярность партнерства как формы взаимоотношений между государствами и другими международными акторами, определяющей чертой которой является стремление к достижению взаимной выгоды и обоюдного выигрыша.

В общем своем смысле термин "партнерство" используется для характеристики отношений сотрудничества, установленных для общего дела или общей цели. "Партнерство" в широком смысле относится к совместному разделению рисков и использованию выгод акторами, которые совместно участвуют в организации и осуществлении определенных видов сотрудничества. Такого рода взаимосвязи являются традиционным и достаточно распространенным явлением в экономической сфере. В современных исследованиях в области политологии, полагают некоторые ученые, "партнерство" означает постоянное общение на основе равного статуса в рамках общей цели сотрудничества и взаимной выгоды [26, с. 23]. В области международных отношений "партнерство" характеризует отношения сотрудничества, основанные на предпосылке взаимного уважения и равного доверия между странами, между странами и международными организациями, а также между международными организациями в целях поиска общих интересов или достижения общих целей. В западном дискурсе это понятие первоначально использовалось для обозначения союзнических отношений, восполняя недостаточность функции союзнического сотрудничества [23, с. 72]. Затем оно распространилось на конкретные дела в области политики, безопасности и экономики. Согласно исследованию Шона Кея (Sean Kay), понятие "стратегическое партнерство" прочно вошло в лексикон международной политики в 1990-х годах в ходе двусторонних согласований между СССР и США по вопросам европейской безопасности после Холодной войны [8]. Отдельно термин "партнерство" появился в Программе "Партнерство ради мира", принятом на Саммите НАТО в Брюсселе в 1994 г.

В дипломатической практике международного сообщества "партнерство" стало методом, используемым международными акторами. С окончанием холодной войны поиск новых "партнеров" и "друзей" в международных отношениях, похоже, трансформировался в одну из главных дипломатических целей самых разных стран. С ростом их взаимозависимости наличие большего числа "партнеров" означает расширение дипломатического пространства и повышение стратегической позиции. Многие страны рассматривают "партнерство" как важную дипломатическую стратегию, но только Китай рассматривает его как долгосрочную стратегию, *непрерывно углубляя и продвигая ее* [16, с. 66].

Краеугольным камнем китайской "партнерской" дипломатии остается дипломатическое мышление Дэн Сяопина. При разработке современной международной стратегии Китая китайское правительство подчеркивало, что мышление Дэн Сяопина должно использоваться в качестве руководства и ориентира. С конца 1980-х до начала 1990-х международное коммунистическое движение пришло в упадок. После Второй мировой войны биполярная структура, определявшая характер международных отношений, распалась. Международная политическая ситуация претерпела серьезные изменения, а меж-

дународные отношения вступили в полосу коренных изменений с появлением новых форм и моделей. Изменения в мировой политической ситуации серьезно повлияли на дипломатию Китая. Именно в такой тяжелый исторический момент в беседе с несколькими ответственными лицами ЦК КПК в сентябре 1989 года Дэн Сяопин обосновал практический и реалистичный подход, впоследствии получивший известность как "дипломатический курс 28 иероглифов" [24, с. 119]. В соответствии с ним наилучшая стратегия поведения в новой международной ситуации может быть определена тремя предложениями: первое предложение – хладнокровно наблюдать (冷静观察), второе – твердо отстаивать свою позицию (稳住阵脚), третье – спокойно решать проблемы (沉着应付) [13, с. 319]. В декабре 1990 года Дэн Сяопин также подчеркнул, что

Китай никогда не должен претендовать на лидерство. Это положение стало фундаментом национальной политики: Китай не в состоянии претендовать на лидерство в силу того, что он недостаточно силен. Лидерство не дает никакой пользы КНР, а наоборот, влечет потерю многих возможностей. Китай намерен всегда стоять на стороне Третьего мира, никогда не стремиться к гегемонии и никогда не претендовать на лидерство. Вместе с тем и бездействовать на международной арене он не может, сталкиваясь с необходимостью осуществлять реальные стратегии развития дипломатии и сотрудничества [13, с. 363].

Руководствуясь этим стратегическим курсом, Китай смог интегрироваться в международное сообщество, став полноправным участником международного сообщества [17, с. 29]. Что касается конкретных мер, то КНР удалось быстро восстановить и стабилизировать свои отношения с развитыми западными странами; посредством добрососедской дипломатии установить всеобъемлющие отношения со странами Восточной Азии, а также выдвинуть предложение о создании нового международного политического и экономического порядка на основе пяти принципов мирного сосуществования [26, с. 16]. Таким образом, "дипломатический курс 28 иероглифов" Дэн Сяопина позволил Китаю всесторонне улучшить отношения со странами по всему миру, установить партнерские отношения с основными державами в мире, соседними странами и организациями, а также активно реализовывать партнерские стратегии в области дипломатии.

Китайская интерпретация концепта "партнерство" отражает стремление осмыслить перемены в общей системе международных отношений с одновременной попыткой сохранить преемственность с прежней стратегией, обеспечившей Китаю успехи на арене мировой политики. Очевидным свидетельством этого является пристальное внимание китайских специалистов к проблеме разграничения "партнерства" и "альянса". Партнерство вовсе не предполагает полного отсутствия разногласий или противоречий. Его отличает стремление участвующих сторон стремиться к выявлению потенциальных общих интересов между сторонами как средства преодоления возможных противоречий и конфликтов [28, с. 338]. Отношения альянса, с другой стороны, могут потребовать жертвы индивидуальных интересов со стороны слабых участников в качестве средства поддержания общих отношений. С точки зрения совместных действий страны, вступившие в партнерские отношения, применяют принципы общения, консультаций и координации при решении общих проблем. При необходимости они могут заключать соответствующие институционализированные соглашения, которые являются менее обязывающими, чем договоры альянса. Партнерство отличается от эксклюзивности альянсов, а действия партнеров не нацелены на третьи стороны. С точки зрения общих целей реализация и расширение взаимных интересов партнеров опирается на совместные действия, субъективную волю и объективную среду. Если установление и поддержание партнерских отношений наносит серьезный вред целям развития какой-либо из сторон, это нарушает фундаментальную отправную точку для создания беспроигрышной ситуации. Альянс преимуществом внимания уделяет сотрудничеству в области безопасности, в то время как партнерства сосредоточены и на безопасности, и на развитии [16, с. 68]. Иными словами, партнерство представляет собой стратегическую договоренность в рамках "неприсоединения" и новый – более гибкий и адаптивный – тип двустороннего сотрудничества.

Профессор Китайского университета иностранных дел Су Хао определяет смысл "партнерства" исходя из четырех его основных аспектов: предпосылки, оснований, мотиваций и формы выражения. Он полагает, что страны, которые создают партнерство, должны освободиться от взаимной враждебности. Это является предпосылкой для установления или существования партнерства. Общие интересы обеих сторон являются основой для партнерства, желание сотрудничества каждой из них в поисках этого общего интереса выступает движущей силой установления партнерства, а развитие взаимоотношений путем применения практических мер обеими сторонами – формой выражения партнерства. В общем, такого рода партнерство является состоянием хороших отношений: с отсутствием противостояния, равенством и взаимным уважением, невмешательством во внутренние дела друг друга, совместным преследованием общих политических и экономических интересов, а также стремлением к поддержанию и содействию развитию двусторонних связей [22, с. 11].

Понятие 伙伴 (партнер, "хо пан") в китайском языке уходит своими корнями в терминологию древней китайской военной системы. Согласно "Словарю современного китайского языка", в эпоху династий Юань и Вэй десять солдат составляли группу ("хо"), вместе квартируясь, готовя еду и питаясь. Члены такой группы назывались "хо пань" (партнер), термином, который относился к людям, участвующим в совместной деятельности или работающим вместе для достижения общей цели [20, с. 459]. В английском языке понятие "партнер" ("partner") интерпретируется как "sharer" ("участник") и "person associated with others in business" ("лицо, связанное с другими в делах") [4, с. 436]. В русском языке "партнер" означает того, "кто принимает участие вместе с кем-либо в игре (на сцене, в спорте, в карты и т.п.), а также вообще участника каких-либо совместных действий" [2, с. 422]. Таким образом, существенной разницы между китайским и западным пониманием термина "партнер" нет, в обоих случаях "партнер" существует в определенных социальных отношениях, в основном относится к людям, которые сотрудничают ради общего дела или общей цели.

Содержательно китайский концепт "партнерства" отличается от распространенных западных коннотаций. Основываясь на традиционной китайской культуре, в Китае понятию "партнер" придаются более теплые чувства, уделяя большее внимание стремлению к миру, сотрудничеству и развитию. На Западе в трактовке "партнерства" больший акцент делается на его понимании как фундамента координации двусторонних отношений. Исходя из принципа "неприсоединения", Китай рассматривает "партнерство" скорее как кооперативную и надежную дружбу, тогда как на Западе, где дипломатия "альянсов" все еще существует и имеет большое влияние, партнеры менее значимы, чем союзники. К примеру, интерпретируя "конструктивное стратегическое партнерство" между Китаем и Соединенными Штатами, бывший помощник государственного секретаря США Фрэнк Роуз отметил, что оно не является военным союзом, а отношениями партнеров по диалогу в международных делах. [15] То есть китайско-американское партнерство отличается как от отношений альянса между США и ЕС, США и Японией, так и от отношений между США и СССР во время холодной войны. Основной характеристикой партнерства, предлагаемого Китаем, является отказ от менталитета холодной войны и настойчивое изучение управление делами двух стран в стратегической и долгосрочной перспективе. В понимании "конструктивного стратегического партнерства" китайской стороной "строительство" занимает первое место, а "стратегия" находится на втором. Без "строительства" не может быть и речи о "стратегии".

Американский ученый Д. Шамбо (David Shambaugh) считает, что у настоящих стратегических партнеров должны быть в значительной степени сходные мировоззрения, стратегические интересы, политические системы и институционализированная система обмена информацией и военные отношения. [5] Это отражает содержательную характеристику альянса, встраиваемую в понимание "партнерства" в странах Запада. На центральном рабочем совещании по вопросам иностранных дел в ноябре 2014 года Генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин отметил, что нужно иметь как можно больше друзей, но при этом не забывать про принцип неприсоединения к блокам [3]. Это указывает на то, что партнерская дипломатия официально стала нацио-

нальной стратегией Китая. "Партнерство, а не неприсоединение" станут важным дипломатическим принципом, которого Китай будет придерживаться в будущем. Этот принцип представляет собой независимые отношения между-народного сотрудничества, которые явно отличаются от отношений альянса и даже отношений квази-альянса.

Американский ученый Э. Медейрос (Evan S. Medeiros) считает, что партнерства, устанавливаемые Китаем, являются всеобъемлющими, включая все аспекты двусторонних отношений (например, экономические, культурные, политические и безопасность); оба Китай и его партнеры соглашаются на долгосрочную приверженность двусторонним отношениям, в которой двусторонние проблемы оцениваются в этом контексте и которые, что важно, не разрушаются периодически возникающей напряженностью [6, с. 82]. Немецкие ученые В. Болевски и К. Ретциг (Wilfried Bolewski и Candy M. Rietig) считают, что китайские культурные традиции, особенно конфуцианство, оказывают "очень большое влияние" на современную китайскую дипломатию и способствуют установлению Китаем "разных уровней стратегического партнерства" с другими крупными державами. [10] Министр иностранных дел Китая Ван И подчеркнул, что в китайской дипломатии у партнерских отношений есть три характерные особенности. Во-первых, они основываются на паритете. Во-вторых, отношения должны носить мирный характер. Третья характерная особенность партнерских отношений – это их инклюзивность [1].

Китайские лидеры также выразили довольно четкие взгляды на ключевые особенности идеального партнерства. В 2004 году во время своей первой европейской поездки в качестве премьер-министра Китая Вэнь Цзябао определил "всеобъемлющее стратегическое партнерство между Китаем и ЕС" следующим образом: "всеобъемлющее" означает, что сотрудничество должно быть многомерным, широкомасштабным и многослойным. Оно охватывает экономическую, научную, технологическую, политическую и культурную сферы, включает как двусторонний, так и многосторонний уровни и проводится как правительствами, так и неправительственными группами. "Стратегическое" подразумевает, что сотрудничество должно быть долгосрочным и стабильным, отражая общую картину отношений между Китаем и ЕС. Оно выходит за рамки различий в идеологии и социальной системе и не подвержено влиянию отдельных событий, которые происходят время от времени. "Партнерство" означает, что сотрудничество должно быть равноправным, взаимовыгодным и беспроектным. Обе стороны должны основываться на взаимном уважении и доверии, стремиться к расширению совпадающих интересов и искать взаимопонимание по основным вопросам, откладывая разногласия по малым [11]. Эта же мысль подчеркнута бывшим вице-премьером Цянь Цичэнь в его комментарии по поводу китайско-российского стратегического партнерства сотрудничества. Стратегическое партнерство, о котором мы часто говорим сейчас, – констатировал он, – не является альянсом. После окончания холодной войны мир движется к многополярности, и в этом случае крупные державы надеются установить соответствующие отношения сотрудничества. Будучи двумя большими соседями, Китай и Россия установили отношения стратегического сотрудничества, и обе стороны считают, что мир является многополярным. Далее он добавил, что Китай является крупнейшей развивающейся страной, а США – крупнейшей развитой страной. Теперь Китаю и Соединенным Штатам следует приложить усилия для установления конструктивного стратегического партнерства, которое отвечает коренным интересам народов двух стран, способствует миру и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и во всем мире и содействует сотрудничеству в экономике и торговле [25]. Во вступительной речи 22-го неформального совещания лидеров Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) председатель Си Цзиньпин отметил, что "партнер" – это субъект, которому нужны "три друга", для того, чтобы вместе обеспечить конструктивное сотрудничество для общих амбициозных и благородных целей. Партнеры должны развивать сотрудничество взаимного выигрыша и учиться друг у друга" [19]. Очевидно, что "партнерство" в дипломатии Китая представляет собой независимые и автономные международные отношения сотрудничества, установленные странами на основе общих интересов и посредством общих действий для достижения общих целей.

Основные результаты китайской партнерской дипломатии находят отражение в совместных заявлениях или коммюнике для прессы и разного рода документах, подписанных Китаем со многими странами. Так, например КНР и Нидерланды установили отношения всестороннего сотрудничества и партнерства; Китаем было установлено "инновационное всестороннее партнерство" с Израилем; Китай и Финляндия установили китайско-финские "отношения сотрудничества и партнерства нового типа, ориентированные на будущее"; с Австрией – дружественные стратегические партнерские отношения; вместе с АСЕАН было установлено "стратегическое партнерство во имя мира и процветания"; Китай и Южную Африку объединяет всесторонние партнерские отношения дружественного сотрудничества. Отношения между Китаем и Ирландией являются отношениями взаимовыгодного стратегического партнерства, а Россия и Китай развивают отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Все эти форматы партнерств, установленных между Китаем и соответствующими странами, фактически отражают основное содержание стратегии партнерства Китая: поддержание мира, стремление к общему развитию и акцент на равенство и взаимную выгоду.

В практике международной политики установление партнерских отношений между странами с разными целями на разных уровнях стало обычной дипломатической стратегией, "партнерство" демонстрирует различные формы и выражения взаимодействия государственных акторов. Очевидно, что характеристики конкретных "партнерств" Китая весьма разнообразны. "Партнерство" в китайской дипломатии представляет различные формы, такие как "стратегическое партнерство", "всеобъемлющее стратегическое партнерство сотрудничества", "дружеское партнерство" и т.д. В сущности, термины "дружеское партнерство", "всеобъемлющее партнерство сотрудничества" и "стратегическое партнерство" характеризуют процесс развития, и в определенной степени указывают на близость в сотрудничестве между странами.

В то же время политика партнерства Китая также отражает присущую ей иерархию. В соответствии с основной тенденцией китайской "партнерской" дипломатии, "партнерские отношения", созданные Китаем, можно условно разделить на 5 типов и 16 уровней отношений [14, с. 19]. Первый тип – это "отношения всеобъемлющего стратегического партнерства". Такие отношения ориентируются на всестороннее сотрудничество и расширяемость стратегии, они требуют не только всеобъемлющего партнерства, но и стремятся к координации позиций по региональным и глобальным вопросам. Среди них "всеобъемлющее" "партнерство", находящееся на высшем уровне – "отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху" между Китаем и Россией, "всепогодное стратегическое партнерское сотрудничество" между Китаем и Пакистаном, которое основывается на безопасности и способствует исключительному взаимному сотрудничеству между двумя странами [16, с. 85].

Второй тип – "стратегическое партнерство", которое подразделяется на четыре уровня: "стратегические отношения сотрудничества", "стратегическое партнерство", "взаимовыгодное стратегическое партнерство" и "инновационные отношения стратегического партнерства" [21, с. 19]. Страны, заключившие "партнерства" такого типа с Китаем, в основном проводят обычное сотрудничество в международных делах и с ограниченным участием в вопросах на стратегическом уровне. В "партнерской сети" Китая все больше стран относятся к типу "партнерства всестороннего сотрудничества" (третий тип) и типу "дружественного и кооперативного партнерства" и обычного партнерства (четвертый тип) [21]. Страны, заключившие такого типа "партнерство" с Китаем, в основном проводят обычное сотрудничество в международных делах и с ограниченным участием в вопросах или делах на стратегическом уровне.

Последний тип – "отношения нового типа", который включает "новую модель отношений великих держав" между Китаем и Соединенными Штатами и китайско-финские "отношения сотрудничества и партнерства нового типа, ориентированные на будущее" [21]. Согласно "китайско-американскому совместному коммюнике" "новая модель отношений великих держав" между Китаем и Соединенными Штатами является новым способом для решения конфликтов и противоречий между растущей и установившейся державами,

и она характеризуется партнерством взаимного уважения и сотрудничества. Китайско-финские "отношения сотрудничества и партнерства нового типа, ориентированные на будущее" направлены на укрепление политического взаимного доверия и углубление прагматического сотрудничества между двумя странами.

В процессе постоянного установления новых партнерских отношений Китай также усердно работает над обновлением существующих партнерских отношений. Обновление партнерства означает, что на основе первоначального партнерства обе стороны достигли консенсуса в отношении углубления или расширения политического сотрудничества или сотрудничества в области безопасности. Например, российско-китайское партнерство претерпело три обновления за более чем 20 лет. В 1994 году бывший председатель Китая Цзян Цзэминь посетил Россию. Обе стороны объявили отношения между двумя странами "конструктивным партнерством, обращенное в XXI век", став первым публично подтвержденным партнерством посредством совместного заявления. Подчеркивается, что добрососедские и дружественные отношения между Россией и Китаем не меняются в связи с изменениями в международной и внутренней ситуации двух стран и имеют долгосрочную стабильность. В 1996 году бывший президент Б. Ельцин снова посетил Китай. Обе стороны провозгласили свою решимость развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке. 16 июня 2011 года бывший председатель Китая Ху Цзиньтао и бывший президент России Д. Медведев объявили, что отношения между двумя странами переросли во "всестороннее стратегическое взаимодействие и партнерство" в соответствии с новым развитием отношений между двумя странами. 5 июня 2019 года президент В.В. Путин и председатель Китая Си Цзиньпин объявили о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. С каждым обновлением российско-китайских отношений партнерства глубина и широта сотрудничества двух стран претерпевала качественные изменения.

В целом "партнерство" в китайской дипломатии понимается как консультативные отношения, где каждая сторона не может быть враждебной по отношению к другой, не может угрожать другой. Все это не означает, что между партнерами полностью отсутствуют разногласия или противоречия, но подчеркивается, что обе стороны избегают конфликтов по своей субъективной воле и активно решают противоречия путем консультаций и диалога на практике; они устанавливают межгосударственные отношения, основанные на равенстве, доверии и взаимном уважении. Между сторонами не существует отношений зависимости или связи подчинения одного другому. Это требует от партнеров уважения культуры, социальной системы и пути национального развития другой стороны, не навязывания ей собственной социальной системы и ценностей, невмешательства во внутренние дела другой стороны и, главное, учет интересов другой стороны при рассмотрении собственных интересов. "Ненаправленность против третьих стран" отражает основное содержание "партнерства", отличающее его от прежних межгосударственных отношений. Партнерство существенно отличается от "альянса" или "союза". Партнерство является практикой кооперативной безопасности, оно относится к типу институциональной кооперативной безопасности, тогда как альянс или союз представляют собой межгосударственные отношения, основанные на антагонистической или конфликтующей стратегии [21]. В китайской дипломатии взаимовыгодное сотрудничество предполагает, что партнеры отказываются от традиционного мышления "с нулевой суммой", поддерживают "игру с положительной суммой" и осуществляют откровенное сотрудничество, основанное на взаимном доверии, для достижения беспроблемной цели. Партнерство, за которое выступает Китай, характеризуется устойчивостью, политическим спросом и стратегической ориентацией, а также постепенностью развития межгосударственных отношений, предназначенной для поддержания и развития в течение длительного времени. Партнерство в дипломатии Китая понимается как новый тип межгосударственных отношений, в рамках которых стороны конкурируют и сотрудничают друг с другом, ограничивают и заимствуют друг у друга, не исключают трений, но ценят координацию и сотрудничество. Цель таких отношений – формирование относительно стабильной и

предсказуемой структуры отношений. Установление отношений партнерства между странами, особенно между крупными державами, является важным развитием в современных международных отношениях, а также активным регулированием и стратегическим позиционированием международных отношений.

Вместе с тем китайская концепция партнерства не лишена внутренних противоречий и недостатков, создающих сложности ее реализации на практике. Акцентирование общих интересов как основы партнерских отношений не позволяет полностью избежать рисков в деле их построения. Национальные интересы разных стран разнообразны, само их понимание является в значительной степени субъективным процессом, а приоритетность может меняться с течением времени или в зависимости от ситуации. К примеру, в 1997 году Китай и США заявили об установлении "конструктивного стратегического партнерства, ориентированного на XXI век". Однако после бомбежки силами НАТО в марте 1999 года посольства КНР в Югославии отношения между ними осложнились. В начале первого срока президентства Дж. Буша Китай был назван стратегическим конкурентом США. В апреле 2001 года в результате столкновения над Южно-Китайским морем американского самолета-шпиона с китайским истребителем взаимопонимание между двумя странами еще более ухудшилось. Соединенные Штаты также начали предпринимать усилия по сдерживанию Китая, увеличив продажи оружия Тайваню и укрепляя стратегические союзы с соседями КНР. Несмотря на то что террористическая атака 11 сентября 2001 года изменила приоритеты американской политики, ее антикитайский стратегический фокус не изменился, а потенциальные стратегические различия между Китаем и США увеличились. Ситуация еще больше осложнилась после того, как начавшийся 15 июня 2018 года по инициативе США торговый спор, перерос в открытую торговую войну против Китая. В 2020 году под двойным давлением COVID-19 и выборов в США политика правительства США в отношении Китая привела к полному разрушению перспектив построения действительно стратегического партнерства.

Как в теоретическом, так и в практическом плане сохраняется неопределенность относительно эффективности партнерств, которые могут превращаться в пустую формальность [16]. Многие страны, установившие партнерство с Китаем, не так близки, как предполагается в соглашениях [12]. Типичным примером является "стратегическое партнерство и сотрудничество во имя мира и процветания", установленное Китаем и Индией. Из-за неурегулированных территориальных споров и постоянных пограничных конфликтов стратегическое взаимное доверие между двумя странами оказывается серьезно подорванным. Между Китаем и его партнерами существуют как общие интересы, так и стратегическая конкуренция, что является неизбежной реальностью в международных отношениях. Но если развитие партнерства не может ослабить противостояние, оно неизбежно ставит под сомнение его реальные результаты [16]. Китай вложил значительную техническую и финансовую поддержку в развитие партнерских отношений с развивающимися странами, но в некоторых случаях он сталкивается со спекулятивной активностью другой стороны. То есть некоторые страны-партнеры готовы использовать безусловные ресурсы Китая, но как только появляется возможность получения большей выгоды от третьей страны, они готовы отказаться от сотрудничества с Китаем [7]. Это свидетельствует о том, что партнерства не обязательно гарантируют устойчивость отношений и их трансформацию в соответствующие идентичности.

Не вполне ясной остается и концептуальная дифференциация стратегических уровней партнерств. Как упоминалось ранее, Китай разработал 16 уровней отношений в своей дипломатической практике, пытаясь определить различия между уровнями через разные названия. Тем не менее различия в партнерских отношениях остаются не вполне ясными, а стандарты для установления и обновления довольно расплывчаты [16]. Нет авторитетного обоснования того, основывается ли иерархия партнерских отношений на близости стран или их мощи. К примеру, Китай с Францией и с Шри-Ланкой установили всесторонние партнерские отношения, но существуют огромные различия в степени сотрудничества между Китаем и этими двумя странами в различных областях, таких как экономика, политика, безопасность и культура. Все это

свидетельствует о том, что в настоящее время практика партнерства Китая все еще находится на стадии разработки и сталкивается с большим количеством проблем.

С тех пор как Китай и Бразилия установили партнерские отношения в 1993 году, спустя более 20 лет китайская стратегия партнерства принесла серьезные результаты. В 2014 году Китай объявил о создании глобальной партнерской сети [3]. В 2017 году "активное развитие глобального партнерства" было включено в доклад на XIX всекитайском съезде КПК, [18] такое отношение способствует углублению планирования и структурированию глобальной стратегии Китая. К июню 2019 года Китай установил различные формы партнерства с 112 странами, регионами и международными организациями в мире. Китай установил и поддерживает "партнерские отношения на стратегическом уровне" с крупными державами, одновременно поддерживая "партнерские отношения на высоком уровне" и даже "стратегические партнерские отношения" с десятками малых и средних стран мира. Кроме того, Китай также установил и развивает "стратегическое партнерство" с региональными международными организациями, такими как ЕС, АСЕАН, Африканский союз и Лига арабских государств. Это значительно расширило "круг друзей" Китая и сформировало "партнерскую" дипломатическую систему с китайской спецификой. В настоящее время Китай является страной с наибольшим числом такого рода отношений [9].

Со временем дипломатическая стратегия "партнерства" Китая, постепенно формируясь, продолжает совершенствоваться, она все больше интегрируется в независимую и мирную внешнюю политику страны. С XVIII Всекитайского съезда КПК новый коллектив руководителей Китая постоянно применяет новые меры в области дипломатии, внедряет новые идеи, демонстрирует современный курс действий, формирует дипломатическую сеть Китая, охватывающую многие страны, области и уровни. Посредством двусторонних и многосторонних дипломатических мероприятий китайские лидеры активно создают новую обстановку "партнерства" на основе обеспечения стабильности и преемственности дипломатической политики и способствуют расширению сотрудничества в более широкой области и на более глубоком уровне.

В отличие от западного представления об альянсе, основными характеристиками "партнерства", установленного Китаем, являются равенство, взаимная выгода, взаимное уважение, дружеские обмены, отсутствие конфронтации, отсутствие эксклюзивности альянсов, и ненацеленность на третьи стороны. Такого типа отношения сотрудничества, которые не являются ни альянсом, ни враждебностью, несомненно, отличаются по своей сути и мерам проведения от установленных странами во время холодной войны. С завершением компоновки партнерской сети Китаю следует усилить управление партнерскими отношениями и партнерской сетью с тем, чтобы они могли играть более активную роль в содействии развитию Китая и преобразованию международной системы.

Литература

1. Ван И. Итоги 2014: успешный год для китайской дипломатии. Пекин, 2014. // Институт Дальнего Востока РАН, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/component/article/36-2014-10-02-09-29-49/1334-news-141230>. (дата обращения: 21.03.2020).
2. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М.: Изд-во "Русский язык", 1997. 422 с.
3. Си Цзиньпин присутствует на центральном рабочем совещании по вопросам иностранных дел и выступил на нем с важной речью, 30 ноября 2014 г. // Институт Дальнего Востока РАН, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/component/content/article/36-2014-10-02-09-29-49/1334-news-141230> (дата обращения: 21.03.2020)
4. David B. Guralnik, Editor in Chief, Webster New World Dictionary of The American Language [M], New York: A Warner Communications Company, 1982. 436 p.
5. David Shambaugh, "Sino-American Strategic Relations: From Partners to Competitors," Survival, Vol.42, No. 1, Spring 2000. P. 97–115.

6. Evan S. Medeiros. China's International Behavior: Activism, Opportunism, and Diversification, Santa Monica: RAND Corporation. 2009. 82 p.
7. John D. Ciorciari. A Chinese model for patron-client relations? The Sino-Cambodian partnership // *International Relations of the Asia-Pacific*. Vol. 15. Iss. 2. 2015. P. 245–278.
8. Kay S. What Is a Strategic Partnership? // *Problems of Post-Communism*. 2000. Vol. 47. No. 3. P. 15–24.
9. Swaine, Michael D. Xi Jinping's Address to the Central Conference on Work Relating to Foreign Affairs // *China Leadership Monitor*, No. 46 (2015). P. 7–8. [Электронный ресурс]. URL: http://carnegieendowment.org/files/Michael_Swaine_CLM_46.pdf. (дата обращения: 21.03.2020).
10. Wilfried Bolewski and Candy M. Rietig. The Cultural Impact on China's New Diplomacy // *The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*. Vol. 8. No. 3. 2008. P. 85–86.
11. 温家宝: 积极发展中国同欧盟的全面战略伙伴关系. (Вэнь Цзябао: Активно развивать всеобъемлющее стратегическое партнерство) // *Southcn*, [Электронный ресурс]. URL: http://news.southcn.com/china/important/content/2006-06/15/content_3104313.htm (дата обращения: 22.03.2020).
12. 《港报评述: "伙伴关系"成中国重要外交工具》, 载《参考消息》, 2013年11月4日 (Гонконгская газета: "Партнерство" стало важным дипломатическим инструментом Китая, Цанькаосяоси, 14 ноября 2013 г.).
13. 邓小平文选: 第三卷 [M]. 北京: 人民出版社, 1993, 432页. (Дэн Сяопин Избранные произведения. Пекин: Издательство "Народ", 1993. Т. 3, 432 с.)
14. 李渤, 安成日, 徐希才. 中国的"一带一路"倡议及其同其周边国家的"伙伴关系"建设 [J]. *延边大学学报(社会科学版)*, 2017, 50(04): 18-25. (Ли Бо, Ан Чэнжи, Сюй Сицай Китайская инициатива "Один пояс, один путь" и строение "партнерства" с соседними странами // *Вестник Яньбяньского университета (полоса общественных наук)*. 2017. № 4, С. 18-25.)
15. 孟驰: 《中美战略伙伴关系的由来》(Мэн Чи. Происхождение конструктивного стратегического партнерства Китая и США.) // *Утренняя газета*, [Электронный ресурс]. URL: http://www.zaobao.com/zaobao/special/china/sino_us/pages1/zhongmei080798a.html (дата обращения: 20.03.2020).
16. 门洪华, 刘笑阳. 中国伙伴关系战略评估与展望 [J]. *世界经济与政治*, 2015(02): 65–95+157–158. (Мэнь Хонгуа, Лю Сяоян Оценка и перспективы стратегии партнерства Китая // *Мировая экономика и политика*. 2015(02). С. 65–95+157–158).
17. 门洪华. 中国国际战略演进及其经验总结 [J]. *教学与研究*, 2009(10): 28-32. (Мэнь Хонгуа. Эволюция и опыты международной стратегии Китая // *Обучение и исследование*, 2009. № 10, С. 28–32.)
18. 《决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利》, 载《人民日报》, 2017年10月18日, 第一版 (Решающая стадия полного построения среднезажиточного общества и в ключевой момент вступления социализма с китайской спецификой в новую эпоху, Жэньминь жибао, первая полоса, 18 октября 2017 г.).
19. 习近平: 《共建面向未来的亚太伙伴关系—在亚太经合组织第二十二次领导人非正式会议上的开幕辞》, 载《人民日报》, 2014年11月12日. (Си Цзиньпин. Совместное строение Азиатско-тихоокеанского партнерства, сталкнувшегося к будущему – вступительная речь на 22-й неформальной встрече лидеров АТЭС 12 ноября 2014 г. // *Жэньминь жибао*. 2014. 12 ноября.)
20. 中科院语言研究所词典编辑室编: 《现代汉语词典》, 北京: 商务印书馆, 1973年版, 459页 (Словарь современного китайского языка / под ред. Редакция словарей института языкознания Китайской академии наук. – Пекин: Издательство академической прессы социальных наук, Пекин: Изд-во Коммерческая прессы 1973. С. 459.)
21. 孙楚仁, 刘雅莹, 陶安. 中国外交伙伴关系战略的出口效应, "国际政治、地缘政治与国际经济"学术研讨会文集, 2016年11月. (Сунь Чурень, Лю Ян, Тао Ан Стратегия дипломатии, международная торговля и экспорт Китая // *Сборник конференции "Международная политика, геополитика и международная экономика"* декабрь 2016 г.).
22. 苏浩. 中国外交的"伙伴关系"框架 [J]. *世界知识*, 2000(05): 11-12. (Су Хао Рамки "партнерства" китайской дипломатии. // *События в мире*. 2000. № 5. С. 11–12.)
23. 肖晞, 马程. 中国伙伴关系: 内涵、布局与战略管理 [J]. *国际观察*, 2019(02): 72-88. (Сяо Си, Ма Чэн Китайское партнерство: коннотация, размещение и стратегическое управление // *Международный обзор*. 2019. № 2. С. 72–88).
24. 陶季邑. 美国学术界关于邓小平"二十八字外交方针"研究述评 [J]. *中共党史研究*, 2009(11): 118-124. (Тао Дзин Обзор исследований по "Дипломатический курс из 28 иероглифов" Дэн Сяопина, выполненных американскими академиками // *Исследования по истории Коммунистической партии Китая*, 2009. № 11. С. 118–124.)

25. 为推进中俄战略协作伙伴关系向前发展而努力。人民日报。1997年11月4日 (Трудиться на продвижение китайско-российского партнерства стратегического сотрудничества 4 ноября 1997 г. // Жэньминь жибао. 4 ноября 1997 г.).
26. 冯启人. 跨越"世纪之桥"的江克会谈[J]. 统一论坛, 1998(02):32-34. (Фэн Цижэнь. Беседа между Цзяном и Биллом Клинттоном, пересекающая мост столетия. – Тайвань: Обзор прорыва. 1997. № 84. С. 23.).
27. 章百家. 改变自己 影响世界—20世纪中国外交基本线索刍议[J]. 中国社会科学, 2002(01):4-19+205. (Чжан Байцзя. Изменение себя и влияние на мир – об основных моментах китайской дипломатии в 20-м веке // Китайские общественные науки, 2002. № 1.).
28. 俞正梁主编. 大国战略研究: 未来世界的美、俄、日、欧(盟)和中国, 北京: 中央编译出版社, 1998年版, 338页. (Юй Чжэнлянь. Исследование стратегии великих держав: Америка, Россия, Япония, ЕС и Китай в будущем мире. Пекин: Центральный компиляции & перевод пресс. 1998. С. 338.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Van I. Itogi 2014: uspeshnyj god dlya kitajskoj diplomatii. Pekin, 2014. // Institut Dal'nego Vostoka RAN, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/component/content/article/36-2014-10-02-09-29-49/1334-news-141230>. (data obrashheniya: 21.03.2020).
2. Lopatin V. V., Lopatina L. E. Russkij tolkovyj slovar'. M.: Izd-vo "Russkij yazyk", 1997. 422 s.
3. Si Tszin'pin prisutstvuet na tsentral'nom rabochem soveshhanii po voprosam inostrannykh del i vystupil na nem s vazhnoj rech'yu, 30 noyabrya 2014 g. // Institut Dal'nego Vostoka RAN, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/component/content/article/36-2014-10-02-09-29-49/1334-news-141230> (data obrashheniya: 21.03.2020)
4. David B. Guralnik, Editor in Chief, Webster New World Dictionary of the American Language [M], New York: A Warner Communications Company, 1982. 436 p.
5. David Shambaugh, "Sino-American Strategic Relations: From Partners to Competitors," Survival, Vol.42, No. 1, Spring 2000. P. 97–115.
6. Evan S. Medeiros. China's International Behavior: Activism, Opportunism, and Diversification, Santa Monica: RAND Corporation. 2009. 82 p.
7. John D. Ciorciari. A Chinese model for patron–client relations? The SinoCambodian partnership // International Relations of the Asia-Pacific. Vol. 15. Iss. 2. 2015. P. 245–278.
8. Kay S. What Is a Strategic Partnership? // Problems of Post-Communism. 2000. Vol. 47. No. 3. P. 15–24.
9. Swaine, Michael D. Xi Jinping's Address to the Central Conference on Work Relating to Foreign Affairs // China Leadership Monitor, No. 46 (2015). P. 7–8. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://carnegieendowment.org/files/Michael_Swaine_CLM_46.pdf. (data obrashheniya: 21.03.2020).
10. Wilfried Bolewski and Candy M. Rietig. The Cultural Impact on China's New Diplomacy // The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations. Vol. 8. № 3. 2008. P. 85–86.
11. 温家宝: 积极发展中国同欧盟的全面战略伙伴关系. (Vehn' TSYabao: Aktivno razvivat' vseob'emlyushhee strategicheskoe partnerstvo) // Southcn, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://news.southcn.com/china/important/content/2006-06/15/content_3104313.htm (data obrashheniya: 22.03.2020).
12. 《港报评述: "伙伴关系"成中国重要外交工具》, 载《参考消息》, 2013年11月4日 (Gonkongskaya gazeta: "Partnerstvo" stalo vazhnym diplomaticheskim instrumentom Kitaya, TSan'kaosyaosi, 14 noyabrya 2013 g.).
13. 邓小平文选: 第三卷 [M]. 北京: 人民出版社, 1993, 432页. (Dehn Syaopin Izbrannye proizvedeniya. Pekin: Izdatel'stvo "Narod", 1993. T. 3, 432 s.)
14. 李渤, 安成日, 徐希才. 中国的"一带一路"倡议及同其周边国家的"伙伴关系"建设 [J]. 延边大学学报(社会科学版), 2017, 50(04):18-25. (Li Bo, An Chehzhzi, Syuj Sitsaj Kitajskaya initsiativa "Odin poyas, odin put'" i stroenie "partnerstva" s sosednimi stranami // Vestnik YAn'byan'skogo universiteta (polosa obshhestvennykh nauk). 2017. № 4, S. 18-25.)
15. 孟驰: 《中美战略伙伴关系的由来》 (Mehn' CHi. Proiskhozhdenie konstruktivnogo strategicheskogo partnerstva Kitaya i SSHA.) // Utrennyaya gazeta, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.zaobao.com/zaobao/special/china/sino_us/pages1/zhongmei080798a.html (data obrashheniya: 20.03.2020).
16. 门洪华, 刘笑阳. 中国伙伴关系战略评估与展望 [J]. 世界经济与政治, 2015(02):65–95+157–158. (Mehn' KHongkhua, Lyu Syaoyan Otsenka i perspektivy strategii partnerstva Kitaya // Mirovaya ehkonomika i politika. 2015(02). S. 65–95+157–158.)

17. 门洪华. 中国国际战略演进及其经验总结[J]. 教学与研究, 2009(10):28-32. (Mehn' KHongkhua. EHvolyutsiya i opyty mezhdunarodnoj strategii Kitaya // Obuchenie i issledovaniya, 2009. № 10, S. 28–32.)
18. 《决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利》，载《人民日报》，2017年10月18日，第一版 (Reshayushhaya stadiya polnogo postroeniya srednezazhitchnogo obshhestva i v klyuchevoj moment vstupleniya sotsializma s kitajskoj spetsifikoj v novuyu ehpokhu, ZHehn'min' zhibao, pervaya polosa, 18 oktyabrya 2017 g.).
19. 习近平：《共建面向未来的亚太伙伴关系—在亚太经合组织第二十二次领导人非正式会议上的开幕辞》，载《人民日报》，2014年11月12日. (Si TSin'pin. Sovmestnoe stroenie Aziatsko-tikhookeanskogo partnerstva, stalknushhegosya k budushhemu – vstupil'naya rech' na 22-j neformal'noj vstreche liderov ATEHS 12 noyabrya 2014 g. // ZHehn'min' zhibao. 2014. 12 noyabrya.)
20. 中科院语言研究所词典编辑室编：《现代汉语词典》，北京：商务印书馆，1973年版，459页 (Slovar' sovremennogo kitajskogo yazyka / pod red. Redaktsiya slovarej instituta yazykoznanija Kitajskoj akademii nauk. – Pekin: Izdatel'stvo akademicheskaya pressa sotsial'nykh nauk, Pekin : Izd-vo Kommercheskaya pressa 1973. S. 459.)
21. 孙楚仁，刘雅莹，陶安。中国外交伙伴关系战略的出口效应，“国际政治、地缘政治与国际经济”学术研讨会文集，2016年11月. (Sun' CHuren', Lyu YAIN, Tao An' Strategiya diplomatii, mezhdunarodnaya trgovlya i ehksport Kitaya // Sbornik konferentsii "Mezhdunarodnaya politika, geopolitika i mezhdunarodnaya ehkonomika" dekabr' 2016 g.)
22. 苏浩. 中国外交的“伙伴关系”框架[J]. 世界知识, 2000(05):11-12. (Su KHao Ramki "partnerstva" kitajskoj diplomatii. // Sobytiya v mire. 2000. № 5. S. 11–12.)
23. 肖晞，马程. 中国伙伴关系：内涵、布局与战略管理[J]. 国际观察, 2019(02):72-88. (Sya Si, Ma CHEhn Kitajskoe partnerstvo: konnotatsiya, razmeshhenie i strategicheskoe upravlenie // Mezhdunarodnyj obzor. 2019. № 2. S. 72–88.)
24. 陶季邑. 美国学术界关于邓小平“二十八字外交方针”研究述评[J]. 中共党史研究, 2009(11):118-124. (Tao Dzii Obzor issledovanij po "Diplomaticheskij kurs iz 28 ieroglifov" Dehn Syaopina, vypolnennykh amerikanskimi akademikami // Issledovaniya po istorii Kommunisticheskoy partii Kitaya, 2009. № 11. S. 118–124.)
25. 为推进中俄战略协作伙伴关系向前发展而努力。人民日报。1997年11月4日 (Trudit'sya na prodvizhenie kitajsko-rossijskogo partnerstva strategicheskogo sotrudnichestva 4 noyabrya 1997 g. // ZHehn'min' zhibao. 4 noyabrya 1997 g.)
26. 冯启人. 跨越“世纪之桥”的江克会谈[J]. 统一论坛, 1998(02):32-34. (Fehn TSizhehn'. Beseda mezhdu TSzyanom i Billom Klintonom, peresekayushhaya most stoletiya. – Tajvan': Obozrenie proryva. 1997. № 84. S. 23.)
27. 章百家. 改变自己 影响世界—20世纪中国外交基本线索刍议[J]. 中国社会科学, 2002(01):4-19+205. (CHzhan Bajtszya. Izmenenie sebya i vliyanie na mir – ob osnovnykh momentakh kitajskoj diplomatii v 20-m veke // Kitajskie obshhestvennye nauki, 2002. № 1.)
28. 俞正梁主编. 大国战略研究：未来世界的美、俄、日、欧（盟）和中国》，北京：中央编译出版社，1998年版，338页. (YUj CHzhehnlyan. Issledovanie strategii velikikh derzhav: Amerika, Rossiya, YAPONiya, ES i Kitaj v budushhem mire. Pekin: TSentral'nyj kompilyatsii & perevod press. 1998. S. 338.)

Лэй Шуан. Концепция партнерства в современной китайской дипломатии.

В статье рассматривается происхождение китайской "партнерской дипломатии", ее концептуальные особенности, анализируются различия между китайским и зарубежными пониманиями сути "партнерства". Партнерство в китайской дипломатии представляет собой стратегическую договоренность в рамках "неприсоединения", новый тип двустороннего сотрудничества, более гибкий и адекватный современным условиям. Данная политическая стратегия является новым типом межгосударственных отношений, в которых стороны одновременно конкурируют и сотрудничают друг с другом, ограничивают и заимствуют друг у друга, в которой не исключаются трения, но ценится кооперация. Партнерская дипломатия сегодня является национальной стратегией Китая, и в обозримом будущем она останется его основным стратегическим выбором.

Ключевые слова: *китайская дипломатия, партнерство, новая модель отношений великих держав, стратегическое партнёрство, партнерство, неприсоединение*

Lei Shuang'. Partnership concept in modern Chinese diplomacy.

The article examines the origin of the Chinese "partnership diplomacy", analyzes the differences between the Chinese and foreign concepts of the essence of "partnership" and the division of levels of relations in China's foreign policy. Partnership in Chinese diplomacy is a strategic agreement within the framework of "non-alignment", and a new type of bilateral cooperation, which is more flexible. This political strategy is a new type of interstate relations in which the parties compete and cooperate with each other, limit and borrow from each other, do not exclude friction, but appreciate coordination and cooperation. Partnership diplomacy is China's national strategy, and in the foreseeable future it will remain the main strategic choice.

Key words: *Chinese diplomacy, partnership, a new model of relations between the great powers, strategic partnership, non-alignment*

Для цитирования: Лэй Шуан. Концепция партнерства в современной китайской дипломатии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 113–124. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/113-124

For citation: Lei Shuang'. Partnership concept in modern Chinese diplomacy // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 113–124. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/113-124

УДК 327

Севастьянов С. В.

Перспективы развития трансграничных отношений Дальнего Востока России в контексте выдвинутых ведущими странами СВА стратегий международного сотрудничества

Введение

Проведение саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г. позволило сформулировать российские приоритеты и обсудить взаимовыгодные направления и проекты экономического сотрудничества со странами АТР. Что касается создания предпосылки для непосредственного вовлечения в региональные интеграционные процессы, то в прямом смысле эта цель не была достигнута. Тем не менее это международное мероприятие стало катализатором для выработки подходов к решению застарелой внутрисоссийской проблемы – необходимости ускоренного развития российского Дальнего Востока (РДВ), по многим социально-экономическим параметрам отстающим от других регионов России. Содержание дискуссий и слабые инвестиционные результаты саммита продемонстрировали, что неблагоприятный инвестиционный климат Дальнего Востока не устраивает ни российских, ни зарубежных бизнесменов. На этом основании Президент РФ Путин поставил перед правительством страны неотложную задачу – сформулировать на основе новых организационных и экономических подходов комплексную стратегию развития Дальнего Востока и Забайкалья [12].

Во исполнение этих решений в 2012–2014 гг. Правительство РФ разработало и приступило к реализации комплекса организационных, институциональных и финансово-экономических мер. Так, было создано Министерство развития Дальнего Востока России, а постоянным представителем Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) был назначен Ю.П. Трутнев, который одновременно получил должность заместителя председателя правительства РФ. В этот же период в интересах стимулирования развития РДВ были подготовлены комплекс новых нормативно-правовых актов. Результатом этой работы стал запуск в 2015 г. нескольких новых государственных институтов развития Дальнего Востока, а также вступление в силу двух федеральных законов: "О территориях опережающего социально-экономического развития" (ТОР) и "О Свободном порте Владивосток", направленных на привлечение в регион иностранных инвестиций [4].

Кроме того, руководство страны приняло решение о проведении во Владивостоке с 2015 г. ежегодного Восточного экономического форума (ВЭФ). На его Пленарных заседаниях представители высшего политического руководства стран СВА и АТР выступают с докладами и участвуют в дискуссии с Президентом РФ Путиным по теме сотрудничества с РДВ. На сессиях форума с участием государственных лидеров, бизнесменов и экспертов стран СВА и АТР обсуждаются новые административные и экономические механизмы, реализуемые Правительством РФ для повышения инвестиционной привлекательности региона, а также инвестиционные проекты, в которые российские и иностранные бизнесмены могут вложить свои капиталы. О востребованности этого форума в СВА, отличающейся от многих регионов мира очень низ-

© Севастьянов С. В., 2020

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич, д-р полит. наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (г. Санкт-Петербург). E-mail: ssevastyanov@hse.ru

ким уровнем межправительственного сотрудничества, свидетельствует то, он очень быстро нарастил свои институциональные характеристики [12]. Всего за несколько лет он прошел от регионального форума с участием первого лица государства (первый ВЭФ, сентябрь 2015) до полноформатного межправительственного саммита экономического сотрудничества СВА с участием лидеров ведущих государств региона и АТР (третий – пятый ВЭФ, 2017 – 2019 гг.). Столь позитивному развитию этого международного института способствовала энергичная политика Президента РФ В. Путина. Для формирования предназначения ВЭФ знаковым стал третий форум [6], где на Пленарном заседании впервые прозвучал и обсуждался тезис о необходимости широкого сотрудничества РФ со странами СВА в развитии РДВ, которое до некоторой степени, но не в полной мере, способно заполнить политический и экономический вакуум, образовавшийся в регионе в связи с "замораживанием" трехсторонних проектов сотрудничества (РФ, РК, КНДР).

Что касается стран т.н. "Большой тройки" СВА (Китай, Япония, РК), то они рассматривают друг друга в регионе не только как партнеров, но и зачастую как соперников. При этом налаживание ими трехсторонней дипломатии за её пределами менее чувствительно для внутривосточной критики. В этой ситуации они призывают друг друга к координации усилий при реализации выдвинутых лидерами этих государств стратегических проектов, таких как: "Инициатива Пояса и Пути" Китая, Индо-Тихоокеанская стратегия Японии, "Сообщество ответственности стран СВА плюс" РК (объединяет "Новую Северную политику" и "Новую Южную политику"). При этом уже многие годы Китай, Япония и РК взаимодействуют со странами АСЕАН на южном направлении в формате АСЕАН плюс три (АПТ). Сотрудничество в реализации таких глобальных и региональных проектов, в соответствии с нелиберальными теориями, ведёт к усилению экономической взаимозависимости и укреплению доверия между странами.

Для более эффективного подключения России к этим процессам сотрудничества, в том числе в интересах развития РДВ, важно учитывать стратегии, выдвинутые странами СВА для ускорения экономического развития на северном направлении, в том числе: "Арктический шёлковый путь" (Китай),

"Новая Северная политика" (РК). Не менее значимы специальные политики, разработанные ими для сотрудничества с РДВ: политика "девяяти мостов" РК и "план сотрудничества по восьми направлениям" Японии [6]. В ходе разработки вышеуказанных стратегий и специальных политик правительства стран СВА принимали во внимание выдвинутую РФ стратегию ускоренного развития РДВ, что способствует их возможному сопряжению. Что касается Китая, то в 2018 г. президент Си Цзиньпин отметил политику развития северных районов Китая, которая с некоторыми допущениями также может быть отнесена к этой группе [7].

Выступления руководителей стран СВА на ВЭФ носили программный характер, что позволило автору более четко определить направления сотрудничества с Россией на Дальнем Востоке, в которые они заинтересованы и хотели бы развивать. Напротив, отсутствие в них упоминаний о ряде продвигаемых Москвой проектов, позволяет полагать, что в развитии последних РФ надо больше полагаться на собственные силы и ресурсы. С учетом этого анализ текстов выступлений руководителей РФ, Китая, Японии и РК на пленарных заседаниях ВЭФ составил важную часть данного исследования.

Основные исследовательские вопросы работы:

- оценить региональные стратегии Китая, Японии и РК на предмет совпадения предлагаемых ими направлений и проектов международного сотрудничества, в том числе на РДВ, с российскими интересами и задачами по развитию этого региона;
- проанализировать степень и характер влияния основных внешне- и внутривосточных факторов на характер принимаемых этими государствами решений по участию или неучастию в предлагаемых РФ проектах сотрудничества на РДВ;
- с учетом этого оценить возможности участия этих стран СВА в международных проектах на РДВ на ближайшую перспективу.

Методология

Для анализа стратегий регионального развития стран СВА, а также масштабов и характера участия инвесторов из этих государств в международных проектах на Дальнем Востоке автор использовал преимущественно сравнительный и институциональный методы и опирался на статьи экспертов и статистические материалы.

Что касается геополитических аспектов научной проблемы, то на решение вопросов международного сотрудничества влияют личностные отношения государственных лидеров, их международно-политическая повестка, внутривластные приоритеты и др. При этом СВА отличается высокой напряженностью в сфере безопасности, нерешенными историческими и территориальными проблемами. В этой связи следует учитывать присутствие внерегионального актора (США), оказывающего сильное влияние на события в регионе. По мнению неореалистов, порядок безопасности в СВА остается "инструментальным" [16], а сторонники неолиберализма полагают, что экономические связи региона "созрели для сотрудничества" [20]. Понимание этих особенностей СВА потребовало от автора применить для исследования аналитический эклектицизм, предполагающий интеграцию различных парадигм теории международных отношений [21]. При этом для оценки уже реализуемых проектов и будущих планов экономического сотрудничества на РДВ автор в наибольшей степени опирался на неолиберальную теорию нефункционализма [19].

Политика РФ по развитию РДВ и сотрудничество со странами СВА в условиях возросших геополитических рисков

США и Китай, которые вступили в период жесткой конфронтации, оказывают большое влияние на комплекс региональной безопасности СВА и снижают перспективы политического и экономического сотрудничества РФ с Японией и РК. США многие десятилетия оказывали серьезное влияние на Японию, для которой они всегда были главным партнером. При этом Россия считает американские базы на территории Японии и РК основной угрозой для своей безопасности в АТР. РК также весьма зависима от США и размещенных на её территории американских ВС в вопросе поддержки в возможном вооруженном конфликте с КНДР. При этом отношения США и России также находятся на очень низком уровне и омрачены многими проблемами, в том числе выходом Вашингтона из большинства договоров по сдерживанию вооружения и планам по разрыванию и наращивания системы национальной ПРО в СВА (в РК и Японии) и др. Избрание Дональда Трампа Президентом США не привело к улучшению связей Москвы с Вашингтоном, хотя в этот период США и не препятствовали развитию политических отношений России с Японией и РК. Тем не менее в условиях продолжающихся антиросийских санкций Запада в правительстве США не приветствовали расширение ими экономических связей с РДВ, а к возможности вхождения японских и корейских компаний в энергетические проекты в этом регионе и Арктике относились отрицательно и стремились им противодействовать.

Для оценки достижений политики России по развитию Дальнего Востока и оценки вклада в него иностранных партнеров автор опирался, в первую очередь, на выступления Президента РФ Владимира Путина на форумах ВЭФ, а также на статистические данные российских государственных органов. На прошедших пяти форумах ВЭФ (2015–2019) Путин выступал с пленарным докладом, где давал оценку проделанной государственными органами и бизнесом работы по развитию региона, характеризовал преимущества и достижения уже действующих на РДВ преференциальных инвестиционных режимов (ТОР, СПВ и др.), определял приоритеты развития региона на будущее. При этом, выступая на ВЭФ в 2017 г., он оценил вклад стран СВА в развитие бизнеса в регионе, в соответствии с которым за прошедшие два года 80% иностранных инвестиций на РДВ пришлось из Китая, и официально поблагодарил Пекин за такую поддержку. Одновременно он косвенно выразил неудовлетворение низким уровнем сотрудничества РДВ с другими странами СВА, включая Японию, РК и Монголию [6].

На последнем из проведенных, пятом, ВЭФ Президент РФ сделал акцент на успехах Правительства по продвижению в регионе ТОР и СПВ. По приведенным им данным, в регионе образовано 20 ТОР. В них зарегистрировано 369 резидентов, которые вложили 344,8 миллиарда рублей инвестиций и создали почти 20 тысяч рабочих мест. Режим СВП был распространён на 22 муниципальных образования, а его преимуществами воспользовались 1404 резидента, которые, в свою очередь, вложили 95,2 миллиарда рублей и создали свыше 10 тысяч рабочих мест. В результате рост промышленного производства на РДВ за последние пять лет составил почти 23%, что почти в три раза выше, чем в целом по стране [8].

Ряд важных статистических показателей по социально-экономическому развитию РДВ и оценке вклада в него иностранных партнеров приведены в докладе Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики за 2019 г. Согласно этому документу, объем накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) с 2014 г. и за 9 месяцев 2019 г. составил 33 млрд. долл. США (27,1% от всех ПИИ, поступивших за этот период в Россию). Всего на РДВ реализуется 179 инвестиционных проектов с участием иностранного капитала (без учета проектов "Сахалин-1" и "Сахалин-2". Общий объем иностранных инвестиций составляет 2,2 трлн. руб. Наибольшую долю в объеме привлеченных инвестиций занимает КНР (72,7% или 1,6 трлн. руб., далее – Индия – 3,7%, РК – 3,1% и Япония – 2,7%). В ТОР и СПВ, а также вне ТОР и СПВ партнерами из США и стран АТЭС реализуется на РДВ 147 инвестиционных проектов, из них: 91 – Китаем, 27 – Японией, 22 – РК и 7 – Индией [3].

В то же время данные таможенной статистики по внешнеэкономической деятельности РДВ за 2018 и 2019 годы свидетельствуют о том, что в этой сфере не было доминирования Китая, а почти схожие показатели в объемах торговли с РДВ демонстрировала РК. В целом внешнеторговый оборот РДВ в 2019 г. составил 37 163,4 млн. долл. США, что на 2 675,8 млн. долларов США больше, чем в 2018 году (на 7,8%). Наибольший объем внешнеторгового оборота Дальнего Востока пришелся на страны АТЭС – 30 295,8 млн. долларов США (81,5% от стоимости внешнеторгового оборота – увеличение на 6,4% к уровню 2018 года).

Крупнейшими странами-контрагентами РДВ во внешнеторговом обороте были: Китай – 10 472,0 млн. долларов США или 28,2% стоимости товарооборота РДВ (увеличение стоимости на 7,1% по ср. с 2018), РК – 10 122,2 млн. долларов США или 27,2% (увеличение стоимости на 4,1%), Япония – 7 312,4 млн. долларов США или 19,7% (увеличение стоимости на 10,5%). При этом высокие показатели внешнеторгового оборота РК с РДВ были обусловлены большими объемами экспорта российских сырой нефти и нефтепродуктов (63,3% стоимости российского экспорта в эту страну) [5].

Глобальное и региональное сотрудничество РФ с Китаем

Пришедший к руководству страной в 2012 г. председатель КНР Си Цзиньпин в качестве региональной стратегии для стран АТР в 2013 г. выдвинул концепцию "Азиатско-тихоокеанской мечты", основными принципами которой являются мирное сосуществование, международное сотрудничество и др., а достижение её целей должно базироваться на формировании трансрегиональных и региональных зон свободной торговли, многомиллиардных китайских инвестициях в региональную инфраструктуру, в том числе в создание "Экономического пояса шелкового пути" и "Морского шелкового пути", которые экономически свяжут три континента (Азию, Европу и Африку). Выдвигая масштабные проекты, Пекин занимается и решением внутренних проблем, в частности – устранением серьезного различия в уровне социально-экономического развития прибрежных и континентальных районов КНР. Так, например, "Экономический пояс шелкового пути" пройдет через Синьцзян-Уйгурский автономный район (один из самых бедных и проблемных регионов). Оба "шелковых пути" будут представлять собой транспортные коридоры для обеспечения растущего потока китайских товаров и инвестиций [11].

Россия в целом поддерживает эти проекты Китая, объединенные в "Инициативу Пояса и Пути". Однако на пути реализации в её рамках конкретных проектов сотрудничества, особенно в развитии транспортной инфраструкту-

ры, интересы двух стран не всегда совпадают. Так, китайские партнеры не проявили интереса к развитию и использованию Транссиба и БАМа, а вместо этого рассматривают более короткие транспортные пути в Европу через страны Центральной и Юго-Западной Азии, которые минуют Россию.

Тем не менее в мае 2017 г., выступая в Пекине на международном форуме "Инициативы Пояс и Пути" Президент Путин предложил "новую транспортную конфигурацию на Евразийском континенте" путем соединения инфраструктурных проектов, выполняемых в рамках Евразийского экономического союза (ЕЭС), "Инициативы поясов и дорог" и Северного морского пути" [9]. Это предложение вызвало серьезный интерес в Пекине, который в официальных стратегиях стал включать Арктику в качестве важного проекта "Инициативы Пояса и Пути", а в январе 2018 г. Правительство КНР выпустило первую Белую книгу по Арктике, озаглавленную "Арктическая политика Китая", где подтвердило, что Пекин готов сотрудничать со всеми заинтересованными сторонами для строительства "Полярного шёлкового пути" на основе развития в Арктике транспортного судоходства [17].

Китай стал крупнейшим зарубежным инвестором в арктические проекты российской газовой компании "Новатек": в проект "Ямал СПГ" китайские компании вложили 29.9%, а в проект "Арктик – СПГ-2" – 20% общего объема инвестиций. В июне 2019 г. российские "Совкомфлот" и "Новатек" подписали соглашение с китайскими "Фондом Шелкового пути" и "COSCO Shipping" о транспортировке СПГ из Арктики, которое предусматривает долгосрочное сотрудничество по совместному развитию, финансированию и выполнению круглогодичной перевозки грузов из Арктики в страны АТР. Наконец, в июне 2019 г. крупнейшая китайская строительная компания "China Machinery Industry Construction Group Inc" (SINOCONST) подписала Соглашение с Корпорацией по развитию Камчатки о готовности инвестировать до 100 млрд. рублей в инфраструктурные объекты на Камчатке, в том числе в строительство плавучего терминала по перевозке СПГ [2]. Эти примеры российско-китайского сотрудничества в Арктике и на РДВ в различных сферах свидетельствуют о формировании между партнерами глубоких и взаимовыгодных связей, а также стремлении Пекина активно участвовать в российских проектах, имеющих отношение к освоению Арктики.

Для характеристики состояния и перспектив сотрудничества Китая с РДВ уместно обратиться к выступлению Председателя КНР на пленарной сессии ВЭВ в 2018 г., которое он начал с подтверждения того, что Китай всегда был и остаётся активным участником сотрудничества в этом регионе, которое зиждется на мощной основе двустороннего партнерства по всеобъемлющему стратегическому взаимодействию. По его оценке, активно работает Межправкомиссия по сотрудничеству и развитию Северо-Востока Китая, Дальнего Востока и Байкальского региона России, проходят заседания круглого стола руководителей китайских и российских регионов [7]. Он также отметил, что Китай проводит стратегию согласованного развития регионов, в том числе ускоряет возрождение старых промышленных баз на северо-востоке страны. При этом стоит учитывать, что фокус на развитие этого региона Китая делался при прежних руководителях страны, а Си Цзиньпин перенес акценты на ускоренное развитие наиболее бедных и проблемных регионов западного и юго-западного Китая, а это значит, что и развитие взаимодействия с РДВ не относится к первым приоритетам нынешнего руководства страны. Тем не менее Си Цзиньпин справедливо отметил, что Китай является крупнейшим торговым партнёром и инвестором РДВ, и что Пекин учредил Китайско-российский инвестиционный фонд регионального развития объёмом в 100 миллиардов юаней. Далее он заявил о готовности вместе с российской страной прилагать усилия к сотрудничеству на РДВ в таких ключевых сферах, как инфраструктура, энергетика, сельское хозяйство, туризм, усиливать технологическую роль в сотрудничестве и др., дополняя друг друга своими преимуществами и достигая взаимной выгоды. Далее мы убедимся в том, что Япония и РК предлагают РДВ примерно тот же набор направлений сотрудничества, которые устраивают российскую сторону, вопросы возникают о том, при каких условиях проекты по этим направлениям могут быть реализованы на практике.

Далее прозвучала фраза, отразившая прагматические приоритеты Китая в развитии отношений с РФ на РДВ. Руководитель КНР заявил, что "По мере реализации нефтепровода Китая и России, газопровода по восточному маршруту, железнодорожного моста Тунцзян – Нижнеленинское и автомобильного моста Хэйхэ – Благовещенск приближается "сезон урожая" китайско-российского сотрудничества по развитию Дальнего Востока" [7]. То есть главными на РДВ для Пекина являются совместные проекты, которые прямо способствует доставке в Китай нефти, газа и транспортировке китайских товаров в Россию. При этом он не упомянул продвигаемые Россией для сотрудничества с Китаем транспортные и инфраструктурные проекты, в том числе новые проекты, предлагаемые Газпромом. Председатель Си Цзиньпин заявил, что нужно активнее сопрягать стратегии развития, в том числе по реализации "Инициативы Пояса и Пути" и ЕЭС. Однако транспортные проекты на РДВ на практике пока не вписываются в эту китайскую инициативу. В декабре 2016 г. Правительство РФ в рамках договоренности глав государств России и КНР о сопряжении ЕЭС и "Экономического пояса Шелкового пути" утвердило концепцию развития и модернизации международных транспортных коридоров (МТК) "Приморье-1" и "Приморье-2", которые соединяют китайские провинции Хэйлунцзян и Цзилинь с южными портами Приморского края. Однако, выступая в августе 2018 г. перед прессой по итогам заседания межправительственной российско-китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР, полномочный представитель Президента РФ в ДФО Ю.П. Трутнев отметил, что Китай пока не обозначил четкой позиции по проектам модернизации действующих МТК "Приморье-1" и "Приморье-2" в Приморском крае. При этом он сообщил, что обсуждения тянутся уже давно, и РФ нужна более ясная позиция руководства Китая о том, заинтересованы они в этих МТК или нет, потому что иначе России придется изменить логистическую модель этого проекта [15].

В своем выступлении на ВЭФ Си Цзиньпин отметил и хорошие результаты в трёхстороннем сотрудничестве Китай – Россия – Монголия. При этом весьма сдержанно прокомментировал прозвучавшее на этой же сессии в выступлении Президента Монголии Баттулги высокоприоритетное для этой страны и лоббируемое Газпромом предложение о строительстве газопровода из России в Китай через территорию Монголии. В комментариях по выступлению Президента Баттулги Президент РФ подтвердил, что Москва поддерживает этот проект, готова к проработке технико-экономического обоснования и считает его вполне реализуемым. Что касается Председателя КНР Си Цзиньпина, то он отметил перспективность проекта, но сделал акцент на необходимости сначала тщательно обосновать его научную и экономическую целесообразность, и что в Китае работают над этим [7].

Российско-японское сотрудничество в условиях нерешенного территориального спора

Став в 2012 г. во второй раз премьер-министром Японии, Абэ сразу же заявил, что улучшение отношений с Россией будет одним из его внешнеполитических приоритетов, что и подтвердил в последующие годы в ходе многочисленных визитов в Россию и регулярных встреч с Президентом Путиным "на полях" международных саммитов. Существенное улучшение произошло в мае 2016 г., когда лидеры согласились выработать "новый подход" к решению территориального вопроса и комплексный план экономического сотрудничества на основе предложенного Абэ "плана из восьми пунктов" по его развитию на РДВ в таких областях, как энергетика, промышленность, медицина, сельское хозяйство, развитие городов, средний и малый бизнес, высокие технологии и гуманитарные обмены [13].

В целом В. Путин поддержал предложенные С. Абэ подходы для улучшения двусторонних отношений, однако в 2017 г., как упоминалось выше, на Форуме ВЭФ не слишком высоко оценил японские усилия по наращиванию экономических связей на РДВ. А в ноябре 2017 г. оценивая переговоры двух лидеров во Вьетнаме "на полях" саммита АТЭС, с одной стороны, подтвердил готовность продвигаться к заключению мирного договора, а с другой – указал,

что Япония должна прояснить, какие обязательства в сфере безопасности она будет должна выполнять, являясь партнером по договору безопасности с США, а также, что из-за неясности в этом вопросе могут потребоваться годы, прежде чем переговоры по его заключению будут завершены [14]. Такой феномен различной трактовки намерений свидетельствует о неореалистской структуре системы безопасности США и недостаточном доверии между сторонами. При этом позиция Москвы объясняется тем, что в 90-е годы лидеры СССР и затем России получали от своих визави на Западе многочисленные обещания, что НАТО не будет продвигаться на Восток, но это не было выполнено.

На переговорах с Абэ в сентябре 2018 г. во Владивостоке Путин уделил большое внимание перспективам расширения торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, при том что накопленные инвестиции Японии в российскую экономику достигли двух миллиардов долларов. По его оценке, успешно реализуется порядка 100 взаимовыгодных совместных инициатив в рамках предложенного Абэ плана сотрудничества по восьми направлениям, а также российского перечня приоритетных инвестиционных проектов. Далее он позитивно охарактеризовал прогресс и перспективы развития сотрудничества в энергетике и транспорте, отметив, что РЖД вместе с коллегами из Японии приступила к тестовым контейнерным перевозкам по Транссибу, что позволит нарастить объёмы поставок грузов в Европу. Также Путин отметил определённые успехи в налаживании совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах и реализации проектов в пяти утверждённых областях: аквакультуре, создании тепличных хозяйств, ветроэнергетике, организации пакетных туров и утилизации мусора [13].

Премьер-министр Абэ, выступая на следующий день на сессии ВЭФ-2018, вновь заявил, что японо-российские отношения продвигаются с беспрецедентным ускорением и стал призывать Путина подтвердить решимость заключить мирный договор прямо перед присутствующей аудиторией [7]. И тогда в ответ Президент РФ предложил Абэ заключить мирный договор без каких-либо предварительных условий, что стало проявлением дальнейшего ужесточения российской переговорной позиции.

Последняя встреча между Путиным и Абэ (в сентябре 2020 г. С. Абэ покинул пост премьер-министра по состоянию здоровья) состоялась в сентябре 2019 г. на пятом саммите ВЭФ. При этом он участвовал в четырёх саммитах ВЭФ, и по этому показателю с ним конкурирует только Президент Монголии Баттулга. В своём выступлении Абэ подчеркнул, что эта его встреча с Путиным является уже 27-ой, и этим беспрецедентным числом подтвердил близкий характер отношений, рассматривая их в духе теории конструктивизма в качестве ключевого инструмента для улучшения двусторонних отношений. Далее он сообщил, что общее число японских коммерческих проектов на РДВ превысило 200.

Особо он отметил достижение в июне 2019 г. соглашения об участии японских предприятий (Мицуи и Японской национальной корпорации по нефти, газу и металлам) в проекте Новатэка "Арктик СПГ-2". Они инвестируют в него более 3 млрд. долл., что делает Японию важным участником проекта. Одновременно начато обсуждение планов подключения японских компаний к финансированию и строительству комплекса для перегрузки СПГ на Камчатке, куда он будет доставляться из Арктики (в рамках проектов Новатэка "Ямал СПГ" и "Арктик СПГ-2"). Такие примеры, когда сотрудничество в одном секторе создает возможности его развития в смежных областях, Хаас в рамках теории неофункционализма характеризовал как "эффект перетекания" [19]. В заключение Абэ снова призвал Путина заключить мирный договор [8].

В ответ Путин отметил, что Россия тоже этого хочет, но в декларации есть много вопросов, лежащих за пределами отношений РФ и Японии. В первую очередь, это касается сферы безопасности, где Москва не может не учитывать позиции третьих стран и обязательства Японии перед ними, в том числе перед США. Аналогичные оценки Путин дал и на итоговой пресс-конференции 2019 года, где напомнил, что Москве и Токио надо вести переговоры о гарантиях того, что на японских островах не появятся новые ударные системы американского оружия [10]. Подтверждением того, что в будущем решение вопроса о принадлежности спорных островов будет еще более маловероятным,

стало утверждение в июле 2020 г. поправок к Конституции РФ, в том числе о "запрете отчуждения отечественных земель".

Сотрудничество РФ и РК в условиях нестабильности межкорейских отношений

Став Президентом РК в мае 2017 г., Мун Чжэин уже в августе представил Новую Северную политику (НСП) РК, ставящую задачи по подготовке к вхождению страны в зону свободной торговли ЕЭС и развитию трехстороннего экономического сотрудничества РФ-КНДР-РК. Для реализации НСП был создан Комитет по Северному экономическому сотрудничеству (энергетические и транспортные проекты). В большой степени реализация НСП опирается на существенное развитие политических и торгово-экономических отношений с РФ и участие в развитии РДВ [1].

В сентябре 2017 г. Мун Чжэин представил основные принципы НСП на ВЭФ во Владивостоке, основные направления которой, по оценке президента РК, совпадают с новой восточной политикой РФ, и отметил, что РДВ – это именно то место, где встречаются эти две новые политики. По его оценке, есть проекты, которые не продвигались из-за неблагоприятных межкорейских отношений, однако для их реализации надо сделать акцент на сотрудничество с Россией, например, в сфере судостроения и морской логистики. При этом уже создан и начал работу Комитет по северному экономическому сотрудничеству при Президенте РК, который будет партнером российского Министерства по развитию Дальнего Востока при решении этих задач.

Далее Президент РК провозгласил т.н. политику "9 мостов" – базового плана сотрудничества РК с РДВ по девяти направлениям: судостроение, сельское хозяйство, энергетика, железнодорожный транспорт, газоснабжение, рыбное хозяйство, развитие морских портов, развитие промышленного комплекса в Приморье и совместное освоение Северного морского пути. В завершении он констатировал приоритет трехсторонних проектов с участием двух Корей и России для Сеула, однако, так как непреодолимые трудности пока мешают к ним приступить, то, по его мнению, следует начать те проекты, которые можно продвинуть за счёт взаимодействия РФ и РК [6]. Для расширения тематики двустороннего взаимодействия в июне 2018 г. во время визита в Россию Президент Мун Чжэин инициировал дополнение политики "9 мостов" за счет подключения еще трех секторов гуманитарного направления сотрудничества (экологии, здравоохранения и образования), в результате чего она была переименована в "9 мостов плюс альфа" [18].

Некоторые из выше названных "мостов" (судостроение, энергетика, СМП и др.) уже создаются. Так, Корея и Россия создали совместное предприятие для участия на судовой верфи "Звезда" в проекте по проектированию и строительству танкеров ледового класса "Афрамекс", а крупнейший в РК перевозчик контейнеров 'Hyundai Merchant Marine' (НММ) планирует осуществить в 2020 г. тестовые перевозки контейнеров по СМП, и, в случае успеха испытаний, начать их регулярные перевозки в Арктике. Подобные примеры активного участия корейских компаний в совместных проектах свидетельствуют об их интересе к использованию СМП на регулярной основе, и, как и в случае с Японией, являются примером развития бизнеса на основе предложенного теоретиками неофункционализма "эффекта перетекания" [19].

В то же время есть ряд факторов, негативно влияющих на перспективы сотрудничества двух стран на РДВ. По-прежнему неблагоприятный фон создают неудавшиеся в недалеком прошлом сделки корейского бизнеса в регионе, в том числе выход корпорации "Международный аэропорт Инчхон из состава акционеров ООО "Хабаровский аэропорт", продажа электротехнического завода Hyundai в Артеме и др. Из-за риска экономических санкций со стороны США, корейские энергетические компании отказались от возможности приобрести 10% акций в проекте Новатэка "Арктик СПГ-2", и их приобрели две японские компании. Кроме того, хотя ряд проектов в рамках политики "9 мостов плюс альфа" получили успешное развитие, более весомым приоритетом для Сеула является возможность развивать трехстороннее сотрудничество между двумя Кореями и Россией. Последнее в силу очередного кризиса

межкорейских отношений пока не имеет шансов на развитие, что негативно сказывается на сотрудничестве РФ и РК на РДВ.

Заключение

После введения Западом в 2014 г. санкций против РФ российско-китайские отношения еще более укрепились, а для проектов Японии и РК на РДВ в ряде случаев возникли дополнительные геополитические сложности и риски. Что касается недавно выдвинутых странами СВА специальных экономических политик и планов по сотрудничеству с РФ на Дальнем Востоке, то реализация входящих в них и совпадающих с российскими планами по его развитию отдельных экономических проектов возможна только при условии их соответствия геополитическим и экономическим интересам этих государств в регионе. Для Китая особый интерес представляют проекты, способствующие укреплению всех видов сотрудничества с РФ в Арктике, для Японии – энергетика и Южные Курилы, для РК – проекты экономического сотрудничества с возможностью выхода в перспективе на трехсторонние проекты с участием РК, КНДР и РФ.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что Китай является и сохранит позиции ведущего партнера России на РДВ. Пекин продолжает наращивать поставки в регион промышленной и сельскохозяйственной продукции, и значительно активнее других стран СВА подключился к участию в проектах, реализуемых на основе предложенных Правительством РФ преференциальных инвестиционных режимов ТОР и СПВ. Срок действия этих новых институтов еще не велик, и потребуются ещё 3–5 лет для того, чтобы можно было оценить, насколько существенным будет их вклад в улучшение инвестиционного климата в регионе. При этом серьезное обострение американо-китайских отношений также может стать дальнейшим стимулом для углубления экономического сотрудничества Китая с РФ.

В то же время Пекин рассматривает РДВ, в первую очередь, как ресурсную базу для обеспечения потребностей своей растущей экономики и при выборе проектов для участия в регионе действует в своих прагматических интересах. С учетом этого, в интересах реализации важных проектов развития транспортной и портовой инфраструктуры на устраивающих российскую сторону условиях, Москве надо больше полагаться на собственные ресурсы, а также стараться привлечь к ним и других партнеров по СВА. При этом Арктическая политика Пекина в последние годы характеризовалась как возросшей экономической активностью, так и подведением под неё теоретико-концептуальной базы. Начиная с 2014 г. Пекин использует концепцию "великой полярной державы" для подчеркивания значимости обоих полярных регионов для национальных интересов Китая [17]. Таким образом, существенные финансовые инвестиции Пекина в российские энергетические проекты в Арктике являются частью долговременной стратегии, и в перспективе эти вложения, как и в обеспечивающие их деятельность промышленные и инфраструктурные проекты на Дальнем Востоке, будут только расти.

За последние годы премьер-министр Японии Абэ и Президент РФ Путин предприняли попытку путём развития преимущественно экономического и гуманитарного направлений сотрудничества повысить уровень доверия и улучшить отношения между двумя странами для создания условия для подписания мирного договора. В результате в политике и безопасности улучшение отношений произошло лишь формально, при этом Токио не может согласиться на требование Москвы по предоставлению гарантий неразмещения на своей территории американского ударного оружия, так как, в соответствии с неореалистической теорией баланса сил, для Японии договор безопасности с США на порядок важнее, чем возможность решения территориальной проблемы с Россией. В экономике двустороннее сотрудничество на РДВ существенно выросло. При этом несколько японских проектов в этом регионе и в Арктике были начаты в соответствии с "эффектом перетекания" неофункционализма. В дальнейшем участие японского бизнеса в приоритетных для Токио проектах, особенно в энергетике, будет ограничено противодействием США, а развитие совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах будет тормозиться нерешенностью вопроса их юридического статуса. При этом новый

премьер-министр Японии Есихида Суга, хотя и являющийся протезе бывшего премьер-министра Синдзо Абэ, может выработать другие стратегические приоритеты и скорректировать политический курс в отношении России на не столь дружественный.

С приходом к руководству страной Президент РК Мун Чжэин и его советники сформулировали ряд продуманных стратегий и политик, направленных на развитие отношений с РФ в целом и укрепления сотрудничества с РДВ в частности. За последнее время двум странам удалось добиться прогресса в реализации совместных проектов в судостроении, развитии сельского хозяйства и др. В то же время дальнейшее позитивное развитие в этом направлении будет сдерживаться неблагоприятной геополитической ситуацией в США, в том числе экономическими санкциями США против РФ, и особенно кризисными отношениями КНДР с РК и США, что делает невозможной реализацию ключевых для Сеула трехсторонних проектов с участием двух Кореи и РФ.

Литература

1. Волощак В.И., Лукин А.Л. Российско-южнокорейское сотрудничество в рамках "Новой Северной политики" Республики Корея: предварительные итоги // Известия Восточного института. 2018. № 4. С. 68–80.
2. Госкорпорация из Китая China готова вложить 100 млрд. в объекты на Камчатке, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastrussia.ru/en/news/goskorporatsiya-iz-kitaya-gotova-vlozhit-100-mlrd-v-obekty-na-kamchatke/> (дата посещения: 16.02.2020).
3. Доклад о реализации плана деятельности Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики за 2019 год. 21 февраля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/886/doklad-o-realizatsii-plana-deyatelnosti-ministerstva-rossiyskoj-federatsii-porazvitiyu-dalnego-vostoka-i-arktiki-za-2019-god.pdf> (дата посещения: 15.03.2020).
4. Козлов Л.Е., Волынчук А.Б. Региональная политика России на Дальнем Востоке в условиях неблагоприятной внешней среды // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4. С. 24–35.
5. Обзор внешнеэкономической деятельности Дальнего Востока за 2019 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic/2019-god/itogovaya-informacziya/document/230465> (дата посещения: 15.05.2020).
6. Пленарное заседание ВЭФ 7 сентября 2017 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55552> (дата посещения: 30.10.2017).
7. Пленарное заседание ВЭФ 12 сентября 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58537> (дата посещения: 14.09.2018).
8. Пленарное заседание ВЭФ 5 сентября 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61451> (дата посещения: 15.09.2019).
9. Путин предложил новый способ использования Северного морского пути. 14 мая 2017, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/business/562225> (дата посещения: 16.05.2017).
10. Путин В.В. "Большая пресс-конференция Владимира Путина 19 сентября". [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/62366 (дата посещения: 21.12.2019).
11. Севастьянов С.В. Интеграционные проекты Китая в АРТ и Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 4. С. 5–12.
12. Севастьянов С.В. От редактора рубрики // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4. С. 5–7.
13. Севастьянов С.В., Лукин А.Л., Шишмаков С.О. Дипломатия Путина и Абэ: перспективы политического урегулирования российско-японских отношений // Известия Восточного института. 2018. № 4. С. 54–67.
14. Стенограмма встречи с российскими и иностранными журналистами по итогам Саммита АТЭС 11 ноября 2017 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56049> (дата посещения: 05.11.2018).
15. Трутнев: КНР не обозначила позицию по МТК в Приморье. 21 августа, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/5476272> (дата посещения: 15.09.2018).
16. Alagappa M. Asian Security Order: Instrumental and Normative Features, Stanford University Press, Stanford, CA., 2003.

17. China's Arctic Policy. 26 January 2018, [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/201801/26/c_136926498_4.htm (дата обращения: 16.01.2019).
18. Far East Development Policy in Putin's Fourth Term and New Directions for Korea – Russia Economic Cooperation. World Economy Brief, 2019, 4 March. Vol. 9, № 2.
19. Haas, E. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–57, Stanford, CA., 1958.
20. Pempel, T.D., ed. The Economy Security Nexus in Northeast Asia, Routledge, New York, NY., 2013.
21. Sil, K. and Katzenstein, P. Beyond Paradigms: Analytic Eclecticism in the Study of World Politics, Palgrave, New York, NY., 2010.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Voloshhak V.I., Lukin A.L. Rossijsko-yuzhnokorejskoe sotrudnichestvo v ramkakh "Novoj Severnoj politiki" Respubliki Koreya: predvaritel'nye itogi" // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2018. № 4. S. 68–80.
2. Goskorporatsiya iz Kitaya China gotova vlozhit' 100 mlrd. v ob'ekty na Kamchatke, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastrussia.ru/en/news/goskorporatsiya-iz-kitaya-gotova-vlozhit-100-mlrd-v-obekty-na-kamchatke/> (data poseshheniya: 16.02.2020).
3. Doklad o realizatsii plana deyatel'nosti Ministerstva RF po razvitiyu Dal'nego Vostoka i Arktiki za 2019 god. 21 fevralya 2020 g. [Электронный ресурс]. URL: <https://min-vr.gov.ru/upload/iblock/886/doklad-o-realizatsii-plana-deyatelnosti-ministerstva-rossiyskoy-federatsii-porazvitiyu-dalnego-vostoka-i-arktiki-za-2019-god.pdf> (data poseshheniya: 15.03.2020).
4. Kozlov L.E., Volynchuk A.B. Regional'naya politika Rossii na Dal'nem Vostoke v usloviyakh neblagopriyatnoj vneshnej sredy // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2016. № 4. S. 24–35.
5. Obzor vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti Dal'nego Vostoka za 2019 god. [Электронный ресурс]. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic/2019-god/itogovaya-informatsiya/document/230465> (data poseshheniya: 15.05.2020).
6. Plenarnoe zasedanie VEHF 7 sentyabrya 2017 goda [Электронный ресурс] // Ofitsial'nyj sayt Prezidenta Rossii. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55552> (data poseshheniya: 30.10.2017).
7. Plenarnoe zasedanie VEHF 12 sentyabrya 2018 goda [Электронный ресурс] // Ofitsial'nyj sayt Prezidenta Rossii. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58537> (data poseshheniya: 14.09.2018).
8. Plenarnoe zasedanie VEHF 5 sentyabrya 2019 goda [Электронный ресурс] // Ofitsial'nyj sayt Prezidenta Rossii. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61451> (data poseshheniya: 15.09.2019).
9. Putin predlozhit' novyj sposob ispol'zovaniya Severnogo morskogo puti. 14 maya 2017, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/business/562225> (data poseshheniya: 16.05.2017).
10. Putin V.V. "Bol'shaya press-konferentsiya Vladimira Putina 19 sentyabrya". [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/62366 (data poseshheniya: 21.12.2019).
11. Sevast'yanov S.V. Integratsionnye proekty Kitaya v ART i Evrazii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. № 4. S. 5–12.
12. Sevast'yanov S.V. Ot redaktora rubriki // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2016. № 4. S. 5–7.
13. Sevast'yanov S.V., Lukin A.L., Shishmakov S.O. Diplomatiya Putina i Abek: perspektivy politicheskogo uregulirovaniya rossijsko-yaponskikh otnoshenij // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2018. № 4. S. 54–67.
14. Stenogramma vstrechi s rossijskimi i inostrannymi zhurnalistami po itogam Sammita ATEHS 11 noyabrya 2017 goda [Электронный ресурс] // Ofitsial'nyj sayt Prezidenta Rossii. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56049> (data poseshheniya: 05.11.2018).
15. Trutnev: KNR ne oboznachila pozitsiyu po MTK v Primor'e. 21 avgusta, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/5476272> (data poseshheniya: 15.09.2018).
16. Alagappa M. Asian Security Order: Instrumental and Normative Features, Stanford University Press, Stanford, CA., 2003.
17. China's Arctic Policy. 26 January 2018, [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/201801/26/c_136926498_4.htm (data obrashheniya: 16.01.2019).
18. Far East Development Policy in Putin's Fourth Term and New Directions for Korea – Russia Economic Cooperation. World Economy Brief, 2019, 4 March. Vol. 9, № 2.
19. Haas, E. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–57, Stanford, CA., 1958.

20. Pempel, T.D., ed. *The Economy Security Nexus in Northeast Asia*, Routledge, New York, NY., 2013.

21. Sil, K. and Katzenstein, P. *Beyond Paradigms: Analytic Eclecticism in the Study of World Politics*, Palgrave, New York, NY., 2010.

Севастьянов С. В. Перспективы развития трансграничных отношений Дальнего Востока России в контексте выдвинутых ведущими странами СВА стратегий международного сотрудничества.

В статье исследуются возможности и ограничения, возникающие при попытках сопряжения выдвинутых в последние годы ведущими странами Северо-Восточной Азии (Китаем, Японией и РК) стратегий международного сотрудничества со стратегическими инициативами и планами российского руководства по ускоренному развитию Российского Дальнего Востока (РДВ). В этих целях проанализировано участие иностранных партнеров в бизнес-проектах на РДВ, в том числе с опорой на создаваемый комплекс преференциальных режимов для инвесторов, в первую очередь, таких, как территории опережающего развития (ТОР) и Свободный порт Владивосток (СПВ). Особое внимание при этом уделено анализу влияния геополитической обстановки в мире и регионе на принятие странами СВА решений по участию или неучастию в предлагаемых Россией проектах международного сотрудничества на РДВ. Методической основой работы стало изучение выступлений лидеров стран СВА, в том числе на Восточном экономическом форуме, статических материалов и научных исследований по данной тематике, и их анализ с опорой на актуальные для региона СВА теории международных отношений.

Ключевые слова: *российские планы ускоренного развития Дальнего Востока, трансграничные отношения, стратегии международного сотрудничества стран Северо-Восточной Азии*

Sevastyanov S. V. Prospects for the development of transborder relations of the Russian Far East in the context of the strategies of international cooperation put forward by.

The article examines the possibilities and limitations that arise when trying to match the strategies of international cooperation put forward in recent years by the leading countries of Northeast Asia (China, Japan and the Republic of Korea) with the strategic initiatives and plans of the Russian leadership for the accelerated development of the Russian Far East (RFE). To this end, the participation of foreign partners in business projects on the Russian Far East was analyzed, including with reliance on the created complex of preferential regimes for investors, first of all, such as priority development territories (PDT) and the Free Port of Vladivostok (FPV). Special attention is paid to the analysis of the influence of the geopolitical situation in the world and the region on the adoption by the NEA countries of decisions on participation or non-participation in the projects of international cooperation proposed by Russia on the RFE. The methodological basis of the work was the study of the speeches of the leaders of the NEA countries, including at the Eastern Economic Forum, statistical materials and scientific research on this topic, and their analysis based on the theories of international relations that are relevant for the NEA region.

Key words: *Russian plans for advanced development of the Far East, transborder relations, Northeast Asia countries' strategies for international cooperation*

Для цитирования: Севастьянов С. В. Перспективы развития трансграничных отношений Дальнего Востока России в контексте выдвинутых ведущими странами СВА стратегий международного сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 125–136. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/125-136

For citation: Sevastyanov S. V. Prospects for the development of transborder relations of the Russian Far East in the context of the strategies of international cooperation put forward by // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 4. P. 125–136. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/125-136

Ядерная безопасность в Юго-Восточной Азии: вызовы и направления сотрудничества

Введение

Обеспечение ядерной безопасности остается глобальной проблемой. Помимо государств, обладающих ядерным оружием и атомными электростанциями (АЭС), в зону риска попадают страны, использующие возможности "мирного атома" и обладающие радиоактивными материалами, а также соседи ядерных государств. Согласно определению Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), ядерная безопасность (ЯБ) это "предотвращение, обнаружение и реагирование на кражу, саботаж, несанкционированный доступ, незаконную передачу или другие злонамеренные действия, связанные с ядерным материалом, другими радиоактивными веществами или связанными с ними объектами" [19, р. 3].

В нач. XXI в., когда начали пересматриваться концепция безопасности АЭС и дальнейшее развитие "культуры ядерной безопасности" как одной из основ атомной энергетики, определяющим моментом в данном процессе стал афоризм бывшего главы МАГАТЭ Ханса Бликса о том, что "ядерная авария где-то является аварией везде" [17, р. 243]. Несмотря на то, что в мире, в том числе благодаря проводимым МАГАТЭ мероприятиям [26], существенно возросла осведомленность о проблемах распространения ядерных материалов, обеспечения функционирования АЭС, сохранности ядерных объектов, вопросы управления ЯБ на глобальном и региональном уровнях до сих пор сохраняют остроту. В этом отношении внимание исследователей и экспертов уделяется ситуации в Юго-Восточной Азии (ЮВА), где на протяжении нескольких десятилетий изучаются вопросы о включении ядерных технологий в социально-экономическую сферу и разрабатываются программы развития ядерной энергетики. Проблема нуклеаризации ЮВА находится в фокусе внимания как отечественных (И. Ахтамзян, В. Мурогов, А. Колбин, Н. Кутнаева, С. Ключанская, А. Чебан), так и зарубежных (Р. Финч, Д. Эммерт, Д. Олбрайт, Х.С. Трахано, К.-А. Мели, П. Н. Аджа) исследователей, которые помимо деталей развития ядерной энергетики и ядерных технологий в ЮВА также затрагивают сопутствующие этим процессам вопросы безопасности.

Угрозы ядерной безопасности в Юго-Восточной Азии

Бурный экономический рост в странах ЮВА, сопряженный с увеличением масштабов энергопотребления, поставил перед руководством членов АСЕАН варианты решения вопроса обеспечения эффективного энергоснабжения, среди которых фигурировало развитие "мирного атома". В то же время реализация национальных программ развития атомной энергетики оказалась неразрывно связана с необходимостью решения проблем безопасности, усугубляемых рисками, связанными с использованием ядерных технологий [3, с. 71].

© Золотухин И. Н., Бобыло А. М., 2020

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: zolivnik@mail.ru

БОБЫЛО Андрей Михайлович, канд. полит. наук, начальник Управления экспорта образования Национального исследовательского ядерного университета "МИФИ" (г. Москва). E-mail: sibiryak_84@mail.ru

Вероятность "ядерного ренессанса"¹ заставляет страны ЮВА уделять внимание угрозам, обусловленным природными, социальными, геополитическими факторами. Среди ключевых вызовов для ядерной безопасности ЮВА можно выделить риски чрезвычайных ситуаций, высокий уровень террористической активности, проблемы пиратства, политические разногласия, недостаточный пограничный и экспортный контроль, дефицит квалифицированных специалистов в ядерной сфере, риски и угрозы кибербезопасности, возможность использования отработанных ядерных материалов в военных целях.

Природные катаклизмы являются "визитной карточкой" региона. К наиболее распространенным стихийным бедствиям в ЮВА относятся землетрясения, тропические циклоны, речные наводнения и цунами [27, p. 2]. Возрастает число геофизических катастроф. Расположение стран ЮВА в сейсмоопасном поясе по умолчанию создает риски геофизических катастроф, число которых возрастает. Например, в 2016 г. число зарегистрированных стихийных бедствий в Индонезии на 83,9% превысило показатели 2015 г. [25, p. 145] Самыми разрушительными катаклизмами в ЮВА в XXI в. стали цунами в Индийском океане в 2004 г., землетрясения в Паданге в 2006, в Джокьякарте в 2009, на Сулавеси в 2018 г., циклон Нургис в 2008 г., тайфун Хайян в 2013 г. Еще одним фактором, создающим риски перспективам мирной нуклеаризации ЮВА, становится колоссальное давление со стороны стран региона на окружающую среду. В результате активизация хозяйственной деятельности, ориентированной на повышение прибыли и материального благосостояния, привела к обострению экологической ситуации.

Опасность природных и экологических катастроф создает обеспокоенность как среди руководства стран ЮВА, так и международного сообщества по поводу радиоактивных утечек или аварий, которые могут нанести серьезный ущерб окружающей среде. Это касается как возможного использования плавучих ядерных реакторов, так и наземных АЭС. Ситуация усугубляется тесным соседством государств ЮВА друг с другом, из-за чего риск ядерного заражения приобретает трансграничный характер и становится еще опаснее. Несмотря на то, что в настоящее время в ЮВА нет действующих атомных станций, недалеко от Вьетнама расположены три китайские, а Бангладеш начал в 2017 г. совместно с Россией строительство своей первой АЭС всего в 500 км от границы с Мьянмой [13].

Негативными факторами, препятствующими созданию ядерного сектора в ЮВА, являются политическая нестабильность и опасность терактов, особенно в свете активизации террористического интернационала на Филиппинах, в Индонезии, Таиланде, а также сложной внутривнутриполитической обстановки в Мьянме. Хотя до настоящего момента регион не сталкивался с актами ядерного терроризма, нельзя исключить возможности доступа террористических группировок к радиоактивным материалам с плохо охраняемых ядерных объектов.

Серьезную угрозу обеспечения функционирования плавучих реакторов представляют проблемы безопасности на море, такие как пиратство (особенно связь пиратства и терроризма), нарушения в обеспечении морских перевозок, контрабанда запрещенных материалов, территориальные споры.

Наличие политических и экономических противоречий между государствами ЮВА также не способствует улучшению атмосферы доверительных отношений, важных для развития ядерных технологий в регионе. Не менее серьезным препятствием на пути бесконфликтного взаимодействия являются сохраняющиеся трения в отношениях между региональными и внерегиональными игроками. В этом смысле показательна напряженная ситуация в Южно-Китайском море, где Китай усиливает свое присутствие и готов разместить плавучие АЭС (ПАТЭС). С другой стороны, не следует исключать вероятности

¹ Ядерный ренессанс ("ренессанс атомной энергетики") – возрождение интереса к развитию ядерной энергетики на глобальном уровне в начале XXI в. [21] после 15-тилетнего периода застоя, вызванного катастрофой на Чернобыльской АЭС. Примечательно, что после аварии на Фукусиме большинство стран ЮВА не отказалось от намерений развивать программы "мирного атома", хотя в дальнейшем скорректировали сроки вероятного запуска АЭС на более отдаленную перспективу.

того, что развитие "мирного атома" в ЮВА поможет хотя бы частично снизить накал противоречий вокруг спорных территорий, особенно шельфовой зоны, обладающей залежами нефти и газа.

Вопрос морской безопасности связан с рисками перевозки радиоактивных материалов. Большинство стран ЮВА обладают протяженной береговой линией (особенно архипелажные Филиппины и Индонезия), что затрудняет таможенный контроль над перемещением товаров, особенно учитывая недостаточность системы наблюдения и мониторинга в портах. Развитие странами ЮВА атомной энергетики откроет поставки на их территорию ядерного топлива для АЭС, что соответствует положениям режима нераспространения ядерного оружия (РНЯО), однако параллельно возникает проблема утилизации и вывоза облученного ядерного топлива (ОЯТ). Очевидно, что незащищенные морские перевозки, также как сохранение ОЯТ на территории стран ЮВА в условиях рисков природных и социальных катаклизмов, могут привести к катастрофическим последствиям. Теневой стороной сохранения ОЯТ является потенциальная возможность для стран ЮВА извлекать содержащийся в нём плутоний для использования в разработке ядерного оружия.

Серьезным вызовом для обеспечения ЯБ в ЮВА является отсутствие в странах региона совершенной системы экспортного контроля, что создает возможность для нелегального транзита ядерных и радиоактивных материалов. Например, в 2003 г. в Таиланде была раскрыта сеть контрабандистов, пытавшихся продать переправляемый через Лаос высокотоксичный цезий-137 [7, с. 68]. В период с 2013 по 2018 гг. в ЮВА произошло пять случаев пропажи, незаконного оборота или хищения радиоактивных материалов [14]. Трудности осуществления экспортного контроля в странах ЮВА связаны с их быстрым экономическим ростом, из-за которого возникли сложности в проведении проверки экспортируемой и импортируемой продукции по причине недостаточного количества оборудования. Большинство таможен стран Индокитая не оснащено компьютерами, не говоря о радиационных мониторах [7, с. 69].

Помимо технических моментов, ядерные проблемы в ЮВА обусловлены отсутствием квалифицированных специалистов в области физической защиты ядерных объектов (условно, "техников" и "гуманитариев": первые, обладая надлежащей технической подготовкой, должны поддерживать функционирование и защиту ядерных объектов, а также препятствовать нелегальному трафику ядерных материалов; вторые, будучи гуманитарными специалистами, должны влиять на совершенствование национального законодательства и выработку культуры физической ядерной безопасности (ФЯБ)²).

Слабая культура ФЯБ в странах ЮВА является очевидным пробелом, из-за которого возможны аварийные ситуации, хищения и просто непонимание ситуации вокруг ядерного фактора. Не все страны ЮВА присоединились к базовым международным документам в области нераспространения и ФЯБ (дополнительному протоколу к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ, конвенции о физической защите ядерных материалов, международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма). Только Индонезии удалось разработать политико-правовые рамки внедрения культуры ФЯБ. Индонезия признана МАГАТЭ первой страной в мире, которая, руководствуясь с руководящими принципами Агентства, провела независимую оценку культуры безопасности по ядерным реакторам и другим исследовательским установкам, связанным с ядерными и радиоактивными материалами [24].

С развитием передовой технологической инфраструктуры серьезной проблемой для функционирования ядерных объектов могут стать кибератаки, особенно со стороны радикальных антиправительственных группировок. В связи с этим странам ЮВА предстоит усовершенствовать национальные системы кибербезопасности, в том числе благодаря сотрудничеству с зарубежными партнерами по программам в области информационной безопасности и заимствованию их опыта в противодействии киберугрозам.

² Под культурой физической ядерной безопасности подразумевается "совокупность характеристик, установок и поведения отдельных лиц, организаций и учреждений, которая служит средством поддержки и укрепления физической ядерной безопасности" [11, p.20].

Наличие в странах ЮВА ядерных объектов (исследовательские реакторы, радиоактивные источники, замороженная Батаанская АЭС на Филиппинах) и увеличение в них потока ядерных материалов требуют обеспечения ФЯБ. Проявляя интерес к развитию ядерных технологий, страны ЮВА стоят перед необходимостью предотвращения рисков, связанных с их использованием, что ставит перед странами задачу укрепления регионального потенциала многостороннего сотрудничества, направленного на решение вопросов в сфере ЯБ.

Региональные инструменты укрепления ядерной безопасности в Юго-Восточной Азии

Региональное сотрудничество играет важную роль в развитии международных отношений в ЮВА, где Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) выступает в качестве успешного интеграционного проекта и ключевого элемента архитектуры безопасности. В рамках АСЕАН выработано несколько региональных инструментов, касающихся как внедрения, так и усиления программ физической защиты радиоактивных материалов, в частности Бангкокский договор о Зоне свободной от ядерного оружия, региональный проект МАГАТЭ "Программа технического сотрудничества", Форум ядерного сотрудничества в Азии и др. В ЮВА получила распространение сеть ядерной судебной экспертизы. Страны региона (Бруней, Камбоджа, Сингапур, Таиланд, Филиппины) участвуют в "Инициативе по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения, ИБОР-ОМУ". Сингапур с 2005 г. проводит морские учения (Deer Sabre) по недопущению судов, провозящих ОМУ и технологий их создания [15]. С сентября 2013 г. запущен формат международных встреч в рамках АСЕАНТОМ (АСЕАНовской сети регулирующих органов по атомной энергии), в который помимо стран ЮВА вошли члены МАГАТЭ. АСЕАНТОМ нацелен на развитие сотрудничества в сфере ЯБ, проведение ядерной экспертизы, предотвращение незаконной перевозки ядерных и радиоактивных материалов и возвращение использованных радиоактивных материалов в страны происхождения [15]. Пять государств АСЕАН являются членами АНЕНТ (Азиатской сети образования в области ядерных технологий), которая занимается распространением, управлением и укреплением знаний в ядерной сфере, а также обеспечением постоянной доступности талантливых и квалифицированных кадров к отрасли ядерных исследований в Азии и улучшением ресурсов для устойчивого развития ядерных технологий [18, p. 104].

В ноябре 2018 г. на XIII Восточноазиатском саммите (ВАС) было принято первое совместное заявление лидеров стран Восточной Азии о безопасном и охраняемом использовании, хранении и транспортировании ядерных и радиоактивных материалов. Безопасность и защита ядерных и радиологических материалов провозглашается региональной проблемой в АТР, а АСЕАНТОМ оказалась единственной региональной сетью, упомянутой в совместном заявлении и получившей признание со стороны членов ВАС за свою работу [16, p. 2]. Заявление призвало все государства поддерживать и улучшать свою инфраструктуру ФЯБ, а также оказывать помощь и содействовать международному обмену опытом, знаниями и передовой практикой [16, p. 2].

Ядерная безопасность является ключевой региональной повесткой дня, установленной АСЕАНТОМ с учетом необходимости повышения осведомленности среди государственных и негосударственных субъектов о важности управления ФЯБ в ЮВА. В рамках программы обмена знаниями АСЕАНТОМ осуществляет адресную помощь странам, испытывающим недостаток знаний и опыта. Например, Камбоджа и Лаос не имеют достаточно хорошо обученного персонала и регулирующей инфраструктуры, особенно для регулирования радиоактивных материалов, и с 2017 г. Таиланд, обладающий более широкими знаниями в ядерной области, помогает своим соседям в сфере регулирования ядерной деятельности и онлайн-мониторинга радиации в окружающей среде посредством проведения семинаров по техническому сотрудничеству [16, p. 6].

Также АСЕАНТОМ оказывает поддержку созданию в ЮВА центров передового опыта и знаний для подготовки квалифицированных кадров в обла-

сти эффективного надзора за ядерными и радиоактивными материалами и обеспечения надежного режима ФЯБ внутри государства. Еще одним направлением деятельности АСЕАНТОМ является реализация проектов по предотвращению аварийных ситуаций и реагированию на них. Недавно АСЕАНТОМ разработал с Координационным центром АСЕАН по оказанию гуманитарной помощи в области борьбы со стихийными бедствиями протокол по ядерным и радиационным авариям [9]. В сотрудничестве с МАГАТЭ АСЕАНТОМ запустил в 2016 г. региональный проект по поддержке готовности к ядерным авариям и реагированию на них, который был направлен для создания базы данных АСЕАН для оказания технической помощи государствам-членам по оперативному реагированию на аварийные ситуации на ядерных объектах [10]. Сотрудничество в данной сфере ведется и с ЕС.

Другим ключевым органом в области ФЯБ является Региональное партнерство по радиологической безопасности, инициированное Австралией в 2004 г. совместно с МАГАТЭ и ориентированное на улучшение управления физической защитой и безопасностью радиоактивных источников высокого риска в ЮВА посредством технической подготовки и помощи, предоставления устройств обнаружения радиации, обмена передовым опытом и содействия совместным усилиям по поиску пропавших без вести [11].

Однако, несмотря на заметный прогресс в укреплении сотрудничества в области ФЯБ в ЮВА и потенциал для создания и расширения региональных механизмов, на повестке дня остается вопрос участия членов АСЕАН в глобальных конвенциях по ядерной безопасности. Важность коллективного присоединения к конвенции о физической защите ядерного материала и ее поправке неоднократно подчеркивал АСЕАНТОМ. Поправка расширяет сферу действия КФЗЯМ и включает требования физической защиты для ядерных установок и ядерных материалов при использовании, хранении и транспортировке внутри страны, кроме того, она криминализирует ядерную контрабанду, торговлю и саботаж и предусматривает расширение сотрудничества между странами по обнаружению и возвращению украденного или контрабандного ядерного материала [6].

Поскольку риски для физической защиты ядерных установок и материалов, такие как кража радиоактивных материалов и ядерный терроризм, чреваты катастрофическими региональными последствиями, в идеале странам АСЕАН, запустившим или запускающим ядерные программы, важно ратифицировать все договоры и осуществлять даже юридически необязательные руководящие принципы МАГАТЭ, способствуя тем самым укреплению архитектуры региональной ЯБ.

В то же время региональные эксперты указали на необходимость оказания международной помощи странам ЮВА в разработке и обновлении ответствующих законодательных и нормативных актов, связанных с планами реализации программ по обеспечению ФЯБ. Укреплению или созданию инфраструктуры ФЯБ может помочь содействие со стороны государств, обладающих развитыми ядерными технологиями, среди которых фигурируют США, страны Евросоюза, Япония, Канада, Россия [22, p. 64]. Страны ЮВА перед лицом новых угроз и вызовов в области международной безопасности, включая растущее технологическое соперничество между государствами, обладающими ядерным оружием, ожидают от внешних игроков усилий и гарантий по укреплению безопасности в регионе в рамках режима нераспространения ядерного оружия.

Проблемы формирования безъядерной зоны в Юго-Восточной Азии

За более чем полувековой период своего существования АСЕАН показала умение принимать коллективные решения, направленные на недопущение в регионе военных конфликтов. Конструктивный опыт АСЕАН в сглаживании региональных противоречий, с опорой на разветвленные институты, неофициальные переговорные каналы, структуры "полуторной" и "второй" дорожки дипломатии, помог организации заслужить кредит доверия со стороны внерегиональных партнеров.

В то же время успех АСЕАН в создании новых региональных институтов не снимает с повестки дня вопрос их эффективности, особенно когда дело

касается "острых углов" проблем безопасности. В этом смысле показательна ситуация с созданием в ЮВА зоны свободной от ядерного оружия (ЗСЯО) или безъядерной зоны [5, с. 75]. ЗСЯО являются важным инструментом обеспечения режима нераспространения ядерного оружия и технологий двойного назначения. Действуя на основе международных многосторонних договоров, они исключают применение ядерного оружия на определенной территории и, согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3472В, принятой в 1975 г., являются одним из наиболее эффективных средств предотвращения как горизонтального, так и вертикального распространения ядерного оружия³ и содействия устранению опасности ядерной катастрофы [20].

Первые безъядерные зоны возникают до появления Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)⁴, но в дальнейшем они стали инструментом его поддержки. На сегодняшний момент создано 5 ЗСЯО⁵, четыре из которых охватывают все южное полушарие. Безъядерные зоны обязуются не создавать, не приобретать, не испытывать, не обладать ЯО. В них неприемлемо развертывание ЯО, принадлежащего ядерным государствам, что в ДНЯО не запрещено. ЗСЯО должна быть обязательно признана Генассамблеей ООН, закреплена в международном договоре и снабжена механизмом верификации, обязана иметь четко определённые делимитированные границы, а её участники должны принять на себя безоговорочные обязательства о недопущении нахождения ядерного оружия в зоне действия соответствующего договора [2].

Дискуссии о создании в ЮВА безъядерной зоны начались после вскоре после того как политические элиты АСЕАН в 1971 г. подписали Декларацию о создании зоны мира, свободы и нейтралитета (Zone of Peace, Freedom and Neutrality, ZOPFAN [30]), однако реальный результат переговоров региональных лидеров нашел свое воплощение через 24 года, когда сторонам удалось достичь консенсуса касательно условий соглашения. Договор о ЗСЯО в ЮВА был подписан в 1995 г. в Бангкоке и вступил в силу в марте 1997 г. В настоящий момент его ратифицировали все 10 членов АСЕАН [28].

Бангкокский договор 1995 г. носит бессрочный характер и его условия охватывают широкий диапазон мер, начиная от запрета разработки, производства, приобретения ЯО и захоронения радиоактивных веществ любым способом на своей территории, заканчивая соблюдением обязательств государств-участников заключить с МАГАТЭ соглашение о гарантиях. Кроме того, в договоре оговорено, что на усмотрение подписантов остается транзит иностранных кораблей и самолетов в иных, кроме мирного прохода, целях [28].

Верификационный механизм договора должен обеспечиваться через регулярные отчеты и обмен информацией между подписантами, а также через применение гарантий МАГАТЭ. При этом в соглашении не содержится положения об инспекциях по запросу, а имеются нечеткие формулировки о миссиях по установлению фактов. Каждый участник договора вправе потребовать отправки подобной миссии в другое государство с целью прояснения и разрешения сомнений относительно его соблюдения. Также в рамках договора была учреждена комиссия по вопросам ЗСЯО в ЮВА, в задачи которой входит наблюдение за реализацией договора и обеспечение его соблюдения [4, с. 86].

При разработке положений Бангкокского договора учитывался имеющийся международный опыт, причем создатели соглашения попытались его

³ Горизонтальное распространение ядерного оружия – это его передача от ядерного государства к неядерному; вертикальное распространение ядерного оружия это количественное и качественное (разрушительная мощь) увеличение ядерного оружия в ядерном государстве [5, с.77].

⁴ Например, договор об Антарктике (1959 г.) и Договор Тлателолко о запрете ядерного оружия в Латинской Америке и странах Карибского бассейна (1967 г.).

⁵ В настоящее время существуют ЗСЯО в следующих регионах: Латинская Америка (Договор Тлателолко, 1967 г.), Южно-Тихоокеанский регион (Договор Раротонга, 1985 г.), Юго-Восточная Азия (Бангкокский договор, 1995 г.), Африка (Пелиндабский договор, 1996 г.) и Центральная Азия (Семипалатинский договор, 2006 г.)

усовершенствовать. Договор включает территорию, территориальные воды, 200-мильную исключительную экономическую зону (ИЭЗ) и континентальный шельф каждого государства-участника договора, что объясняется желанием подписантов обезопасить себя от вредных экологических последствий в случае возможного ядерного конфликта. Кроме того, в протоколе к договору говорится, что официальные ядерные государства (ЯОГ) – Россия, США, КНР, Великобритания, Франция – берут на себя обязательства не применять и не угрожать применением ядерного оружия не только странам – участницам договора, но и внутри безъядерной зоны в целом [23].

Однако усовершенствования положений Договора о зоне предупреждений Договора о зоне предупреждений Делили дальнейшие проблемы с подписанием протокола, который до сих пор не ратифицировала ни одна из пяти ЯОГ. Главной причиной этого являются разногласия в определении территориальных рамок региона. Включение континентального шельфа и ИЭЗ в ЗСЯО делает ее границы слишком широкими и нечеткими. Китайская сторона возражает против территориальной сферы действия договора, в который включены районы Южно-Китайского моря, являющиеся предметом спора между Китаем и рядом стран ЮВА. Франция и Великобритания возражают против положений договора, касающихся континентального шельфа и ИЭЗ, поскольку они нарушают Конвенцию ООН по морскому праву, разрешающую прибрежным государствам разрабатывать полезные ископаемые в пределах ИЭЗ и на континентальном шельфе, но не дающую им право осуществлять над ними политический контроль. Кроме того, страны ядерной пятерки (прежде всего США, Россия и КНР) не были готовы согласиться с тем, что договор предоставляет странам-участницам слишком широкие права в отношении территории, входящей в зону, из-за чего могут возникнуть угрозы способности ЯОГ перемещать в регионе свои военные корабли и подводные лодки [3, с. 87]. По мнению Ахтамзяна, специфика экономического развития государств ЮВА опередила развитие правовых механизмов, закрепляющих основы безопасности [1].

Неготовность ЯОГ подписать протокол, дающий странам-участницам негативные гарантии, является ограничивающим фактором, снижающим эффективность института ЗСЯО и регионального РНЯО. Кроме того, это обстоятельство снижает возможность участникам договора влиять на стороны, не придерживающиеся или подозреваемые в нарушении его положений, как например, в случае с Мьянмой, подозревавшейся в разработке ядерной программы военного назначения [8].

Страны АСЕАН стоят перед необходимостью дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей ядерную сферу, при этом основной целью будет оставаться подписание протокола к Бангкокскому договору, которое, помимо прочего, дает стране-участнице право запроса о проведении миссии по выявлению фактов нарушения договора согласно положению статьи 13 договора [28]. Сотрудничество по продвижению ратификации протокола имеет значение не только для укрепления регионального РНЯО. Пока не ратифицирован протокол, страны ЮВА не могут уделить должного внимания вопросам ФЯБ и экспортного контроля над ядерными материалами.

Заключение

Ситуация с безъядерной зоной в ЮВА показывает, что международные режимы встроены в более широкие нормативные структуры международного сообщества, и, как следствие, государства не свободны игнорировать институциональные обязательства [29]. Кроме того, концепция "пути АСЕАН", предполагающая избегание конфликтов и уважение суверенитета, предполагает скорее тактику постепенного продвижения к намеченной цели путем долгих переговоров, особенно когда дело касается серьезных политических вопросов в регионе, где соприкасаются интересы таких гигантов мировой политики, как США, Россия, Китай, Индия.

Проблемы, связанные с созданием ЗСЯО в ЮВА, остаются одним из центральных вопросов в региональной повестке дня ядерного нераспространения наряду с необходимостью преодоления угроз безопасности, связанных с ядерной сферой. От их решения зависит стабильное устойчивое развитие

государств и экономик ЮВА, являющихся важнейшим хабом региональных и глобальных экономических процессов.

Несомненной заслугой АСЕАН является превращение ЮВА в территорию, где отсутствуют крупномасштабные боевые действия. В то же время это оказалось возможным во многом благодаря тому, что страны ЮВА выработали формат взаимозависимой безопасности, неразрывной друг от друга и как часть общей безопасности региона, что демонстрирует понимание АСЕАНовскими лидерами высокой степени ответственности в сферах, где высока цена ошибки. В стремлении действовать согласовано в решении острых вопросов они продолжают работать с МАГАТЭ, которая, выступая координационным центром проведения политических дискуссий, предоставляет странам ЮВА возможности для расширения международного сотрудничества в области ЯБ. Ядерный фактор продолжает сохранять значение в углублении международного сотрудничества стран ЮВА с ведущими государствами в данной сфере, прежде всего, с Россией, которая, обладая значительным стратегическим потенциалом и качественными разработками, смогла сохранить высокую репутацию в укреплении ЯБ и зарекомендовать себя гарантом мирного использования атомной энергии под контролем МАГАТЭ.

Литература

1. Ахтамзян И.А. Бангкокский договор [Электронный ресурс]. URL: http://pircenter.org/sections/view/section_id/31 (дата обращения: 28.06.2020).
2. Ахтамзян И.А. Зона, свободная от ядерного оружия [Электронный ресурс]. URL: http://pircenter.org/sections/view/section_id/100 (дата обращения: 30.06.2020)
3. Ключанская С.А. Основные направления развития ядерной энергетики стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в конце XX начале XXI века // Вестник Томского университета. 2010. N 333. С. 71–73.
4. Колбин А. Создание ЗСЯО в Юго-Восточной Азии: почему ядерной пятеркой до сих пор не подписан протокол к Бангкокскому договору? // Индекс безопасности. 2013. № 2 (105). Том 19. С. 85–90.
5. Кутнаева Н.А. Зоны, свободные от ядерного оружия, в структуре международного режима ядерного нераспространения // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 73–89.
6. Поправка к Конвенции о физической защите ядерного материала // Информационный циркуляр МАГАТЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/infcirc274r1m1_rus.pdf (дата обращения: 30.06.2020).
7. Чебан А. Физическая безопасность в Юго-Восточной Азии: чем может помочь Россия // Индекс безопасности. 2014. № 2 (108). Том 20. С. 66–82.
8. Albright D., Walrond C. Technical Note: Revisiting Bomb Reactors in Burma and an Alleged Burmese Nuclear Weapons Program // ISIS Report. 2011. April 11 // [Электронный ресурс]. URL: https://isis-online.org/uploads/isis-reports/documents/Burma_Analysis_Bomb_Reactors_11April2011.pdf (дата обращения: 16.07.2020).
9. ASEANTOM, Provisional Agenda of the 6th Annual Meeting of the ASEAN Network of Regulatory Bodies on Atomic Energy (ASEANTOM) and Technical Session on Nuclear Security in ASEAN. – Krabi, Thailand (2019). Office of Atom for Peace // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oap.go.th/en/news/3743-session-on-nuclear-6th-annualmeeting-of-aseantom-and-technical-security-in-asean> (дата обращения: 19.06.2020).
10. ASEANTOM, RAS9077 Supporting Regional Nuclear Emergency Preparedness and Response in ASEAN Region (2019) // [Электронный ресурс]. URL: <http://122.155.190.95/aseantom5/index.php/2018/07/30/on-going-project4/> (дата обращения: 13.07.2020).
11. Chamberlain T. L., Dickerson S., Ravenhill S. D., Murray A., Morris F.A., Herdes G.A. Regional Radiological Security Partnership in Southeast Asia – Increasing the Sustainability of Security Systems at the Site-Level by Using a Model Facility Approach. Conference: Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Institute of Nuclear and Materials Management. United States: N.-Y., 2009 // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.osti.gov/biblio/990572-regional-radiological-security-partnership-southeast-asia-increasing-sustainability-security-systems-site-level-using-model-facility-approach> (дата обращения: 16.07.2020).
12. CNS Global Incidents and Trafficking Database. Annual Report 2017. July 2018. 29 p.
13. Dhaka, Moscow satisfied with progress of Rooppur Nuclear Power plant // Dhaka Tribune. – March 3, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dhakatribune.com/bangladesh/event/2019/03/10/dhaka-moscow-satisfied-with-progress-of-rooppur-nuclearpower-plant> (дата обращения: 30.06.2020).

14. Emmert D. Southeast Asia: Nuclear Terrorism and Proliferation Concerns// Federal.com. November 30, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e3federal.com/southeast-asia-nuclear-terrorism-and-proliferation-concerns> (дата обращения: 20.07.2020).
15. Finch R. International Cooperation in Nuclear Forensics: Southeast Asia// CSCAP Nuclear Energy Experts Group Meeting Da Lat, Vietnam 11-12 November 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://csis.org/files/attachments/131111_Session%202_Finch.pdf (дата обращения: 19.07.2020).
16. Mely C.-A., Trajano J.C. Nuclear governance in the Indo/Asia-Pacific: Building out from Southeast Asia// International Conference on Nuclear Security (ICONS 2020). S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University. Singapore, 2020. 10–14 February. 17 p.
17. Murogov V.M. Critical notes: history, state, problems and prospects of nuclear science and technology// Nuclear Energy and Technology. 2019. N 5. Pp. 241–248.
18. Murogov V.M. Nuclear Technology: History, State and Technical Challenges of Nuclear Power Development. Responsible Science Program ISTC, 2019. 123 p.
19. Nuclear Security Culture. Implementing Guide. International Atomic Energy Agency. – Vienna, 2008. 40 p.
20. Nuclear-Weapon-Free Zones// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/en/events/nuclearweaponelimination/pdf/7-International-Day-for-the-Total-Eliminationof-Nuclear-Weapons-Nuclear-Weapon-Free-Zones.pdf> (дата обращения: 12.07.2020).
21. Outline History of Nuclear Energy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.world-nuclear.org/information-library/current-and-future-generation/outline-history-of-nuclear-energy.aspx> (дата обращения: 12.08.2020).
22. Prospects for nuclear security partnership in Southeast Asia Prepared by the James Martin Center for Nonproliferation Studies (CNS, Monterey, United States), the Center for Energy and Security Studies (CENESS, Moscow, Russia), and the Vienna Center for Disarmament and Non-Proliferation (VCDNP, Vienna, Austria). MontereyMoscow-Vienna. May 2012. 72 p.
23. Protocol to The Treaty on Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone [Электронный ресурс]. URL: http://disarmament.un.org/treaties/t/bangkok_protocol/text (дата обращения: 12.07.2020).
24. Rizki S.BATAN Beberkan Penerapan Sistem Keamanan Nuklir di Indonesia// Acurat.co. 2020. 3 Maret. [Электронный ресурс]. URL: <https://akurat.co/iptek/id-1030792read-batan-beberkan-penerapan-sistem-keamanan-nuklir-di-indonesia> (дата обращения: 26.07.2020).
25. Statistik Lingkungan Hidup Indonesia (Environment Statistics of Indonesia), 2017. 270 p.
26. Sustaining and Strengthening Efforts – Statements. International Conference on Nuclear Security. – 10–14 February 2020. – Vienna, Austria [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iaea.org/events/nuclear-security-conference-2020/statements> (дата обращения: 17.07.2020).
27. The Disaster Riskscape Across Asia-Pacific: Pathways for resilience, inclusion and empowerment. – Asia-Pacific Disaster Report, 2019. 130 p.
28. Treaty on the Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone [Электронный ресурс]. URL: <http://disarmament.un.org/treaties/t/bangkok/text> (дата обращения: 12.07.2020)
29. Viotti P. R., Kauppi M.V. International Relations Theory. 5th edition. Pearson. 2011. 496 p.
30. Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration 1971 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.go.th/asean/contents/files/other-20130527-163245-351392.pdf> (дата обращения: 12.07.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Akhtamzyan I.A. Bangkokskij dogovor [Электронный ресурс]. URL: http://pir-center.org/sections/view/section_id/31 (дата обращения: 28.06.2020).
2. Akhtamzyan I.A. Zona, svobodnaya ot yadernogo oruzhiya [Электронный ресурс]. URL: http://pircenter.org/sections/view/section_id/100 (дата обращения: 30.06.2020)
3. Klyuchanskaya S.A. Osnovnye napravleniya razvitiya yadernoj ehnergetiki stran Assotsiatsii gosudarstv YUgo-Vostochnoj Azii v kontse KHKH nachale KHKHI veka// Vestnik Tomskogo universiteta. 2010. N 333. S. 71–73.
4. Kolbin A. Sozdanie ZSYAO v YUgo-Vostochnoj Azii: pochemu yadernoj pyaterkoj do sikh por ne podpisan protokol k Bangkokskomu dogovoru?// Indeks bezopasnosti. 2013. № 2 (105). Tom 19. S. 85–90.
5. Kutnaeva N.A. Zony, svobodnye ot yadernogo oruzhiya, v strukture mezhdunarodnogo rezhima yadernogo nerastrostraneniya// Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshhestvennyye nauki. 2013. № 4 (121). S. 73–89.

6. Popravka k Konvenciji o fizicheskoj zashhite yadernogo materiala// Informat-sionnyj tsirkulyar MAGATEH [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/infirc274r1m1_rus.pdf (data obrashheniya: 30.06.2020).
7. CHEban A. Fizicheskaya bezopasnost' v YUgo-Vostochnoj Azii: chem mozhet poch-moch' Rossiya// Indeks bezopasnosti. 2014. № 2 (108). Tom 20. S. 66–82.
8. Albright D., Walrond C. Technical Note: Revisiting Bomb Reactors in Burma and an Alleged Burmese Nuclear Weapons Program// ISIS Report. 2011. April 11// [EHlektronnyj resurs]. URL: https://isis-online.org/uploads/isis-reports/documents/Burma_Analysis_Bomb_Reactors_11April2011.pdf (data obrashheniya: 16.07.2020).
9. ASEANTOM, Provisional Agenda of the 6th Annual Meeting of the ASEAN Network of Regulatory Bodies on Atomic Energy (ASEANTOM) and Technical Session on Nuclear Security in ASEAN. – Krabi, Thailand (2019). Office of Atom for Peace// [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.oap.go.th/en/news/3743-session-on-nuclear-6th-annual-meeting-of-aseantom-and-technical-security-in-asean> (data obrashheniya: 19.06.2020).
10. ASEANTOM. RAS9077 Supporting Regional Nuclear Emergency Preparedness and Response in ASEAN Region (2019)// [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://122.155.190.95/aseantom5/index.php/2018/07/30/on-going-project4/> (data obrashheniya: 13.07.2020).
11. Chamberlain T. L., Dickerson S., Ravenhill S. D., Murray A., Morris F.A., Herdes G.A. Regional Radiological Security Partnership in Southeast Asia – Increasing the Sustainability of Security Systems at the Site-Level by Using a Model Facility Approach. Conference: Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Institute of Nuclear and Materials Management. United States: N.-Y., 2009// [EHlektronnyj resurs]//URL: <https://www.osti.gov/biblio/990572-regional-radiological-security-partnership-southeast-asiaincreasing-sustainability-security-systems-site-level-using-model-facility-approach> (data obrashheniya: 16.07.2020).
12. CNS Global Incidents and Trafficking Database. Annual Report 2017. July 2018. 29 p.
13. Dhaka, Moscow satisfied with progress of Rooppur Nuclear Power plant// Dhaka Tribune. – March 3, 2019 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.dhakatribune.com/bangladesh/event/2019/03/10/dhaka-moscow-satisfied-with-progress-of-rooppur-nuclear-power-plant> (data obrashheniya: 30.06.2020).
14. Emmert D. Southeast Asia: Nuclear Terrorism and Proliferation Concerns// Federal.com. November 30, 2019 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.e3federal.com/south-east-asia-nuclear-terrorism-and-proliferation-concerns> (data obrashheniya: 20.07.2020).
15. Finch R. International Cooperation in Nuclear Forensics: Southeast Asia// CS-CAP Nuclear Energy Experts Group Meeting Da Lat, Vietnam 11-12 November 2013 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://csis.org/files/attachments/131111_Session%202_Finch.pdf (data obrashheniya: 19.07.2020).
16. Mely C.-A., Trajano J.C. Nuclear governance in the Indo/Asia-Pacific: Building out from Southeast Asia?// International Conference on Nuclear Security (ICONS 2020). S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University. Singapore, 2020. 10–14 February. 17 p.
17. Murogov V.M. Critical notes: history, state, problems and prospects of nuclear science and technology// Nuclear Energy and Technology. 2019. N 5. Pp. 241–248.
18. Murogov V.M. Nuclear Technology: History, State and Technical Challenges of Nuclear Power Development. Responsible Science Program ISTC, 2019. 123 p.
19. Nuclear Security Culture. Implementing Guide. International Atomic Energy Agency. – Vienna, 2008. 40 p.
20. Nuclear-Weapon-Free Zones// [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.un.org/en/events/nuclearweaponelimination/pdf/7-International-Day-for-the-Total-Elimination-of-Nuclear-Weapons-Nuclear-Weapon-Free-Zones.pdf> (data obrashheniya: 12.07.2020).
21. Outline History of Nuclear Energy [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.world-nuclear.org/information-library/current-and-future-generation/outline-history-of-nuclear-energy.aspx> (data obrashheniya: 12.08.2020).
22. Prospects for nuclear security partnership in Southeast Asia Prepared by the James Martin Center for Nonproliferation Studies (CNS, Monterey, United States), the Center for Energy and Security Studies (CENESS, Moscow, Russia), and the Vienna Center for Disarmament and Non-Proliferation (VCDNP, Vienna, Austria). Monterey-Moscow-Vienna. May 2012. 72 p.
23. Protocol to The Treaty on Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone [EHlektronnyj resurs]. URL: http://disarmament.un.org/treaties/t/bangkok_protocol/text (data obrashheniya: 12.07.2020).
24. Rizki S.BATAN Beberkan Penerapan Sistem Keamanan Nuklir di Indonesia// Acurat.co. 2020. 3 Maret. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://akurat.co/iptek/id-1030792read-batan-beberkan-penerapan-sistem-keamanan-nuklir-di-indonesia> (data obrashheniya: 26.07.2020).
25. Statistik Lingkungan Hidup Indonesia (Environment Statistics of Indonesia), 2017. 270 p.

26. Sustaining and Strengthening Efforts – Statements. International Conference on Nuclear Security. – 10–14 February 2020. – Vienna, Austria [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iaea.org/events/nuclear-security-conference-2020/statements> (дата обращения: 17.07.2020).

27. The Disaster Riskscape Across Asia-Pacific: Pathways for resilience, inclusion and empowerment. – Asia-Pacific Disaster Report, 2019. 130 p.

28. Treaty on the Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone [Электронный ресурс]. URL: <http://disarmament.un.org/treaties/t/bangkok/text> (дата обращения: 12.07.2020)

29. Viotti P. R., Kauppi M.V. International Relations Theory. 5th edition. Pearson. 2011. 496 p.

30. Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration 1971 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.go.th/asean/contents/files/other-20130527-163245-351392.pdf> (дата обращения: 12.07.2020).

Золотухин И. Н., Бобыло А. М. Ядерная безопасность в Юго-Восточной Азии: вызовы и направления сотрудничества.

Статья посвящена изучению ядерного фактора в ЮВА в контексте измерения региональной безопасности. В работе фигурирует анализ основных вызовов ядерной безопасности в ЮВА, создающих препятствия в реализации национальных программ атомной энергетики, а также проблемы обеспечения физической ядерной безопасности. Отдельное внимание уделено формированию безъядерной зоны в ЮВА (ЗСЯО), оформленной в рамках Бангкокского договора 1995 г. и причин, не позволяющих ЗСЯО в ЮВА окончательно превратиться в устойчивый региональный механизм решения вопросов ядерной безопасности. Методической основой работы является анализ результатов исследований зарубежных и отечественных авторов, а также материалов, документов по исследуемой теме.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, сотрудничество, безопасность, ядерная безопасность, атомная энергетика, МАГАТЭ

Zolotukhin I. N., Bobylo A. M. Nuclear Security in Southeast Asia: Challenges and Areas of Cooperation.

The article highlights the issues of nuclear security in Southeast Asia focusing on the regional aspects of the prospect for peaceful nuclearization. The paper analyzes the main challenges to nuclear safety and security in Southeast Asia which create the obstacles of the implementation of national nuclear energy programs as well as the problems of ensuring physical nuclear security. Particular attention is paid to the formation of a nuclear-free zone in Southeast Asia (NWFZ), formalized in the framework of the Bangkok Treaty of 1995. The reasons preventing NWFZ in Southeast Asia from finally becoming a stable regional mechanism for resolving nuclear safety issues are clarified in the work. The article is based on the analysis of the results of the Russian and foreign researchers as well as the data and documents on focused problem.

Key words: Southeast Asia, ASEAN, cooperation, security, nuclear energy, nuclear energy, IAEA

Для цитирования: Золотухин И. Н., Бобыло А. М. Ядерная безопасность в Юго-Восточной Азии: вызовы и направления сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 137–147. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/137-147

For citation: Zolotukhin I. N., Bobylo A. M. Nuclear Security in Southeast Asia: Challenges and Areas of Cooperation // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 137–147. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/137-147

УДК 378.048.2

Латкин А. П., Троценко А. Н.

Ожидаемые эффекты реформирования российской аспирантуры в контексте развития отечественной наук

Ключевым условием вывода российской экономики на мировой тренд инновационного развития является качественное обновление программ подготовки кадров высшей квалификации. В системе высшего образования эта задача всегда сохраняла высокую актуальность при пристальном внимании к её решению государственных органов управления. Одному из авторов статьи посчастливилось быть непосредственным участником и организатором этого процесса на протяжении исторически длительного периода в системе социалистического (планового) управления народным хозяйством, в переходный период к рыночной экономике и, наконец, на современном этапе реформирования российской науки и высшего образования.

Объективности ради следует отметить значительные успехи в реализации государственной научно-образовательной политики, включающей подготовку кадров высшей квалификации во второй половине прошлого столетия. Именно на их основе, при достижении беспрецедентной для мирового сообщества динамики развития советской школы среднего и высшего образования, академической и отраслевой науки, было обеспечено превосходство Советского союза в освоении космического пространства и Мирового океана, в темпах научно-технического прогресса.

Именно в этот исторический период была создана система высших учебных заведений, центров и отделений АН СССР во всех российских регионах, в том числе на Дальнем Востоке, что, кстати, явилось важным стимулом развития здесь высокотехнологичного производственного комплекса, привлечения сюда огромного количества научной молодёжи и квалифицированных специалистов. Именно в этих условиях сформировалась замечательная плеяда признанных во всём мире советских учёных и конструкторов, поддерживающая во всех слоях общества престиж обучения в аспирантуре при востребованности её успешных выпускников в сфере науки, образования и производства.

Справедливости ради следует признать, что при всей успешности указанного процесса в социалистический период постоянным предметом обсуждений учёных советов академических, отраслевых институтов и высших учебных заведений (комсомольских и партийных собраний) являлись теоретическая и практическая значимость диссертационных исследований, их выполнение и защита в плановые сроки.

При значительных изменениях российской системы науки и высшего образования за прошедшие годы рыночных преобразований, в основном с использованием зарубежных моделей и с целью адаптации в мировое научно-образовательное сообщество, негативные тенденции развития национальной экономики последних лет, при её нарастающем отставании от среднеплановых параметров роста валового внутреннего продукта, производительности и оплаты труда, уровня технологичности и цифровизации производства и услуг в России, указанная проблема приобретает статус ключевой.

Её явное обострение обозначилось в российском обществе в недавнем прошлом, когда было вскрыто массовое явление подготовки и защит заказных

© Латкин А. П., Троценко А. Н., 2020

ЛАТКИН Александр Павлович, д-р экон. наук, профессор, руководитель Института подготовки кадров высшей квалификации Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** alexandr.latkin@vvsu.ru

ТРОЦЕНКО Анастасия Николаевна, старший преподаватель кафедры маркетинга, коммерции и логистики Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** trotsenko.an@dvfu.ru

Таблица 1. Основные этапы реформирования российской аспирантуры

Этап	Характеристика этапа
29 декабря 2012 г.	Принят Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации", согласно которому программы аспирантуры (адъюнктуры) являются третьим уровнем высшего образования
24 сентября 2013 г.	Принято Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 "О порядке присуждения ученых степеней" (вместе с "Положением о присуждении ученых степеней"), в котором изменен порядок присуждения ученых степеней
август 2014 г.	Принятие федеральных государственных образовательных стандартов по направлениям подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре
сентябрь 2016 г.	МГУ им. М.Ю. Ломоносова и СПбГУ первыми получили право самостоятельно присуждать ученые степени кандидата и доктора наук без участия Высшей аттестационной комиссии (Федеральный закон от 23 мая 2016 г. N 148-ФЗ "О внесении изменений в статью 4 Федерального закона "О науке и государственной научно-технической политике")
23 августа 2017 г.	4 научные организации и 19 образовательных организаций высшего образования получили право самостоятельно присуждать ученые степени кандидата и доктора наук (Распоряжение Правительства РФ от 23 августа 2017 года №1792-р)
27 августа 2018 г.	Томский государственный университет и Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого получили право самостоятельно присуждать ученые степени кандидата и доктора наук (Распоряжение Правительства РФ от 27 августа 2018 года №1766-р)
28 мая 2019 г.	Уточнены критерии и порядок предоставления вузам права самостоятельно присуждать учёные степени с целью выравнивания возможностей вузов различной отраслевой направленности и повышения объективности оценки их деятельности при рассмотрении заявок на предоставление им права присуждать учёные степени (Постановление Правительства РФ от 22 мая 2019 года №642)
28 августа 2019 г.	Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Минздрава и Санкт-Петербургский национальный исследовательский Академический университет РАН включены в перечень научных организаций и вузов (Распоряжения Правительства РФ от 28 августа 2019 г. N 1897-р)
12 декабря 2019 г.	Рассмотрен и одобрен на заседании Правительства РФ проект федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)"
4 февраля 2020 г.	Принят Государственной Думой в первом чтении законопроект федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)"
26 мая 2020 г.	Правительство утвердило особенности дистанционной защиты диссертаций во время коронавируса (Постановление Правительства РФ от 26 мая 2020 года №751)

Источник: составлено авторами.

диссертаций, плагиата в их содержательной части, низкая публикационная активность российских соискателей научных статей в известных российских и зарубежных журналах. Для изменения этой ситуации было принято и сейчас принимается логически выстроенная система государственных мер.

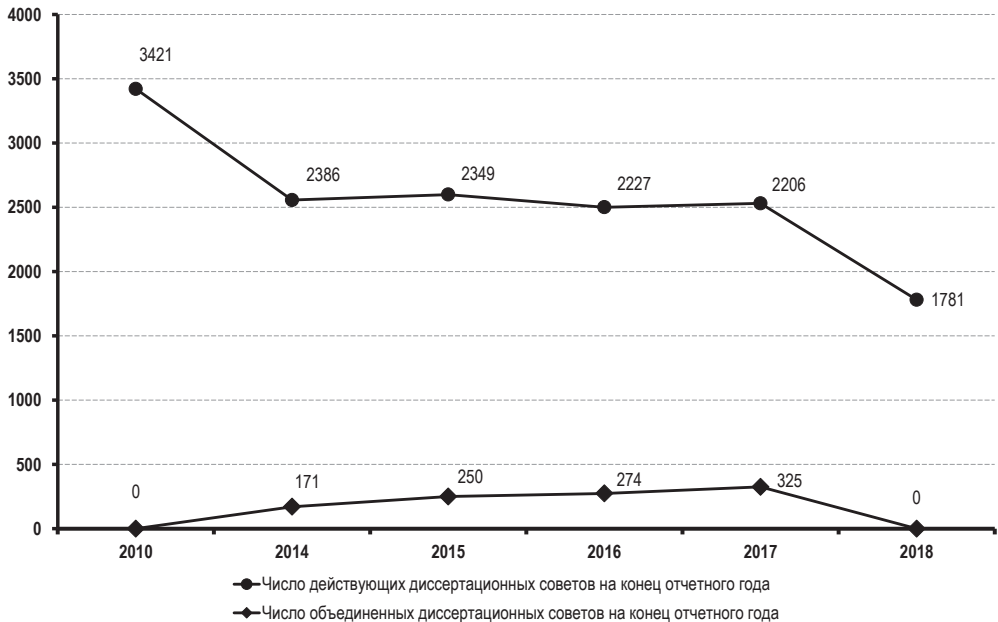
Для успешной реализации этой системы авторами статьи была поставлена цель настоящего исследования – сделать оценку возможных эффектов реформирования российской аспирантуры в контексте развития отечественной науки для аспирантов, в том числе и в Дальневосточном федеральном округе (ДВФО).

В *таблице 1* представлена характеристика основных этапов реформирования российской аспирантуры, последствия введения которых будут рассмотрены далее.

В результате трансформации российской аспирантуры были изменены следующие формальные и основополагающие принципы системы подготовки кадров высшей квалификации:

- 1) структура программы подготовки аспирантов;
- 2) критерии промежуточной и итоговой аттестации аспирантов;

Рис.1. Динамика численности действующих и объединенных диссертационных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, 2000–2018 гг., ед.

Источник: составлено авторами на основе данных [6; 14].

3) само понятие аспирантуры и конечные цели прохождения подготовки аспирантов [15].

В декабре 2012 г. программы аспирантуры (адъюнктуры) отнесены к третьему уровню высшего образования [16]. Существенно были изменены требования к диссертационным советам, что привело к их значительному сокращению. Так, из числа действовавших диссертационных советов (1781) в 2018 году, в мае 2020 года перечень действующих советов составил 1658 организаций (рис. 1).

Причиной закрытия диссертационных советов является невыполнение публикационной активности членами диссоветов за последние пять лет, а именно превышение допустимой доли членов в диссертационных советах, имеющих недостаточное количество публикаций в изданиях, включенных в международные базы данных, статей в журналах из перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК, а также монографий [6].

Очевидно, что такое сокращение числа диссертационных советов существенным образом повлияет на судьбу значительного числа диссертантов, а также – на количество защит, число которых неуклонно падает с 2011 года по всей России, включая и Дальневосточный федеральный округ (ДФО). В результате проведенного анализа авторами выявлена тенденция снижения следующих основных показателей эффективности деятельности аспирантуры (табл. 2):

- число аспирантов в России уменьшилось с 168,2 тыс. человек в 2010 г. до 90,8 тыс. человек в 2018 г., т.е. в 1,9 раз по России и в 2 раза в ДВФО. Стоит отметить, что в аспирантуре в образовательных организациях высшего образования обучаются почти 90% российских аспирантов [8; 14];
- сокращение приема в аспирантуру в 2,2 раза в 2018 г. по сравнению с 2010 г. по России и в 2,3 раза по ДВФО;
- сокращение выпуска из аспирантуры с защитой диссертации в 5 раз в 2018 по сравнению с 2005 г. и в 4,6 раз в 2018 г. по сравнению с 2010 г., а в ДВФО – в 10,7 раз в 2017 г. по сравнению с 2010 г.

Таблица 2. Основные показатели деятельности аспирантуры в России и в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), 2000 – 2018 гг., чел.

Год	Число аспирантов в организациях, чел.		Прием в аспирантуру, чел.		Выпуск из аспирантуры, чел.		Выпуск из аспирантуры с защитой диссертации, чел.	
	Россия	ДФО	Россия	ДФО	Россия	ДФО	Россия	ДФО
2000	128462	3816	46790	1356	27185	695	7950	167
2005	155748	4362	51320	1327	36534	1012	11242	221
2010	168169	4950	58138	1498	36675	944	10089	225
2011	166332	4653	53607	1255	35791	901	10084	148
2012	155710	4192	48338	1240	37828	1195	9610	157
2013	140170	3741	41480	1202	37259	1177	9409	121
2014	123775	3336	33997	819	29320	713	5189	50
2015	112790	2987	32445	819	26468	730	4651	50
2016	100780	2630	27095	706	26685	702	3792	27
2017	93736	2430	26138	655	18112	344	2321	21
2018	90823	*	27008	*	17729	*	2198	*

Примечание: * отсутствуют данные

Источник: составлено авторами на основе данных [8; 14].

Тем не менее по последним данным Федеральной службы государственной статистики, сейчас программы аспирантуры реализуют 1223 российских организаций. В ДВФО в 2017 г. работали 5,2% научно-исследовательских организаций и 5% образовательных организаций высшего образования, в которых ведется подготовка аспирантов (табл. 3). С 2016 года они принимают на обучение от 26000 до 27000 человек, выпускают – в среднем 18 тысяч человек, в том числе 12,9% – с защитой диссертаций (табл. 2).

Удивительно, но именно этот относительно низкий процент успешности обучения в аспирантуре остаётся предметом жарких дискуссий в политических и научно-образовательных кругах страны на протяжении многих десятилетий. При этом в повестке актуальным остаётся вопрос о целевом назначении аспирантуры: воспитание исследователей – будущих научных работников или подготовка кадров третьего уровня высшего образования [1; 2, 5; 7; 10; 15].

В исследованиях Нефедовой А.И., Дьяченко Е.Л. [7], Тезйел А.Х. [15] определены следующие причины сокращения выпуска из аспирантуры с защитой диссертации, в том числе и в ДВФО:

- жесткие нормативные сроки обучения в аспирантуре,
- неравномерное распределение учебной и научной нагрузки;
- низкие стипендии аспирантов, низкая финансовая поддержка аспирантов;
- недостаточная привлекательность аспирантуры для выпускников вузов;
- независимость аспирантуры от системы присуждения степеней;
- присваиваемая выпускникам квалификация "Исследователь. Преподаватель-исследователь" не находит место в действующих должностных линейках научных и научно-педагогических работников, а также в формирующейся Национальной системе квалификаций. Присваиваемая квалификация не соответствует степени PhD.

Таблица 3. Динамика численности организаций, ведущих подготовку аспирантов, в России и в Дальневосточном федеральном округе (ДВФО), 2000–2018 гг., ед.

Год	Научно-исследовательские организации		Образовательные организации высшего образования		Организации государственных академий наук		Организации дополнительного профессионального образования	
	Россия	ДВФО	Россия	ДВФО	Россия	ДВФО	Россия	ДВФО
2000	797	40	565	31	459	*	-	-
2005	833	44	640	33	488	*	-	-
2010	809	41	748	34	502	*	11	0
2011	805	42	750	34	507	*	15	0
2012	820	44	740	31	520	*	15	0
2013	818	*	724	*	525	*	15	0
2014	805	44	698	31	257	*	16	0
2015	771	42	661	29	158	*	14	0
2016	733	39	611	29	136	*	15	0
2017	670	35	599	30	6	*	15	0
2018	618	*	585	*	6	*	14	0

Примечание: * отсутствуют данные

Источник: составлено авторами на основе данных [8; 14].

Здесь важно вспомнить поставленную Президентом РФ В.В. Путиным перед Российской академией наук задачу: "Российская аспирантура должна измениться и стать только научной, а не работать вхолостую, обеспечивая отсрочку от армии большей части аспирантов" [11]. Очевидно, именно такой постановкой объяснима политика последних лет на проведение радикальной реформы российской аспирантуры. Ещё в 2017 году началась работа над проектом федерального закона "О научной, научно-технической и инновационной деятельности в РФ", в котором была предусмотрена обязательная защита по окончании аспирантуры. Данный проект федерального закона должны были принять в 2018 году, но из-за серьезной доработки отодвинули сроки [12]. На заседании Правительства РФ 12 декабря 2019 г. рассмотрен и одобрен, а 4 февраля 2020 г. принят в первом чтении законопроект "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)", в котором предлагается установить федеральные государственные требования вместо ФГОС к подготовке кадров высшей квалификации по программам аспирантуры и, соответственно, отменить государственную аккредитацию образовательной деятельности по программам аспирантуры, а также конкретизируются требования к итоговой аттестации по программам аспирантуры [9].

Какими могут быть последствия введения обязательной защиты для аспирантов?

Понятно, что только части аспирантов это требование принесёт относительно гарантированный выход на защиту. Стоит обратить внимание на то, что в своём интервью глава РАН говорит именно о проценте защитившихся аспирантов, а не о росте числа защит. По его словам, основная задача реформы – рост процента защитившихся не менее чем в 1,25 раза, а представивших к защите – не менее чем в два раза до конца 2024 года [10]. Это вполне объяснимо тем, что рост числа самих защит невозможен, прежде всего, в виду

ожидаемого сокращения количества аспирантов на фоне сокращения числа аспирантур (наличие аспирантуры в ВУЗе будет обусловлено наличием диссертационного совета по аналогии с докторантурами). Также не стоит забывать о политике Минобрнауки по сокращению числа диссертационных советов. В этой связи стоит ожидать также ухудшения положения соискателей. Прежде всего потому, что процент защит у аспирантов можно будет увеличить фактически только за счёт сокращения процента защит у соискателей (который и сейчас крайне невысок).

Рассуждая о последствиях введения обязательной защиты для аспирантов и соискателей нельзя не упомянуть о том, что это существенно повлияет на повышение расходов. Очевидно, что ВУЗы поднимут официальную стоимость обучения/прикрепления ввиду того, что количество аспирантур и советов заметно сократится. Причём с ростом официальных, вырастут затраты на неофициальные. В условиях существенно ограниченной возможности защититься, а также повышения рисков для диссертационных советов, соискатель вынужден будет либо оплачивать помощь в работе над диссертацией и защите, либо отрабатывать саму возможность защититься. Подобная практика существует, но в новых условиях она, скорее всего, приобретёт ещё большую массовость. Все рассматриваемые последствия, несомненно, будут способствовать росту интереса к собственным степеням вузов, что, в свою очередь, увеличит стоимость получения вузовских степеней.

В настоящее время в России диссертационные советы имеют два формата работы: формат ВАК и собственные диссоветы. Так, 25 ведущих университета и 4 научные организации имеют собственные диссертационные советы, которые имеют право самостоятельно присуждать учёные степени кандидата и доктора наук согласно самостоятельно установленным процедурам и полномочиям, созданной нормативной базе, предусматривающей процедуру проведения защит в дистанционном режиме. В диссоветах формата ВАК дистанционная форма проведения защит не предусмотрена, а введение ее оперативно непросто, поэтому в условиях режима самоизоляции работали собственные диссертационные советы [3; 4], только в мае 2020 г. были утверждены особенности дистанционной защиты диссертаций во время коронавируса.

В рамках проводимой государственной политики ещё до принятия нового федерального закона сделан важный акцент на развитие института научных руководителей аспирантов, назначение оппонентов и ведущей организации для проведения процедуры защит кандидатских и докторских диссертаций. В частности, по новому положению научное руководство может быть разрешено только учёным со степенью доктора, или (в порядке исключения) – званием профессора при наличии соответствующих теме диссертации аспиранта научных публикаций. Возросли также требования и к опубликованности всех защищаемых научных положений в журналах из перечня ВАК с высоким импакт-фактором (3 публикации для кандидатских и 7 – для докторских).

Публикации процессов подготовки нового федерального закона позволяют считать возможным увеличение сроков обучения в аспирантуре. В первую очередь, это будет касаться технических и естественно-научных специальностей, где срок, скорее всего, увеличат до 6 лет. Также сейчас рассматривается возможность установления минимального пятилетнего срока обучения для остальных специальностей. Точный перечень специальностей станет известен в 2020 году. При этом планируется сократить образовательную нагрузку на аспирантов для "увеличения времени на занятие наукой". Однако фактически это просто приведёт к "размазыванию" программы аспирантуры на дополнительные 1–2 года. Положительный эффект от данных нововведений оценят разве что только аспиранты, не желающие идти в армию. Для остальных же это сделает аспирантуру куда менее привлекательной, и они будут искать иные пути для получения учёной степени. Прежде всего, это соискательство, что станет, в свою очередь, дополнительным фактором увеличения официальной стоимости обучения в аспирантуре, а также – неофициальных затрат на защиту. Не исключён вариант и быстрого распространения в российских ВУЗах программ получения степеней PhD и DBI или увеличится мотивация у российских выпускников магистратуры (в том числе в дальневосточных вузах) к обучению в аспирантуре в зарубежных университетах.

Не стоит забывать о том, что можно получить диплом и степень за рубежом, которые признаются в России: 1) без каких-либо дополнительных процедур, если степень была получена в одном из 218 зарубежных научных институтов и вузов, список которых утвержден Правительством РФ и планируется расширять; 2) через процедуру признания диплома и степени в Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которую необходимо предоставить в установленном порядке переводы своих документов и текст диссертации на русском языке с последующим обсуждением [13].

В рамках исследованного авторами временного периода не прекращается активная дискуссия относительно целесообразности реформирования российской аспирантуры, в которой можно выделить два подхода.

Сторонники первого подхода считают, что не следует позиционировать аспирантуру в качестве уровня образования, её функционирование должно регулироваться законом о науке или самостоятельными нормативными документами [2].

В основу второго подхода положен мировой опыт, согласно которому российская аспирантура может успешно функционировать в качестве третьего уровня высшего образования, но при этом необходимо учитывать и нормативно закрепить ряд особенностей профессионального исследовательского образования, принципиально отличающих программы подготовки аспирантов от программ бакалавриата и магистратуры [2].

Для развития российской аспирантуры в рамках второго подхода на взгляд авторов предстоит решить следующие проблемы:

1) определение конечного результата обучения в аспирантуре: защита диссертация или сдача государственной экзамена ГЭК с представлением научного доклада об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы в ГЭК;

2) определение объёма и содержания образовательного и научно-исследовательского компонентов в аспирантских программах;

3) воспроизводство кадров высшей квалификации в региональных образовательных организациях высшего образования, которые не имеют статуса ведущих вузов страны.

По результатам проведенного исследования можно выделить следующие эффекты реформирования российской аспирантуры в контексте развития отечественной науки:

- сложная процедура аккредитации образовательных программ аспирантуры, особенно для региональных организаций;

- увеличилась бюрократическая нагрузка на организации, ведущие подготовку кадров высшей квалификации;

- смещение акцентов с научно-исследовательской компоненты на образовательную компоненту программы обучения в аспирантуре;

- уменьшение привлекательности обучения в аспирантуре по ряду причин: слабая финансовая поддержка, длительный период обучения, превалирование образовательного над научным компонентом подготовки, результат обучения – получение квалификации, которая нигде не учитывается.

На основании проведенных авторами исследования и полученных результатов вполне правомерно выделить следующие приоритеты в реформировании российской аспирантуры в контексте развития отечественной науки:

1. Научно-исследовательская работа аспиранта является главным элементом обучения в аспирантуре, поэтому на данный вид работ должно быть выделено больше времени, чем на образовательную составляющую. Авторы полагают, что программы подготовки аспирантов должны отличаться в зависимости от задач и возможностей различных научных и образовательных организаций, региональных особенностей, поэтому следует предоставлять возможность самостоятельно устанавливать научным и образовательным организациям форму и содержание обучения;

2. Использование сетевых форм для реализации образовательных программ подготовки аспирантов, особенно в регионах, в частности в ДВФО, что позволит повысить качество образования и применить лучший опыт ведущих зарубежных и отечественных образовательных организаций при выполнении диссертации;

3. Ключевым результатом обучения в аспирантуре является защита диссертации, а не представление научного доклада об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы, что противоречит российскому и мировому опыту.

Таким образом, выявленные эффекты реформирования российской аспирантуры в контексте развития отечественной науки подтверждают необходимость дальнейшей трансформации существующей аспирантуры из образовательной в научную, что позволит улучшить ситуацию с подготовкой кадров высшей квалификации для российской науки.

Литература

1. Александр Сергеев: от старой аспирантуры отказались, новую еще не придумали // Интерфакс: Интервью. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/interview/665486> (дата обращения: 21.02.2020).
2. Бедный Б.И., Чупрунов Е.В. Современная российская аспирантура: актуальные направления развития // Высшее образование в России, 2019. Т. 28. № 3. С. 9–20.
3. Диссертационные советы ВШЭ переместились в онлайн // НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/361064209.html> (дата обращения: 23.05.2020).
4. Диссертационные советы ТГУ работают в дистанционном режиме // НИ ТГУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tsu.ru/news/dissertatsionnye-sovety-tgu-rabotayut-v-distantso/> (дата обращения: 23.05.2020).
5. Кельсина А.С. К вопросу о новой модели российской аспирантуры // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). С. 1 – 14.
6. Минобрнауки высказало замечания к работе более 320 диссертационных советов // Российская Академия Наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=58dbcd8-254d-4714-9b89-60cd517f27da> (дата обращения: 23.05.2020).
7. Нефедова А.И., Дьяченко Е.Л. Реформа аспирантуры в России в зеркале глобальных трендов // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 92–111.
8. Официальная статистика: Образование // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat-main/rosstat/ru/statistics/population/education/#> (дата обращения: 21.02.2020).
9. Правительство внесло в Госдуму законопроект об изменении порядка подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре // Правительство Российской Федерации. URL: http://government.ru/dep_news/38594/ (дата обращения: 21.02.2020).
10. Президент РАН Александр Сергеев: "Нам не нужна фабрика подготовки аспирантов" // Интерфакс: Образование. [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/interview/articles/2300/> (дата обращения: 21.02.2020).
11. Работает вхолостую: аспирантуру ждет реформа // Интернет-издание INFO. [Электронный ресурс]. URL: <https://info.sibnet.ru/article/547697/> (дата обращения: 21.02.2020).
12. РАН предложила перенести срок внесения нового закона о науке на два года // Рамблер. [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/education/42804318/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 21.02.2020).
13. Своя степень не тянет // Интернет-портал "Российской газеты". [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/06/03/rasshiren-spisok-vuzov-chi-diplomy-i-stepeni-priznaiutsia-v-rossii.html> (дата обращения: 23.05.2020).
14. Статистика науки и образования. Все сборники. 2013-2018. // ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. [Электронный ресурс]. URL: http://csrs.ru/archive/stat_2018_staff/staff_2018.pdf (дата обращения: 21.02.2020).
15. Тезисы А.Х. Российская аспирантура после ее реформирования: сравнительный анализ и оценка результатов // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 493 – 512.
16. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 06.02.2020) "Об образовании в Российской Федерации" // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=304167-0&rnd=227BF6DA7467AD10C42703EAFE60D96A&req=doc&base=LAW&n=344846&REFDOC=304167&REFBASE=LAW#lxt9v1ijzl6> (дата обращения: 12.02.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Aleksandr Sergeev: ot staroj aspirantury otkazalis', novuyu eshhe ne pridumali // Interfaks: Interv'yu. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.interfax.ru/interview/665486> (data obrashheniya: 21.02.2020).
2. Bednyj B.I., CHuprunov E.V. Sovremennaya rossijskaya aspirantura: aktual'nye napravleniya razvitiya // Vysshee obrazovanie v Rossii, 2019. T. 28. № 3. S. 9–20.
3. Dissertatsionnye sovery VSHEH peremestilis' v onlajn // NIU VSHEH. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.hse.ru/news/361064209.html> (data obrashheniya: 23.05.2020).
4. Dissertatsionnye sovery TGU rabotayut v distantsionnom rezhime // NI TGU. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.tsu.ru/news/dissertatsionnye-sovery-tgu-rabotayut-v-distantsio/> (data obrashheniya: 23.05.2020).
5. Kel'sina A.S. K voprosu o novoj modeli rossijskoj aspirantury // Voprosy territorial'nogo razvitiya. 2018. № 5 (45). S. 1–14.
6. Minobrnauki vyskazalo zamechaniya k rabote bolee 320 dissertatsionnykh sovetov // Rossijskaya Akademiya Nauk. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=58dbcd8-254d-4714-9b89-60cd517f27da> (data obrashheniya: 23.05.2020).
7. Nefedova A.I., D'yachenko E.L. Reforma aspirantury v Rossii v zerkale global'nykh trendov // Mir Rossii. 2019. T. 28. № 4. S. 92–111.
8. Ofitsial'naya statistika: Obrazovanie // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (data obrashheniya: 21.02.2020).
9. Pravitel'stvo vneslo v Gosdumu zakonoproekt ob izmenenii poryadka podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov v aspiranture // Pravitel'stvo Rossijskoj Federatsii. URL: http://government.ru/dep_news/38594/ (data obrashheniya: 21.02.2020).
10. Prezident RAN Aleksandr Sergeev: "Nam ne nuzhna fabrika podgotovki aspirantov" // Interfaks: Obrazovanie. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/interview/articles/2300/> (data obrashheniya: 21.02.2020).
11. Rabotaet vkhlostuyu: aspiranturu zhdet reforma // Internet-izdanie INFO. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://info.sibnet.ru/article/547697/> (data obrashheniya: 21.02.2020).
12. RAN predlozhila perenesti srok vneseniya novogo zakona o nauke na dva goda // Rambler. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://news.rambler.ru/education/42804318/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (data obrashheniya: 21.02.2020).
13. Svoya stepen' ne tyanet // Internet-portal "Rossijskoj gazety". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2019/06/03/rashiren-spisok-vuzov-chi-diplomy-i-stepeni-priznaiutsia-v-rossii.html> (data obrashheniya: 23.05.2020).
14. Statistika nauki i obrazovaniya. Vse sborniki. 2013-2018. // FGBNU NII RINKT-SEH. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://csrs.ru/archive/stat_2018_staff/staff_2018.pdf (data obrashheniya: 21.02.2020).
15. Tezjel A.KH. Rossijskaya aspirantura posle ee reformirovaniya: sravnitel'nyj analiz i otsenka rezul'tatov // Gosudarstvennoe upravlenie. EHlektronnyj vestnik. 2018. № 68. S. 493–512.
16. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 06.02.2020) "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federatsii" // Konsul'tant Plyus. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=304167-0&rnd=227BF6DA7467AD10C42703EAFE60D-96A&req=doc&base=LAW&n=344846&REFDOC=304167&REFBASE=LAW#1xt9v1ijz16> (data obrashheniya: 12.02.2020).

Латкин А. П., Троценко А. Н. Ожидаемые эффекты реформирования российской аспирантуры в контексте развития отечественной науки.

В системе высшего образования задача качественного улучшения программы подготовки кадров высшей квалификации всегда сохраняла высокую актуальность. В выполненном исследовании показаны приоритеты и основные этапы решения этой задачи. Авторами наряду с теоретическим обобщением представлены эмпирические данные динамики численности организаций, ведущих подготовку аспирантов, диссертационных советов, основных показателей деятельности аспирантуры как в целом по России, так и в Дальневосточном федеральном округе, за последние 18 лет. На этой основе в статье выявлены основные проблемы, связанные с обучением в аспирантуре и защитой диссертации, а также причины сокращения численности аспирантов и защит диссертационных работ в последние годы. Особый акцент авторами сделан на оценке возможных последствий осуществления реформ программы в области подготовки кадров высшей квалификации. Рассмотренная проблема затрагивает интересы научного сообщества, высшего руководства страны и непосредственно самих аспирантов.

Ключевые слова: *высшее образование, подготовка кадров высшей квалификации, аспирантура как третья ступень высшего образования, реформы аспирантуры, законодательная база, эффекты реформирования*

Latkin A. P., Trotsenko A. N. The expected effects of reforming Russian postgraduate education in the context of national science development.

The task of qualitative improving of training programs for highly qualified personnel has always maintained its high relevance. The study shows the priorities and main stages of solving this problem over a historically longer period of time. Authors submitted theoretical generalizations and empirical data on the dynamics of the number of organizations training graduate students, dissertation councils, and the main indicators of postgraduate studies in Russia as a whole, and in the Far East Federal District, in the last 18 years. On this basis, the article identifies the main problems associated with postgraduate studies and defending a dissertation, and also the reasons for reducing the number of graduate students and defenses of dissertations in recent years. The authors put special emphasis on assessing the possible consequences of implementing reforms of the program in the field of training highly qualified personnel. The considered problem affects interests of the scientific community, the top management of the country, as well as directly for the graduate students.

Key words: *higher education, training of highly qualified personnel, postgraduate education as the third level of higher education, reforms of post-graduate education, legislative base, effects of post-graduate education reform*

Для цитирования: Латкин А. П., Троценко А. Н. Ожидаемые эффекты реформирования российской аспирантуры в контексте развития отечественной науки // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 148–157. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/148-157

For citation: Latkin A. P., Trotsenko A. N. The expected effects of reforming Russian postgraduate education in the context of national science development // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 148–157. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/148-157

Рецензия на книгу Sablin I. The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire¹

Столетие российской революции и Гражданской войны вызвало острый подъем региональных исследований. В последние годы вышло множество монографий и статей, прошли международные конференции и круглые столы, посвященные истории различных российских регионов в эту драматичную эпоху. Значительное внимание было обращено и на Дальний Восток в период 1917–1922 гг. По революции 1917 г. [6] и Гражданской войне на Дальнем Востоке [7] прошли крупные международные конференции. Рассмотрены также некоторые аспекты истории Дальнего Востока и, в частности, Дальневосточной республики (ДВР): повседневная жизнь [11], экономика [4], таможенное дело [3], внешняя политика [14], органы государственной безопасности [13; 16], судебные учреждения [10]. В этом ряду, однако, не хватает общих исследований политической истории ДВР. Необходимость такой работы, с учетом накопленного опыта, назрела уже давно: последние крупные обобщающие работы по истории ДВР вышли 20–30 лет назад [1; 8].

На этом фоне выход в свет монографии Ивана Саблина по истории Дальневосточной республики [17] уже сам по себе является заметным событием. Тем более для зарубежной историографии, в которой ДВР крайне редко становилась и становится объектом исследования. Создание ДВР еще с советских времен рассматривалось как согласованный и дальновидный план большевистского руководства и лично В.И. Ленина по мягкому, постепенному "поглощению" Дальнего Востока. Опираясь на новые архивные источники, И. Саблин подвергает критике эту концепцию и рассматривает ДВР как "продукт политического кризиса и компромисса, а не большевистского плана" [17, с. 15]. В этом смысле ДВР заслуживает внимания историков не только как "буферное" государство, но и как оригинальный, самобытный политический проект. Появившийся еще в 1990-е гг. взгляд на ДВР как на возможную демократическую альтернативу большевистскому проекту [15] в монографии И. Саблина раскрывается с новых сторон. Во введении автор отмечает, что "формирование ДВР и более широкие революционные события на Дальнем Востоке России представили альтернативный сценарий в истории распада Российской империи и становления Советского Союза" [17, с. 16].

Однако наиболее привлекательным в работе И. Саблина является изучение истории ДВР в более широком контексте развития русского империализма и национализма в революционную эпоху. Отметим, что исследование изначально выходит за традиционные географические и хронологические рамки. И. Саблин большое внимание уделяет предреволюционному периоду истории Дальнего Востока. Такое внимание вполне оправдано, так как вписывается в современные историографические тренды: расширение рамок российской революции и "имперский поворот". Первый из этих трендов наметился давно, но наиболее ярко проявился после 2017 г. [19; 20]. Переосмысливаются и рамки Гражданской войны. Джонатан Смиль, к примеру, считает,

¹ Sablin I. The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire. London, New York: Routledge, 2019. 312 p.

что в России была не одна, а несколько гражданских войн, слабо связанных между собой и длившихся вплоть до 1926 г. События на Дальнем Востоке Смил считал уже частью завершающего этапа, когда судьба Белого движения была предрешена [18, с. 220–226].

И. Саблин придерживается более традиционных рамок революции, говоря, например, о первой русской и Февральской революции, а также об одной российской Гражданской войне. При этом автор поддерживает мнение, что присоединение ДВР стало фактическим и символическим окончанием Гражданской войны. Эта трактовка вписывается в другой тренд – "имперский поворот", обозначивший смещение "фокуса внимания с центра к периферии – окраинам обширной империи" [5, с. 7]. С этой точки зрения ДВР выступает как своеобразный феномен в длительной трансформации Российской империи, поменявшей за эти годы обличье, название, идеологию, но оставшейся империей [2]. На обширном источниковом материале автор демонстрирует, как "имперская парадигма" и национализм сыграли роль в судьбе ДВР и общем итоге Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Монография состоит из пяти глав. В первой главе рассматривается первый этап "имперской трансформации" между революцией 1905 г. и падением монархии. В этот период в политической жизни империи доминировал "леволиберальный национализм" [17, с. 33], предполагавший дальнейшее развитие империи путем укрепления местного самоуправления, поощрения местной инициативы, делегирования полномочий от центральных органов власти к местным. Дальний Восток служил ярким примером этого своеобразного симбиоза национализма, империализма и либерализма. Первая русская революция хоть и прошла на Дальнем Востоке относительно спокойно, но значительно оживила политические дискуссии, усилила ожидание перемен. Хотя Государственная дума не стала "источником реформ", для дальневосточников она стала необходимой площадкой для дискуссий и обмена опытом. Тяготы, вызванные Первой мировой войной, подстегнули критику в адрес правительства. В это время сформировался "широкий леволиберальный национальный консенсус" [17, с. 38], ставший важнейшей почвой для революции 1917 г.

Во второй главе И. Саблин анализирует второй этап "имперской трансформации", продлившийся от Февральской революции до "укрепления большевистского контроля" над большей частью бывшей Российской империи [17, с. 83]. Как и в других регионах России, на Дальнем Востоке падение самодержавия было встречено с радостью и надеждами на лучшее будущее. Среди последних преобладали "умеренные" меньшевики и эсеры, да и местные большевики были гораздо больше петроградских настроены на диалог с политическими противниками. Этим объясняется и относительно спокойная обстановка на Дальнем Востоке весь 1917 г. Разгон Учредительного собрания "придал регионализму новый политический смысл" [17, с. 84]. Местные власти в Сибири и на Дальнем Востоке получили вполне законную возможность не подчиниться "новому самодержавию" в лице большевиков. Отличием Дальнего Востока была иностранная интервенция, значительно повлиявшая на местные настроения.

Третья глава посвящена борьбе за Дальний Восток в решающей фазе Гражданской войны. Несмотря на враждебное отношение населения к японским интервентам, большевики не решились вступить с Японией в открытый конфликт. Новое государство на Дальнем Востоке должно было послужить "дымовой завесой для захвата региона и прекращения интервенции" [17, с. 134]. Не все в большевистском руководстве встретили этот план с пониманием, однако он все же был принят. 6 апреля 1920 г. ДВР была официально провозглашена, а в мае того же года – признана советским правительством. Хотя борьба с интервентами и остатками Белого движения продолжалась вплоть до осени 1922 г., создание ДВР стало важнейшим шагом Москвы на пути к присоединению Дальнего Востока. Значительную роль сыграла и японская интервенция. Пытаясь с помощью ввода войск остановить распространение большевистского влияния, японцы добились обратного результата: в глазах местного населения большевики представлялись "меньшим злом" по сравнению с иностранными захватчиками.

В четвертой главе И. Саблин анализирует государственное устройство, внешнюю и внутреннюю политику ДВР. Создание объединенного ДВР осенью 1920 г. и последующее принятие ее Конституции Учредительным собранием

Дальнего Востока "можно рассматривать как триумф большевистского плана, заставившего международное сообщество поверить в то, что регион добился своего независимого демократического и капиталистического государства" [17, с. 182]. Формально независимая, ДВР полностью контролировалась Москвой. Это сказывалось и на внутренней политике: формально объявленные права и свободы населения на практике нарушались. К осени 1921 г. ДВР считалась "советской провинцией, проводником советского империализма и форпостом радикализма и анархии" [17, с. 185].

Наконец, в пятой главе автор выделяет основные последствия создания ДВР, ее влияние и наследие в последующей истории СССР. Одним из главных факторов поражения антибольшевистских сил на Дальнем Востоке стало их сотрудничество с интервентами. ДВР эффективно эксплуатировала националистические по форме и содержанию лозунги борьбы с интервентами, что обеспечило более широкую социальную поддержку. В ДВР продолжалась юридическая и финансовая поддержка, распространение литературы и культуры национальных меньшинств. Однако эти преимущества постепенно были утрачены после вхождения ДВР в состав РСФСР 15 ноября 1922 г. Изменились и внешние обстоятельства. Экспорт революции перестал быть приоритетом для Москвы во второй половине 1920-х годов, что вызвало охлаждение к национальным движениям. В 1930-е гг. это обернулось преследованием и репрессиями против национальных элит и основателей Дальневосточной республики.

Рецензируемая монография – одна из немногих до сих пор попыток охарактеризовать феномен Дальневосточной республики с точки зрения новых тенденций в историографии. При этом можно отметить и прикладное значение книги. Хотя основное внимание обращено на политические события, она дает представление о социально-экономическом развитии, общественных настроениях в ДВР и на всем Дальнем Востоке за длительный исторический период. Исследование И. Саблина, безусловно, большой шаг вперед для историографии Гражданской войны в России.

Литература

1. Азаренков А.А. "Демократический компромисс": идея "буфера" на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил – участников гражданской войны в России (январь 1920-январь 1921 гг.). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсом.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2001. 152 с.
2. Азаренков А.А. Дальневосточная республика как периферийная модель преодоления системного кризиса традиционной империи // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (18-20 ноября 2019 г.). Новосибирск: СО РАН, 2019. С. 178–186.
3. Беляева Н.А., Лаврик Л.А., Ляпустин С.Н. Таможенное дело в Дальневосточной республике. Владивосток: Владивостокский филиал Таможенной академии, 2018. 113 с.
4. Беспалько Д.Н. Особенности развития пушно-сырьевого сектора экономики на территории Забайкалья в период существования Дальневосточной республики (1920-1922 гг.) // Историко-экономические исследования. 2019. № 4. С. 640–664.
5. Большакова О.В. Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография. М.: ИНИОН РАН, 2019. 180 с.
6. Великая российская революция и Дальний Восток: международная научная конференция. Сб. материалов. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2018. 308 с.
7. Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: к 100-летию начала Гражданской войны в России (международная научная конференция, г. Владивосток, 23-24 октября 2018 г.) // Россия и АТР: научный журнал: гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) N. 1 (103) / Март 2019.
8. Дальневосточная республика: становление, борьба с интервенцией (февр. 1920-нояб. 1922 г.): В 2 ч. Владивосток: Дальнаука, 1993.
9. Девятые Гродековские чтения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Гражданской войны в России

"Дальний Восток России на переломе эпох", 17-22 апреля, 2018 г., Хабаровск. В 3 тт. Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2018.

10. Орнацкая Т.А., Цуканов С.С. Судебные учреждения Дальневосточной республики: организационное строительство и подбор кадров // Клио. 2019. № 1. С. 60–64.

11. Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914-1922): очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2018. 711 с.

12. Покацкий В. А. Денежное обращение Дальневосточной республики 1920–1922 гг. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2018. № 1. С. 5–12.

13. Сердюк М.Б., Чепик М. В. Органы безопасности Дальневосточной республики (1920–1922 гг.): исторический опыт становления кадрового состава // История: факты и символы. 2017. № 4. С. 158–164;

14. Ципкин Ю.Н. Внешняя политика Дальневосточной Республики (1920–1922 гг.). Хабаровск: Изд-во Хабаровского краевого музея, 2019. 173 с.

15. Ципкин Ю.Н. Дальневосточная республика: опыт демократической альтернативы // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке: Сб. науч. ст. Хабаровск: РИО ДВ ГНБ, 1999. С. 119–146.

16. Чепик М.В. Деятельность государственной политической охраны по обеспечению безопасности Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). М.: Эдитус, 2017. 159 с.

17. Sablin I. The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905-1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire. London, New York: Routledge, 2019. 312 p.

18. Smele J. The "Russian" Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World. Oxford: Oxford University Press, 2016. 423 p.

19. Smith S. A. Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford: Oxford University Press, 2018. 480 p.

20. Steinberg M. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford: Oxford University Press, 2017. 400 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Azarenkov A.A. "Demokraticeskij kompromiss": ideya "bufera" na Dal'nem Vostoke v planakh i taktike politicheskikh sil – uchastnikov grazhdanskoj vojny v Rossii (yanvar' 1920-yanvar' 1921 gg.). Komsomol'sk-na-Amure: Izd-vo Komsom.-na-Amure gos. ped. un-ta, 2001. 152 s.

2. Azarenkov A.A. Dal'nevostochnaya respublika kak periferijnaya model' preodoleniya sistemnogo krizisa traditsionnoj imperii // Grazhdanskaya vojna na vostoke Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1922 g.): sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (18-20 noyabrya 2019 g.). Novosibirsk: SO RAN, 2019. S. 178–186.

3. Belyaeva N.A., Lavrik L.A., Lyapustin S.N. Tamozhennoe delo v Dal'nevostochnoj respublike. Vladivostok: Vladivostokskij filial Tamozhennoj akademii, 2018. 113 s.

4. Bepal'ko D.N. Osobennosti razvitiya pushno-syr'evogo sektora ehkonomiki na territorii Zabajkal'ya v period sushhestvovaniya Dal'nevostochnoj respubliki (1920-1922 gg.) // Istoriko-ehkonomicheskie issledovaniya. 2019. № 4. S. 640–664.

5. Bol'shakova O.V. Imperskij povorot v izuchenii istorii Rossii: Sovremennaya istoriografiya. M.: INION RAN, 2019. 180 s.

6. Velikaya rossijskaya revolyutsiya i Dal'nij Vostok: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Šb. materialov. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2018. 308 s.

7. Grazhdanskaya vojna i interventsija na rossijskom Dal'nem Vostoke: k 100-letiyu nachala Grazhdanskoj vojny v Rossii (mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, g. Vladivostok, 23-24 oktyabrya 2018 g.) // Rossiya i ATR: nauchnyj zhurnal: gumanitarnye problemy stran Aziatsko-Tikhokeanskogo regiona (ATR) N. 1 (103) / Mart 2019.

8. Dal'nevostochnaya respublika: stanovlenie, bor'ba s interventsiej (fevr. 1920-noyab. 1922 g.): V 2 ch. Vladivostok: Dal'nauka, 1993.

9. Devyatye Grodekovskie chteniya: materialy Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferentsii, posvyashhennoj 100-letiyu nachala Grazhdanskoj vojny v Rossii "Dal'nij Vostok Rossii na perelome ehpokh", 17-22 aprelya, 2018 g., Khabarovsk. V 3 tt. Khabarovsk: HKM im. N.I. Grodeкова, 2018.

10. Ornatskaya T.A., TSukanov S.S. Sudebnye uchrezhdeniya Dal'nevostochnoj respubliki: organizatsionnoe stroitel'stvo i podbor kadrov // Klio. 2019. № 1. С. 60–64.

11. Poznyak T.Z. Povsednevnyaya zhizn' Vladivostoka ot Pervoj mirovoj do Grazhdanskoj vojny (1914-1922): ocherki istorii. Vladivostok: Dal'nauka, 2018. 711 s.

12. Pokatskij V. A. Denezhnoe obrashhenie Dal'nevostochnoj respubliki 1920–1922 gg. // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2018. № 1. S. 5–12.

13. Serdyuk M.B., Снепик М. В. Organy bezopasnosti Dal'nevostochnoj respubliky (1920–1922 gg.): istoricheskiy opyt stanovleniya kadrovogo sostava // Istoriya: fakty i simvoly. 2017. № 4. S. 158–164;
14. TSipkin YU.N. Vneshnyaya politika Dal'nevostochnoj Respubliki (1920–1922 gg.). Khabarovsk: Izd-vo Khabarovskogo kraevogo muzeya, 2019. 173 s.
15. TSipkin YU.N. Dal'nevostochnaya respublika: opyt demokraticheskoj al'ternativy // Iz istorii Grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke: Sb. nauch. st. Khabarovsk: RIO DV GNB, 1999. S. 119–146.
16. Снепик М.В. Deyatel'nost' gosudarstvennoj politicheskoy okhrany po obespecheniyu bezopasnosti Dal'nevostochnoj respubliky (1920–1922 gg.). M.: EHditus, 2017. 159 s.
17. Sablin I. The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905-1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire. London, New York: Routledge, 2019. 312 p.
18. Smele J. The "Russian" Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World. Oxford: Oxford University Press, 2016. 423 p.
19. Smith S. A. Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford: Oxford University Press, 2018. 480 p.
20. Steinberg M. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford: Oxford University Press, 2017. 400 p.

Богомолов И. К. Рецензия на книгу Sablin I. The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after.

В рецензии рассматривается монография И. Саблина о возникновении и падении Дальневосточной республики (ДВР). Автор отмечает, что сама идея создания "буферного государства" была уникальной для революционной России, уникальной для большевиков, уникальной для региона. На основании широкого круга источников И. Саблин показывает, как идеологии, с которыми большевики изначально боролись – "левый либерализм", национализм и империализм – позволили им в итоге одержать верх на Дальнем Востоке и окончательно победить в Гражданской войне.

Ключевые слова: *Дальневосточная республика, Первая мировая война, революция 1917 г., Гражданская война в России, интервенция, Приамурский земский край, А.М. Краснощеков, атаман Семенов, каппелевцы*

Bogomolov I. K. Review on Sablin I. The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire.

The review considers the monograph by Ivan Sablin on the emergence and fall of the Far Eastern Republic (FER). The author notes that the very idea of creating a "buffer state" was unique for revolutionary Russia, unique for the Bolsheviks, unique for the region. Based on a wide range of sources Ivan Sablin shows how the ideologies with which the Bolsheviks initially fought – "left liberalism", nationalism and imperialism – allowed them to ultimately gain the upper hand in the Far East and finally win the Civil War.

Key words: *Far Eastern Republic, World War I, Russian revolution, Russian Civil War, intervention, Provisional Priamurye Government, A.M. Krasnozhchekov, Ataman Semyonov, kappelevtsy*

Для цитирования: Богомолов И. К. Рецензия на книгу Sablin I. The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 158–162. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/158-162

For citation: Bogomolov I. K. Review on Sablin I. The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire // Oikumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 158–162. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/158-162

3 ноября скончался Михаил Григорьевич Ганопольский – доктор философских наук, профессор кафедры транспорта углеводородных ресурсов Тюменского индустриального университета, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН. Более десяти лет Михаил Григорьевич являлся членом редколлегии "Ойкумены", участвуя в работе журнала как автор, организатор и рецензент...

Редколлегия журнала выражает свои искренние соболезнования родственникам Михаила Григорьевича, его друзьям, ученикам и сотрудникам. Светлая память нашему уважаемому коллеге, замечательному ученому и оригинальному мыслителю, нашему неизменному соратнику в деле развития регионоведческой науки как комплексного, многоотраслевого знания!

Редколлегия

Москвитин А. Ю.

Памяти друга

Михаил Григорьевич Ганопольский

3 ноября 2020 года ушел из жизни Михаил Григорьевич Ганопольский – доктор философских наук, профессор кафедры транспорта углеводородных ресурсов Тюменского индустриального университета, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН, член редакционной коллегии журнала «Ойкумена. Регионоведческие исследования».

Михаил Григорьевич родился 6 декабря 1945 года в г. Кировограде и поэтому с улыбкой квалифицировал себя как «дитя победы». В 1970 году он окончил Одесский государственный университет по специальности «Математика» (именно эта математичность его ума, т.е. сочетание свободного воображения и строгих выводов, была тем, что удивило и привлекло меня, когда мы встретились). В 1971 году М.Г. Ганопольский переехал в Тюмень, где начал работать по специальности в Гипротюменьнефтегазе и СибНИПИгазстрое. Однако, начавшееся с развитием промышленной нефтегазодобы-

чи комплексное освоение региона, его демографические, социальные и духовные характеристики заинтересовали Михаила Григорьевича и изменили профессиональные приоритеты на исследовательские и педагогические. Он начал работу в Тюменском индустриальном университете, которому отдал 25 лет, – заведующим лабораторией, затем ведущим научным сотрудником НИИ прикладной этики, профессором кафедры организации производства и внешнеэкономической деятельности Института менеджмента и бизнеса, профессором кафедры транспорта углеводородных ресурсов Института транспорта ТИУ. С 1989 года он также работал в Институте проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН. В 1981 году М.Г. Ганопольский защитил кандидатскую диссертацию «Управление нравственным воспитанием в трудовом коллективе: прикладные исследования и разработки», в 1998 году – докторскую диссертацию по философии «Региональный этос: истоки, становление, развитие».

С Михаилом Григорьевичем я познакомился в 1988 году в (тогда еще) Свердловске, в Институте повышения квалификации (ИПК) Уральского госу-

© Москвитин А. Ю., 2020

МОСКВИТИН Андрей Юрьевич, канд. филос. наук, преподаватель Российского колледжа традиционной культуры (г. Санкт-Петербург). E-mail: aum07@mail.ru

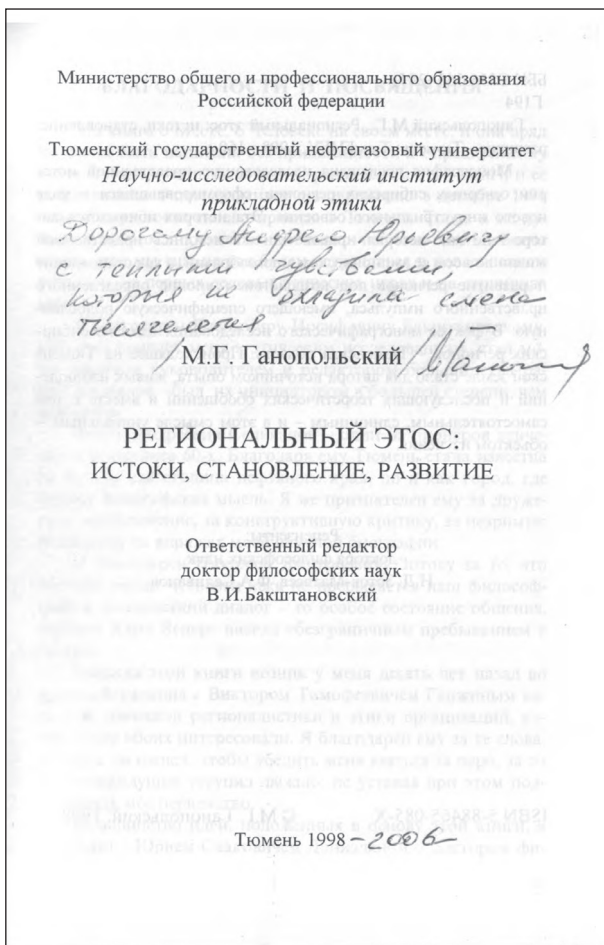
ниверситета, где я готовился к поступлению в аспирантуру, а он подступал к теме, ставшей предметом его докторской диссертации и последующих исследований – к проблеме регионального этоса. Не помню, что в тот день в книжном магазине выбрал я сам, но выбор старшего товарища запомнил хорошо: только что вышедший перевод Евы Анчел «Этос и история» и... 3-й том четырехтомника Аристотеля. На мое удивление: зачем еще древний Аристотель, да еще самые «нефилософские» его сочинения? он удивил меня еще больше, признавшись, что Аристотель – один из его любимых писателей (sic!). Много лет позднее Михаил Григорьевич прокомментировал этот эпизод нашего общения как шутку, но для меня это оказалось серьезным уроком неутилитарного и неидеологического отношения к философии.

В эти полгода (январь–июнь 1988) он еще много раз выводил меня из состояния наивно-догматического всёпонимания. Это могло быть его предложение описать красоту и особенность

Владивостока, которое открывало мне, что город, который я уже десяток лет как считал своим, все еще не пережит и не прочувствован мною. И по возвращении я вновь открывал Владивосток, вглядываясь в него как бы глазами Михаила Григорьевича. Это могло быть его объяснение, – столь же меткое, сколь и объективное, – несомненного, но до времени необъяснимого для меня факта особой привлекательности приморских девушек тем, что в их жилах текла кровь многих народов, осваивавших дальневосточный край. Это было его мужество, – спокойное, но непреклонное, – перед антисемитизмом, который к моему изумлению обнаружили некоторые коллеги-преподаватели, и которому он с улыбкой противостоял: «ибо не ведают, что творят».

В этих и других эпизодах М.Г. Ганопольский постепенно проявлялся для меня как человек рубежа, с интересом всматривавшийся в неизвестное, и вместе с тем сознающий себя носителем традиции, которая не только трансформируется в столкновении с новым, но и сама формирует это новое как порядок и обустроенность. Это симптоматично резонировало и его научным интересам, и собственной исследовательской траектории. Подсмеиваясь над тогдашними моими «истматовскими» приоритетами – теорией общественного прогресса и его критериев, Михаил Григорьевич советовал мне заняться этикой и уже серьезно предлагал реальную помощь – знакомство со своим старшим товарищем – доктором философских наук, В.Г. Ивановым – одним из создателей ленинградской школы этики...

Мы встретились еще раз через пару лет в Ленинграде: несколько часов общения, обмен новостями и планами и... возвращение в собственную уже отмеченную тревогой жизнь – Советский Союз доживал свои последние месяцы. Последующее общение протекало в письмах – сначала бумажных, затем

электронных, потом пришло время SMS-сообщений и звонков. Неизменно любопытный к жизни Михаил Григорьевич интересовался тем, чем живет Владивосток, сетовал на то, что наступивший в России капитализм с его ресурсодобывающей доминантой отринул проблематику не узко экономического, но комплексного хозяйственного освоения Дальнего Востока и Западной Сибири, что проблематика регионального этоса, которым он продолжал заниматься, стала интересна за рубежом – в Китае, Монголии, Казахстане, но не в России.

Поэтому столь актуальным и интересным оказалось для него прозвучавшее более десяти лет тому назад предложение молодых организаторов журнала «Ойкумена. Регионоведческие исследования» войти в состав редакционной коллегии. Новые темы, имена, профессиональные контакты, открывавшиеся ему на этой работе, помогали сохранять вкус к регионоведческим разработкам, позволяли не только удостоверять достигнутый научный уровень, но и продолжать актуальную исследовательскую работу. Работу, безвременно прерванную за месяц до 75-летнего юбилея М.Г. Ганопольского.

В один из сложных моментов моей жизни, когда мне пришлось сделать непростой выбор, Михаил Григорьевич, не разделяя его, все же напутствовал меня: «В добрый час!». Думаю, многие из знавших этого человека, также могут вспомнить его честность и доброту. Светлая память, дорогой товарищ и друг!

Москвитин А. Ю. Памяти друга.

Moskvitin A. Yu. In memory of a friend.

Для цитирования: Москвитин А. Ю. Памяти друга // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 164–166. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/164-166

For citation: Moskvitin A. Yu. In memory of a friend // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 164–166. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/164-166

Сведения о членах редакционной коллегии

- Филипова Александра Геннадьевна** (*главный редактор*) – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Барбенко Ярослав Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Винокурова Анна Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор кафедры транспорта углеводородных ресурсов Тюменского индустриального университета, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН (*г. Тюмень*)
- Григоричев Константин Вадимович** – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Дударёнок Светлана Михайловна** – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, заведующий библиотекой Музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кристофферсен Гайе** – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Лагушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лебедева Марина Михайловна** – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Римская Татьяна Григорьевна** – кандидат исторических наук (*г. Находка*)
- Рыжова Наталья Петровна** – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор академического департамента Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (*г. Санкт-Петербург*)
- Хисамутдинова Наталья Владимировна** – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Шестак Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток*)
- Шин Беом-Шик** – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*)
- Широ Сасаки** – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сирай, Япония*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.oikum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редакция журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

Теория и методология регионоведческих исследований

Историческое регионоведение

Экономика и природопользование

Социальные и демографические структуры

Культурные и идеологические факторы регионализации

Политические отношения и управление регионом

Мировая система и международные регионы

Междисциплинарные и системные исследования региона

Регион в документах и свидетельствах

Науковедение

Дискуссия

Рецензии и обзоры

Научная жизнь

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)

22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки)

22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки)

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки)

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2018).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2020 № 4 (55)

Подписано к печати 04. 12. 2020 г. Вышло в свет 24. 12. 2020 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 16,85. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

